

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

69

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

69

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1957

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — член-корр. Академии наук СССР *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов, Л. А. Езюхова,
А. Ф. Медведев (отв. секретарь), *Г. Б. Федоров*

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

А. П. ЧЕРНЫШ

ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Одной из главных задач археологической науки является определение последовательных этапов развития производства и культуры в древнейшие периоды истории человеческого общества. Решение этой задачи затрудняется по мере удаления в глубь времен, так как уменьшается количество необходимых источников. Особенно труден вопрос хронологии палеолитического времени — наиболее древнего периода человеческой истории.

Известно, что первые находки, относящиеся к палеолитическому времени, обнаружены в прошлом столетии. По мере накопления сведений тогда же были сделаны первые попытки построения хронологии палеолитических памятников. Среди этих попыток мы отметим лишь несколько наиболее известных, выдвинутых во второй половине минувшего века.

Один из крупнейших исследователей палеолита Франции Э. Лартэ в 60-х годах, на основании наблюдений при раскопках ряда пещерных памятников, выделил среди них 2 группы, из которых первую отнес к веку мамонта, а вторую, более позднюю — к веку северного оленя. Основой классификации Э. Лартэ, таким образом, явился фаунистический принцип. Последнюю группу исследователь разделил на 3 подгруппы, считая, что в каждой проявляются местные различия, однако фактически эти подгруппы были разновременными.

В 70-х годах Э. Дюпон, в результате наблюдений в пещерах Бельгии, разделил пещерные памятники на 4 группы:

1. Тип Шалэ. Соответствует позднейшим отложениям с мелкими кремневыми орудиями эпохи северного оленя.

2. Тип Гуайе. Ранний этап эпохи северного оленя. В материалах — незначительные остатки костей мамонта. Здесь встречались гарпуны, «жезлы», иглы из кости (по принятой теперь периодизации — мадленское время).

3. Тип Понт-а-лесс. В этих памятниках встречались кремневые наконечники, пластины с ретушью и т. д. (солютрейское время).

4. Тип Монтегль. Соответствует памятникам ориньякского времени позднейших классификаций.

Следующей попыткой создания хронологии палеолита была классификация Э. Пьетта, построенная по палеонтологическому принципу, на основании материалов пещер юга Франции. Э. Пьетт выделил следующие стадии: 1) элафскую, 2) элафско-тарандскую, 3) тарандскую, 4) эквидскую, 5) бовидскую. Следует отметить, что Э. Пьетт не очень хорошо разобрался в материалах ряда памятников, четкого различия между стадиями не было.

Параллельную классификацию Э. Пьетт создал на основании материалов по искусству. Так, глиптический период искусства (период господства обработки кости в художественных формах) он разделил на азильское, лортэтское, гурданское и папальское время.

Периодизации Э. Лартэ, Э. Дюпона и Э. Пьетта были первыми попытками внести какой-то порядок в накопившиеся к тому времени материалы по палеолиту.

Далее Г. Мортилье построил классификацию палеолита, основываясь на учете развития форм орудий труда. Он исправил выводы Э. Лартэ, рассматривая его подгруппы как хронологические звенья. Г. Мортилье разделил палеолит на шелльское, ашельское, мустье, солютрейское, мадленское и турасское время¹. Эта хронология была прогрессивным явлением для своего времени, так как учитывала развитие техники производства.

В 900-х годах А. Брейль, на основании стратиграфии таких памятников, как Мустье, Трилобит, Рют, Лоссель, Комб-Капелль, Ферраси и др., ввел между эпохами мустье и солютре промежуточную — ориньякскую². Несколько позже им же были выделены две территориальные зоны верхнего палеолита — атлантическая и средиземноморская³. Эта хронология существует до последнего времени.

Необходимо отметить, что после выделения ориньякской эпохи у исследователей палеолита наметилась тенденция относить к ней большинство памятников; в результате термин «ориньяк» по существу потерял первоначальное конкретное содержание.

В современной буржуазной науке весьма распространено положение об отсутствии закономерностей в развитии общества: периодизация, созданная Г. Мортилье, отбрасывается, или ограничивается узким локальным районом, а верхний палеолит рассматривается лишь как арена проявления нескольких, якобы извечно существовавших, параллельных культур — культуры «рубил», «отщепов» и «пластин». Культуры эти связываются с различными расами⁴. По мнению буржуазных ученых, для общества характерны не закономерности его развития, а извечная борьба и скрещивание вечно существующих расовых культур. Разновидностью этих «теорий» являются, например, широко распространенные среди зарубежных археологов гипотезы о сосуществовании ориньяка и соответствующей ориньяку перигорийской культуры, которая в свою очередь имеет два варианта.

В советской литературе первые попытки построения хронологии позднего палеолита принадлежат В. А. Городцову и П. П. Ефименко.

В сводной работе «Каменный период», опубликованной в 1923 г., В. А. Городцов дал новую классификацию для каменного века: эолитическая, археологическая, мезолитическая, палеолитическая и неолитическая эпохи. Верхнепалеолитическое время (по классификации В. А. Городцова — палеолитическая эпоха) он подразделил на верхний, средний и нижний горизонты, которые, по его мнению, соответствовали мадленскому, солютрейскому и ориньякскому времени⁵. В свою очередь эти горизонты В. А. Городцов разделил на 3 подгруппы, наметив, таким образом, для позднего палеолита 9 подгрупп, к которым были отнесены памятники, известные в СССР в те годы. В ряде случаев датировки оказались правильными (например, датировка стоянки Гонцы), но классификация не получила признания.

¹ G. et A. Mortillet. Musée préhistorique. Paris, 1903.

² H. Breuil. La question aurignacienne. Revue préhistorique, № 2, Paris, 1907.

³ H. Breuil. Les subdivisions du paléolithique supérieur et leur signification. Genève, 1912, стр. 171.

⁴ J. Bauer. Die Grundlagen zur Universalgeschichte der Menschheit. Die Eiszeit, t. VI. Leipzig, 1929.

⁵ В. А. Г о р о д ц о в. Каменный период. М., 1923, стр. 28.

В. А. Городцов считал, что поздний палеолит Европейской части СССР отличался от палеолита Западной и Центральной Европы, входя в так называемую восточноевропейскую зону — одну из трех отличающихся между собой зон внутри выделенной А. Брейлем атлантической зоны. Кроме восточноевропейской, по В. А. Городцову, внутри атлантической зоны наблюдались средневропейская (или дунайская) и западноевропейская. Следовательно, В. А. Городцов считал, что поздний палеолит Европейской части СССР своеобразен.

Несколько позже П. П. Ефименко предложил классификацию позднего палеолита Европейской части СССР на основании западноевропейской хронологической шкалы⁶; потом им была выдвинута хронология позднего палеолита Европейской части СССР, построенная на отечественных памятниках и включавшая сначала 6, а позже 7 различных ступеней, которые были выделены, главным образом, на основании материалов исследований многослойных памятников в Костенковско-Боршевском районе⁷.

П. П. Ефименко устанавливает следующие хронологические группы: раннетельманскую, позднетельманскую, костенковскую (соответствующие памятникам ранней поры позднего неолита), мезинскую, кирилловскую, гонцовскую и боршево-журавскую⁸. Памятники позднего палеолита разбиты на эти группы или типы, как пишет П. П. Ефименко, «в порядке их древности». Стоянки позднепалеолитического времени Европейской части СССР описываются им соответственно этим различным по времени типам памятников, которые отвечают определенным эпохам позднего палеолита западноевропейской периодизации.

П. П. Ефименко пришел к выводу, что «смена типов кремневого инвентаря в рамках ориньякской, солютрейской и мадленской эпох, — принявшаяся до сих пор за неизбежную основу исторического развития палеолитической культуры Европы, — является отвлеченным построением, далеким от исторической действительности»; «она не отвечает действительным фактам», так как, по мнению П. П. Ефименко, понятия «ориньяк» и «солютре» лишены какого-либо исторического содержания⁹. Таким образом, эпохи позднего палеолита западноевропейской периодизации П. П. Ефименко рассматривает как чисто локальные явления, свойственные преимущественно части территории Франции, допуская даже возможность их сосуществования и считая, что определенные приемы обработки кремня могли удерживаться в силу традиций¹⁰. П. П. Ефименко пришел к заключению, что ориньякских памятников нет на территории СССР и в ряде других стран (Англия, Германия, Венгрия) и что досолютрейские памятники раннетельманского типа имеют признаки южной капсийской культуры. По мнению П. П. Ефименко, это свидетельствует о передвижении палеолитических общин с юга в район Дона, куда позже прикочевали общины с инвентарем типа, известного для верхнего слоя Тельманской стоянки, являвшиеся представителями иного пути развития¹¹. Несмотря на концепцию, полностью отрицающую значение периодизации Г. Мортилье, в своей монографии П. П. Ефименко анализирует памятники позднего палеолита СССР согласно эпохам западноевропейской периодизации. Все это свидетельствует о трудности решения проблемы хронологии позднего палеолита.

⁶ П. П. Ефименко. Некоторые итоги изучения палеолита СССР. Человек. № 1, 1928, стр. 45—59; его же. Палеолитические стоянки Восточноевропейской равнины. Труды II конференции АИЧПЕ, вып. 5, 1934.

⁷ П. П. Ефименко. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке. Материалы по четвертичному периоду, вып. II. М.—Л., 1950.

⁸ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 315—319.

⁹ Там же, стр. 314.

¹⁰ Там же, стр. 310.

¹¹ Там же, стр. 325.

Необходимо отметить еще одно положение П. П. Ефименко, изложенное в монографии. Он считает возможным позднепалеолитическое время разделить на следующие этапы: ранний этап, соответствующий ориньякско-солютрейскому времени, когда складывалось раннеродовое общество с оседлым охотничьим хозяйством; поздний этап, соответствующий мадленскому времени, когда существовал своеобразный охотничий бытовой уклад охотников-номадов; позднейший этап, соответствующий азильскому времени, когда, по мнению П. П. Ефименко, охотничье хозяйство позднепалеолитического времени пришло в упадок, сменяясь постепенно другими источниками добывания средств существования — источниками, которые развились уже в неолитическое время¹².

Следующая попытка создания хронологии позднего палеолита принадлежит П. И. Борисковскому, уделившему много внимания этой проблеме¹³. Он исходит из положения о том, что в границах трех зон позднего палеолита (африкано-средиземноморской, сибирско-китайской и приледниковой) наблюдаются сходные черты развития техники производства и что, следовательно, внутри этих зон можно выделить определенные хронологические этапы¹⁴.

П. И. Борисковский считает, что культура позднего палеолита в приледниковой зоне Европейской части СССР развивалась близкими путями. Поэтому, учитывая данные таких многослойных памятников, как Костенки I, Тельманская, Боршево II, а также материалы памятников других районов СССР, он выделяет для позднего палеолита УССР 7 хронологических ступеней; кроме того, 3 ступени им предложены для мезолитического времени.

Ранняя пора позднего палеолита, по П. И. Борисковскому, начинается с памятников ориньякского времени (1-я ступень); дальше следуют памятники солютрейского времени (2-я ступень) и позднесолютрейского (3 и 4-я ступени). Мадленское время представлено 5, 6 и 7-й ступенями, а мезолитическое — следующими тремя. Каждая ступень хронологической шкалы характеризуется определенными, типичными для соответствующего времени памятниками, а некоторые этапы — лишь подъемными материалами из-за отсутствия стоянок, исследованных путем раскопок.

Периодизация П. И. Борисковского построена на основании наблюдений над изменением техники производства в разновременных памятниках.

Несмотря на указанные различия в оценке П. П. Ефименко и П. И. Борисковским западноевропейской хронологической шкалы, решение проблемы хронологии позднего палеолита у них все же сходно: они наметили 7 последовательных этапов развития техники производства.

С несколько иными взглядами в отношении хронологии позднего палеолита СССР (речь идет о приледниковой зоне Европейской части СССР) выступил А. Н. Рогачев¹⁵. Он пришел к выводу, что попытки П. П. Ефименко и П. И. Борисковского хронологически расчленить позднепалеолитическое время научно несостоятельны, что последовательного развития в памятниках позднего палеолита Дона не наблюдается, что периодизация Мортилье—Брейля отражает лишь локальное развитие памятников Западной Европы, а поздний палеолит на нашей территории

¹² П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 287.

¹³ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953; ж е. Основные этапы развития палеолита Украины. СА, XV, 1951.

¹⁴ П. И. Борисковский. Вопросы периодизации палеолита. СА, XXI, 1954, стр. 33.

¹⁵ А. Н. Рогачев. Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита. (По материалам Тельманской стоянки в Костенках). СА, XVII, 1953, стр. 149—160; его же. Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточноевропейской равнины. МИА, № 39, 1953.

полностью своеобразен (и достаточно разнообразен), и, наконец, что палеолитические памятники Дона свидетельствуют о сосуществовании здесь ориньякской, солютрейской и мадленской техники.

Основой для этих заключений А. Н. Рогачеву послужило сопоставление наблюдений над геологическими условиями залегания памятников в Костенковско-Боршевском районе, в частности сопоставление ископаемых почв. На основании сравнения залегания позднепалеолитических памятников этого района по отношению к горизонтам ископаемых почв, которые прослеживаются на первой и второй надпойменных террасах, А. Н. Рогачев выделил три разновременные группы стоянок позднего палеолита. Древнейшую, по его мнению, составляют памятники, залегающие в основании толщи лёссовидных суглинков и ниже этих суглинков в слоистых овражных отложениях вторых надпойменных террас. Сюда относятся такие памятники, как 5-й слой Костенок I, три нижних слоя Тельманской стоянки.

В среднюю по времени группу включены памятники, находящиеся в лёссе вторых надпойменных террас (верхний слой Тельманской стоянки, средний слой Костенок I) и в верхней части лёсса этих террас (верхний слой Костенок I, Боршево I, Костенки II, Бирючий Лог). Третью группу, наиболее позднюю (по А. Н. Рогачеву), составляют памятники, находящиеся в лёссовидных суглинках первой надпойменной террасы. В эту группу входят такие разновременные памятники, как Костенки IV (оба слоя), Костенки III, Боршево II.

Таким образом, доказывается одновременность разновременных позднепалеолитических стоянок Дона, хотя сам автор этой концепции в своей работе отмечает, что положение о двух террасовых комплексах следует считать недоказанным, как и положение о синхронности двух гумусированных толщ, прослеживающихся по склонам логов в этом районе на уровне второй надпойменной террасы¹⁶.

Выступил со своей точкой зрения на хронологию позднего палеолита Европейской части СССР и А. П. Окладников, который также является сторонником взгляда о наличии на территории СССР трех территориальных зон, где для позднего палеолита наблюдается своя специфика (зона Русской равнины, Белоруссии, УССР, сходная с поздним палеолитом Франции и входящая в атлантическую зону А. Брейля; среднеазиатско-крымско-кавказская, сходная с капсийской областью; сибирско-азиатская). В границах этих зон необходимы свои хронологические классификации¹⁷.

На основании изучения материалов стоянок Костенковско-Боршевского района А. П. Окладников пришел к выводу, что во всех районах Русской равнины памятники раннего ориньяка — типа Шательперрон — отсутствуют, но есть относимые к среднему и позднему ориньякским периодам западноевропейской классификации. По мнению А. П. Окладникова, развитие местной позднепалеолитической культуры, выросшей из культуры мустье с ашельской традицией и представленной находками типа инвентаря 5-го слоя Костенок I, было прервано распространением нового, вышедшего из Западной Европы, населения, оставившего после себя памятники нового для этой территории средне- и позднеориньякского облика. Последующий процесс развития позднепалеолитической культуры приводит здесь к появлению памятников классического солютре — типа верхнего слоя Тельманской стоянки, далее — типа Костенок IV и еще позднее — памятников типа Костенки I — Авдеевка (костенковская фация).

А. П. Окладников заключает, что гипотеза об эволюционном развитии техники от ориньякской (притупляющая ретушь) к солютрейской (вырав-

¹⁶ А. Н. Рогачев. Новые данные... , стр. 52.

¹⁷ А. П. Окладников. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований. СА, XXI, 1954.

нивающая ретушь) не отражает всей сложности развития культуры верхнего палеолита Восточной Европы; история этой территории развивалась более сложными путями; исторический процесс включал взаимоотношения различных групп населения¹⁸. Выводы, по мнению исследователя, подтверждаются двумя горизонтами ископаемых почв в Костенках, свидетельствующими о развитии после пресолютре культур среднего и верхнего ориньяка, а затем — раннего солютре типа верхнего слоя Тельманской стоянки и, наконец, типа Костенок I. А. П. Окладников считает, что развитие солютре в Западной Европе могло быть связано с обратным распространением солютре с востока на запад.

История верхнепалеолитического населения Русской равнины, Западной и особенно Центральной Европы, где наблюдаются те же комплексы, сходна; по мнению А. П. Окладникова, нельзя сводить ее к истории отдельных, изолированных общин.

Таким образом, четыре отличающиеся друг от друга классификации ведущих советских исследователей палеолита базируются в основном на одних и тех же источниках — на многослойных стоянках Костенковско-Боршевского района. Правда, два из этих авторов принимают во внимание преимущественно археологические материалы (П. П. Ефименко, П. И. Борисковский), другие два — археологические и геологические (А. П. Окладников) или главным образом геологические (А. Н. Рогачев).

Различия во взглядах объясняются трудностью интерпретации материалов многослойных стоянок Дона; они свидетельствуют о сложности решения проблемы периодизации позднего палеолита Европейской части СССР. Накопившиеся многочисленные материалы показывают, что в настоящее время проблему хронологии позднего палеолита следует решать не механическим перенесением на нашу территорию западноевропейской хронологической шкалы, а путем построения на основании стратиграфии периодизаций памятников в ряде районов приледниковой зоны и их сопоставления с целью определения общих для этой зоны хронологических ступеней.

Мы видели, что памятники Костенковско-Боршевского района, считающегося опорным для изучения позднего палеолита, явились фундаментом для построения различных хронологий этого периода. Проверить правильность выводов исследователей, которыми выдвинуты различные точки зрения, на наш взгляд, можно на материалах другого района с многослойными памятниками позднего палеолита — района Среднего Поднестровья, также относящегося к приледниковой зоне Европейской части СССР. В Поднестровье в результате полевых работ последних лет получен ряд стратиграфических наблюдений, позволяющих ответить на некоторые вопросы, связанные с разработкой хронологии позднего палеолита Европейской части СССР.

Не будем подробно излагать материалы многослойных стоянок Днестра, так как некоторая часть материалов уже опубликована¹⁹, а отметим лишь основные результаты, касающиеся проблемы хронологии.

В 1949—1951 и 1953 гг. исследовалась стоянка Бабин I — «Яма», находящаяся на правом берегу Днестра у с. Бабин, Кельменецкого района, Черновицкой области. На стоянке была вскрыта площадь размером 694 кв. м и обнаружены остатки трех разновременных позднепалеолитических стоянок — позднемадленского, солютрейского и среднеориньякского

¹⁸ А. П. Окладников. Некоторые вопросы... стр. 19.

¹⁹ А. П. Черныш. Палеолитическая стоянка Бабин I по материалам раскопок 1949—1950 гг. КСИИМК, вып. XLIX, 1953; его же. Исследования палеолита на Днестре. КСИИМК, вып. 56, 1954; его же. Палеолитическая стоянка Вороновца I. КСИИМК, вып. 63, 1956; его же. Многослойная стоянка Молодова V. КСИИМК, вып. 67, 1957.

облика. Получен богатый археологический материал, включающий кремневые находки, фаунистические остатки, поделки из кости и рога.

Остатки самого древнего стойбища находились в верхней части суглинков и перекрывались культурным слоем солютрейского облика, залегавшим в нижней части бурой глины делювиального происхождения, покрывавшей суглинки.

В 1951—1953 гг. на правом берегу Днестра у с. Вороновица исследовалась известная стоянка Вороновица I — «Барвинская гора», где вскрыта площадь размером 262 кв. м. В течение трехлетних раскопок стоянки выявлены остатки двух одновременных стойбищ — солютрейского с находками поделок типа лавролистных наконечников и мадленского, причем солютрейское стойбище стратиграфически перекрывалось мадленским. Здесь был встречен разнообразный инвентарь.

Наиболее важные результаты получены при шестилетних раскопках стоянки Молодова V — одного из наиболее замечательных памятников позднего палеолита; здесь обнаружен исключительно интересный материал (флейты, гарпуны, «жезлы», в том числе один с изображением человека, и т. д.) и остатки постоянных жилищ.

За время раскопок этой стоянки, находящейся на правом берегу Днестра у с. Молодова, Кельменецкого района, Черновицкой области, вскрыта площадь размером 550 кв. м (1951, 1953—1956 гг.); обнаружены остатки 12 одновременных стойбищ, находившихся на глубине от 0,5 до 10 м. Культурные горизонты залегают в лёссовидных суглинках и относятся к периоду от ранней поры позднего палеолита до мезолита, давая, таким образом, стратиграфическую шкалу: солютрейское время (горизонты 10, 9, 8 и 7) — мадленское (горизонты 6, 5, 4, 3 и 2) — мезолит (горизонты 1 и 1а).

На стоянке Молодова V слой с материалом, характеризующимся развитым солютре, перекрывался слоем позднего солютре с поделками типа наконечников с боковой выемкой; выше находились материалы мадленского времени, а выше — раннемезолитические стойбища с гарпунами, имеющими отверстие в нижнем конце. Материалы стоянки свидетельствуют, что характерные для наиболее низких горизонтов признаки техники производства кремневых орудий постепенно исчезают (двусторонняя обработка плоской ретушью, симметричные острия, лавролистные наконечники и — позже — наконечники с боковой выемкой, орудия на крупных пластинах с краевой ретушью). При переходе к более поздним горизонтам кремневые поделки все больше микролитизируются и упрощаются, но одновременно совершенствуется обработка кости и рога. О последнем свидетельствуют находки в позднемадленских горизонтах флейт из рога оленя, фрагментов наконечников с прорезями для вкладышей, ребер с прорезями для крупных вкладышей и гарпуна в мезолитическом горизонте.

Таким образом, процесс изменения кремневой техники сопровождается усовершенствованием обработки кости и рога, ростом вкладышевой техники.

В культурных горизонтах стоянки Молодова V мы находим данные, подтверждающие изменения в животном мире, окружавшем позднепалеолитического человека; постепенно исчезают носорог, мамонт, начинает резко выявляться преобладание северного оленя, составляющего в самых верхних горизонтах 77% (по количеству особей) всей фауны, тогда как в нижних горизонтах он составляет лишь 20%. Находки значительного количества остатков северного оленя на стоянках типа Арансбург-Лингби, на ряде тарденуазских стоянок Бельгии, на некоторых позднемадленских и азильских во Франции, на стоянках конца палеолита Швейцарии, Германии, Венгрии, а также на таком памятнике, как Владимировка, показывают, что соотношение это не случайно.

Материалы трех многослойных стоянок Днестра, упомянутых выше, свидетельствуют о постепенном, прогрессивном развитии техники производства в период от начала позднего палеолита до мезолита и о возможности выделения последовательных ступеней, характеризующих различные моменты ее развития. Эти материалы позволяют также сделать заключение о наличии у позднепалеолитических памятников этого района черт, общих с другими памятниками приледниковой зоны. Так, сходство инвентаря стоянок Поднепровья с материалами памятников района Десны, Дона, а также Чехословакии и даже Западной Европы дает возможность считать, что в этих районах процесс исторического развития шел в одном направлении, а некоторые специфические черты в каждом из подрайонов имеют уже второстепенное значение; они выражаются лишь в отсутствии или наличии некоторых типов поделок.

Таким образом, можно согласиться с мнением П. И. Борисковского и А. П. Окладникова о возможности выделения для приледниковой зоны определенных хронологических этапов, которые отражали бы общие черты разновременных памятников этой зоны.

Изучение многослойных стоянок Поднепровья позволяет увеличить количество фактов, свидетельствующих о сходстве памятников этого района с другими в районах приледниковой зоны. Так, например, благодаря раскопкам последних лет на Днестре обнаружены серии поделок солютрейского облика (наконечники с двусторонней обработкой поверхности, поделки типа наконечников с боковой выемкой), имеющих аналогии среди памятников и Дона, и Центральной Европы.

Стратиграфия залеганий на днестровских стоянках — ориньяка под солютре, солютре под мадленом и мадлена под мезолитом — свидетельствует, что никаких данных о сосуществовании перечисленных нами периодов на Поднепровье нет, что эти периоды являются закономерными, последовательными этапами развития для памятников приледниковой зоны.

Кроме того, многочисленные комплексы материалов со стоянок Днестра дают возможность считать, что резких признаков отличия в различных памятниках ранней поры позднего палеолита нет (имеются в виду ориньяко-солютрейские слои) и что в них наблюдаются сходные черты (встречается плоская и крутая ретушь; встречаются острия, но в солютрейских памятниках находят наконечники, а в ориньякских их нет).

Сходство между собой различных памятников ранней поры позднего палеолита позволяет заключить, что промежуточные слои Костенок I являются не ориньякскими, а относятся к тому же солютрейскому времени, как и верхний и нижний слои стоянки. Эти промежуточные слои лишь менее четко представлены; в них менее определенно выражены характерные для солютре руководящие формы (наконечники), которые являются главным критерием для датировки солютрейским временем, тогда как остальной сопровождающий инвентарь обычно не принимается во внимание.

На наш взгляд, промежуточные слои Костенок I относятся не к ориньякскому времени, а к солютрейскому. В связи с этим нет оснований допускать миграцию носителей ориньякской культуры на Дон, якобы прервавшую процесс исторического развития солютрейских общин в этом районе, так как на Дону, по нашему мнению, прослеживается та же последовательность развития от ориньяка к солютре и мадлену, что и в других районах приледниковой зоны. Многослойные стоянки Дона дают аналогичную днестровским стратиграфическую колонку, в которой, учитывая ископаемые почвы в качестве стратиграфической границы, к ориньяку следует отнести нижний слой Тельманской стоянки, а верхний слой этой стоянки — к развитому солютре; он несколько более поздний по сравнению с нижним слоем Костенок I и более древний сравнительно с верхним.

Материалы многослойных стоянок Днестра и Дона позволяют заключить, что предложенная П. И. Борисковским схема хронологии позднего палеолита является пока наиболее удачной попыткой построения периодизации. Эта схема точнее отражает общий процесс развития общества того времени по сравнению с другими схемами; однако она содержит ряд неточностей, которые необходимо исправить, учитывая новые данные по стратиграфии позднего палеолита Поднестровья.

Возникает вопрос о правильности применения для памятников нашей территории терминов западноевропейской хронологической шкалы. Мы выше отмечали, что эта шкала была обоснована стратиграфическими данными пещерных памятников и что в дальнейшем много стоянок было отнесено преимущественно к ориньякскому времени, почему термин этот стал мало отвечать конкретному содержанию, которое вкладывалось в него ранее. Меньше неточностей имеется при датировке солютрейских и мадленских памятников, но тем не менее для стоянок, относящихся к позднему палеолиту Европейской части СССР, необходимо на основании стратиграфии многослойных стоянок Дона и Днестра выработать новую, более точную терминологию, используя наиболее характерные памятники в качестве названий для соответствующих этапов. Эта терминология будет точнее, чем западноевропейская, она отразит новые достижения в изучении позднего палеолита СССР и особенно результаты исследований многослойных памятников, дающих стратиграфическое обоснование для решения проблемы хронологии.

С. С. ЧЕРНИКОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Основной задачей экспедиции 1953 г.¹ было продолжение раскопок памятников, расположенных в долине Иртыша от оз. Зайсан до устья Бухтармы, в зоне водохранилищ Бухтарминской ГЭС. Результаты работ 1953 г. и систематических археологических исследований предшествующих лет позволяют наметить основные контуры древней истории Восточного Казахстана.

В 1952 г. у аула Канай в отвалах горных работ были найдены палеолитические каменные орудия. Довольно большое количество их обнаружено там же в 1953 г., причем район распространения находок не превышает 500 кв. м. По степени окатанности, технике изготовления и форме орудия можно разделить на 3 группы. К первой из них относятся массивные скребла, остроконечники на треугольных отщепках с односторонней обработкой грубой ретушью с одного края (рис. 1). Все они довольно сильно окатаны. Один из отщепов с ретушью этого типа найден в шурфе на глубине 6 м.

Орудия второй группы также окатаны, но значительно меньше. Это большей частью ножевидные орудия, концевые скребки, проколки, резцы и т. п., изготовленные из широких правильных пластин и их сечений, сколотых с массивных нуклеусов. Есть также орудия типа остроконечников, но с гораздо более совершенной обработкой, отщепы с ретушью и орудие типа скребла, сделанное из массивной пластины. Обращает на себя внимание отсутствие миниатюрных пластинок, нуклеусов и скребочков, столь характерных для сибирских палеолитических стоянок.

Каменные орудия третьей группы изготовлены из порфирита: скребла из массивных отщепов с грубой ретушью по краю, плоское нуклеидное орудие подпрямоугольной формы, широкие пластины, сколотые с подобного же или призматического нуклеуса, большое количество отщепов, некоторые из них — с ретушью. Окатанность слабая. Самый характер материала обусловил и грубые, неопределенные формы орудий, и технику их обработки, хотя, судя по пластинам, можно с уверенностью сказать, что люди, изготавливавшие эти орудия, владели уже достаточно высокой техникой обработки камня. По степени окатанности и формам (широкие пластины)

¹ Экспедиция состояла из 4 небольших отрядов под руководством Э. Р. Рыгдылона (памятники палеолита и неолита), А. Г. Максимовой (андроновское поселение у аула Канай), Н. Н. Пановой (андроновское поселение у поселка Мало-Красноярка) и Ж. Я. Грушанской (курганы). О работах Восточно-Казахстанской экспедиции см. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 144—150; КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 81—92.

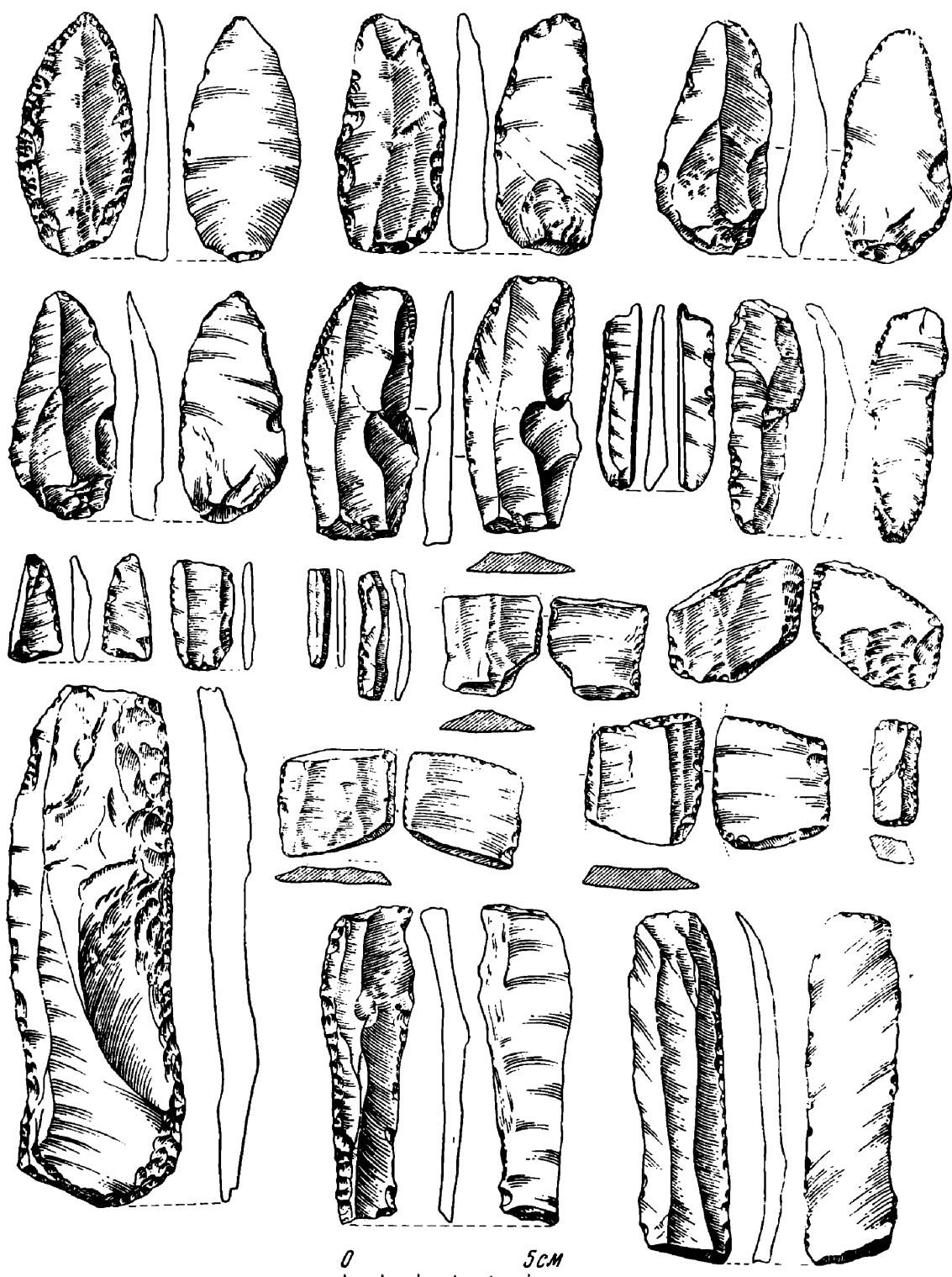

Рис. 1. Аул Канай. Позднепалеолитические орудия.

порфириновые орудия можно сопоставить только со второй группой изделий. Видимо, они одновременны. Создается впечатление, что хорошего кремня не хватало, и люди вынуждены были использовать худший материал, но имевшийся в изобилии под руками.

В заложенных в 1953 г. шурфах культурный слой не обнаружен. Все орудия находились в переотложенном состоянии, чем и объясняется их большая или меньшая окатанность. Палеолитические стоянки находились, видимо, на берегу небольшого извилистого ручья на делювиальной террасе у подножия Нарымского хребта. Аллювиальных отложений в этом районе нет². Следовательно, найденные кремневые орудия не могли быть принесены издалека Иртышом, а оставлены человеком, жившим здесь же. Действием ручья и обильных паводковых вод культурный слой стоянок смылся, и орудия сносились вниз по склону террасы.

Найденные орудия, несомненно, не одновременны. Первая группа, судя по отщепу, найденному на глубине 6 м, по окатанности и мустьерским формам, относится, вероятнее всего, ко времени второго алтайского оледенения. Правда, скребла и остроконечники есть и в инвентаре стоянок сибирского палеолита, но там им всегда сопутствуют пластины, скребки и призматические нуклеусы. В Канае же все орудия этой группы — выдержанно архаического, позднемустьерского облика. Мы можем поэтому с большой долей вероятности предполагать, что найденные здесь орудия — древнейшие на территории Сибири и Казахстана. Находка же скребла архаического типа у поселка Большенарымского позволяет надеяться на то, что стоянки этого времени будут обнаружены и в других местах Восточного Казахстана.

Вторая группа, несомненно, поздняя. Отсутствие микролитовидных форм не позволяет нам сопоставить их с памятниками сибирского палеолита. Широкие пластины и их сечения, сколотые с массивных нуклеусов, разнообразные формы орудий — скребки, остроконечники, ножевидные орудия — и, наконец, их слабая окатанность позволяют отнести их к самому концу палеолита, может быть, даже к мезолиту (рис. 1).

Имеем ли мы в верховьях Иртыша дело с двумя верхнепалеолитическими культурами или этот комплекс Канае относится к более позднему времени, — должны решить дальнейшие исследования.

В 1953 г. продолжались раскопки верхнепалеолитической стоянки в карстовой пещере в известняковом массиве карбонового возраста близ дер. Пещеры. Закончена весьма трудоемкая работа по оконтуриванию материкового пола пещеры, залегающего в настоящее время на 3 м ниже дневной поверхности. Установлено также, что аллювиальная терраса Бухтармы залегала ниже пола пещеры на 2—2,5 м. Находки кремневых орудий в 1953 г. были невелики. Из них особо нужно отметить небольшой нуклеус с боковой ретушью — орудие, характерное для сибирских палеолитических стоянок. Обнаружены массивное скребло, пластины (частично с ретушью), орудие типа остроконечника, отщепы и кости животных.

Находки 1953 г. окончательно доказали принадлежность стоянки у дер. Пещеры к сибирскому палеолиту.

Стоянка, относящаяся к неолиту, с характерными для Казахстана микролитовидными орудиями, обнаружена в обрыве крутого правого берега Иртыша на западной окраине поселка Мало-Красноярка. Культурный слой в виде отдельных линз почти черного цвета залегает на глубине 2 м. Здесь был разбит небольшой разведочный раскоп (2 × 10 м), в котором обнаружено несколько ямок от столбов, видимо, остатки жилища типа шалаша. В культурном слое найдены многочисленные кремневые ору-

² Определение В. Н. Нехорошева, осмотревшего в 1953 г. место находок палеолитических орудий у аула Канае, за что и приношу ему глубокую благодарность.

дия: тонкие пластины (частично с ретушью), округлые скребочки, призматические нуклеусы, наконечники стрел с округлым основанием. Особенно интересны небольшой нож из зеленоватой кремнистой породы с сильно зашлифованным, как бы сточенным лезвием, песчаниковая круглая «выпрямилка» для стрел и плоский кремневый топорик с подшлифованным лезвием. Обломков керамики немного. Все они тонкостенны и покрыты сплошным неясным орнаментом.

При исследовании песчаной террасы Иртыша, близ Усть-Нарыма, где в 1952 г. было обнаружено раннеандроновское поселение, в разведочных шурфах на глубине около 2 м встречен другой культурный слой; собрана большая серия неолитических орудий неизвестного до сих пор в Казахстане облика. От верхнего андроновского этот слой отделяет прослойка стерильного песка мощностью 1—1,1 м. Зачистка слоя в 1953 г. не производилась, однако большое количество орудий и отщепов невольно наводит на мысль о наличии мастерской. Здесь найдены широкие и короткие ножи на отщепах, наконечники дротиков с двусторонней обработкой, скребки, пластины с ретушью, заготовка плоского клиновидного топорика, узкое мотыгообразное трехгранное орудие, призматические нуклеусы (рис. 2). Керамики нет. За исключением нуклеусов и пластин, все остальные орудия резко отличаются по форме и технике изготовления от орудий из Мало-Красноярки. Стратиграфия слоя и характер орудий позволяют уверенно отнести это поселение к неолиту, но видимо более позднему, чем в Мало-Красноярке.

Продолжались раскопки андроновского поселения у аула Канай. Раскопками 1953 г. околонулены хозяйственные пристройки к большой землянке; они — сараеобразного типа, с толстыми угловыми столбами и находились на довольно крутом скате оврага, заполненного в древности остатками горелого камыша, золой и отбросами. В пристройках обнаружены лежавший в анатомическом порядке скелет теленка, большое количество костей животных и обломков керамики, а также каменная выкладка непонятного пока назначения.

Раскоп, заложенный вдоль оврага, показал, что поселение, видимо, погибло от пожара и было покинуто жителями. В течение довольно долгого времени продолжался подземный пожар — горела торфяная масса, заполнявшая овраг; в результате этого в разрезе мы видим мощный слой розового цвета, состоящий из пережженных костей, большого количества золы и обожженной земли. В хозяйственных пристройках и в овраге найдено много различных предметов; из них наиболее интересны бронзовое двухперое копьё со втулкой, остатки бронзового браслета со спиральным завитком, половинка каменной литейной формы для бронзового украшения — круглой ажурной бляхи с 8 выступами, кремневый наконечник дротика, костяной штамп в виде прямоугольной пластины с зубчатым краем для нанесения гребенчатого орнамента на сосуды и такого же типа 2 гладких штампа, а также большое количество различных изделий из кости и камня, обломки керамики, кости животных и рыб (рис. 3).

Судя по характеру керамики, поселение относится к ранней поре андроновской культуры — федоровскому этапу, т. е. к XII—X вв. до н. э.

Закончены раскопки остатков позднеандроновского поселения у Мало-Красноярки. В результате четырехлетних работ выяснилась следующая картина. Большая часть площади поселения, расположенного на обрывистом берегу Иртыша, подмыта и уничтожена рекой. Уцелела только восточная окраина, на которой раскопаны остатки 2 больших землянок с хозяйственными сооружениями, 2 зольника и различные хозяйственные ямы.

Землянка 1 имела форму прямоугольника с закругленными углами (20 × 12 м); вырыта в слое материковой супеси, стенки отвесны, высота их не превышает 35—40 см. Около трети землянки уничтожено обвалами

берега. На полу — многочисленные углубления от деревянных столбов диаметром от 5 до 35 см. В некоторых из них обнаружены остатки истлевшего дерева. Глубина ям от больших столбов достигает 1 м; они расположены рядами, параллельными стенкам землянки и друг другу. Эти столбы, несомненно, служили основанием стен и крыши. Столбы малого диаметра иногда стояли правильными рядами в промежутках между большими столбами, но большей частью были размещены беспорядочно. Их большое количество свидетельствует о длительном существовании землянки, ее частых ремонтах и внутренних перепланировках. Близ юго-восточной стены расположен очаг в виде овальной ямы (1 × 0,5 м), обложенный плоскими камнями и заполненный золой и углями. У той же стены, южнее очага, стояла большая гранитная ступа. В самой землянке количество находок незначительно (кости животных и обломки керамики в заполнении). Видимо, жилье было оставлено жителями, унесшими с собой все наиболее ценные вещи.

С северо-востока к углам землянки вплотную примыкали 2 коридорообразных сооружения, служивших для каких-то хозяйственных целей (раскопаны в 1952 г.). Эти постройки образовали замкнутый участок в виде небольшого двора или загона для скота, с входом с северной стороны. К востоку от пристроек находилась еще одна наземная постройка (или навес, судя по расположению ям от столбов), прямоугольная в плане, несомненно, служившая литейной мастерской и разрушенная еще обитателями землянки. Об этом свидетельствует забивка ям от столбов кусками обгорелых камней, медным шлаком и золой. Здесь найдены бронзовые копье и серп (в 1952 г.), обломки каменной литейной формы и продолговатый слиток бронзы, отлитый в этой форме, а также шлак от вторичной переливки металла.

От землянки 2 уцелели лишь северо-восточный угол и примыкавшая к стене короткая (8 × 1,5 м) коридорообразная пристройка. Все остальное утрачено в результате обвалов берега. Землянка была также прямоугольная в плане и ориентирована углами по странам света. На полу землянки и пристройки — многочисленные ямки от столбов разного диаметра.

Обломки глиняных сосудов, найденные на поселении, могут быть разделены на 2 группы. Первая группа — это баночные и горшковидные сосуды типично андроновского характера, орнаментированные оттисками гребенчатого и гладкого штампа, вдавлениями и т. п. Все сосуды изготовлены ленточной техникой. Ко второй группе следует отнести сосуды со стоячим венчиком и широким туловом на небольшом плоском дне. Сформованы они из целого куска глины и орнаментированы только по краю венчика косыми бороздками из ногтевых вдавлений.

Обращает на себя внимание сосуд, по форме и технике изготовления относящийся ко второй группе, однако орнаментированный по шейке и плечикам рядом треугольников и тройными оттисками гребенчатого штампа, образующими косую сетку.

В могильнике у поселка Мало-Красноярка раскопано 5 грунтовых погребений, частично ограбленных. Любопытно, что, как и в Алексеевке, все погребения рядом с поселением — женские (андроновский антропологический тип)³. Обряд погребения типично андроновский, хотя характер керамики уже иной (второго типа).

Материалы Мало-Красноярского поселения и могильника подтверждают нашу датировку памятника самым концом периода существования андроновской культуры, т. е. IX—VIII вв. до н. э.

³ Определение антропологического материала экспедиции произведено В. В. Гинзбургом.

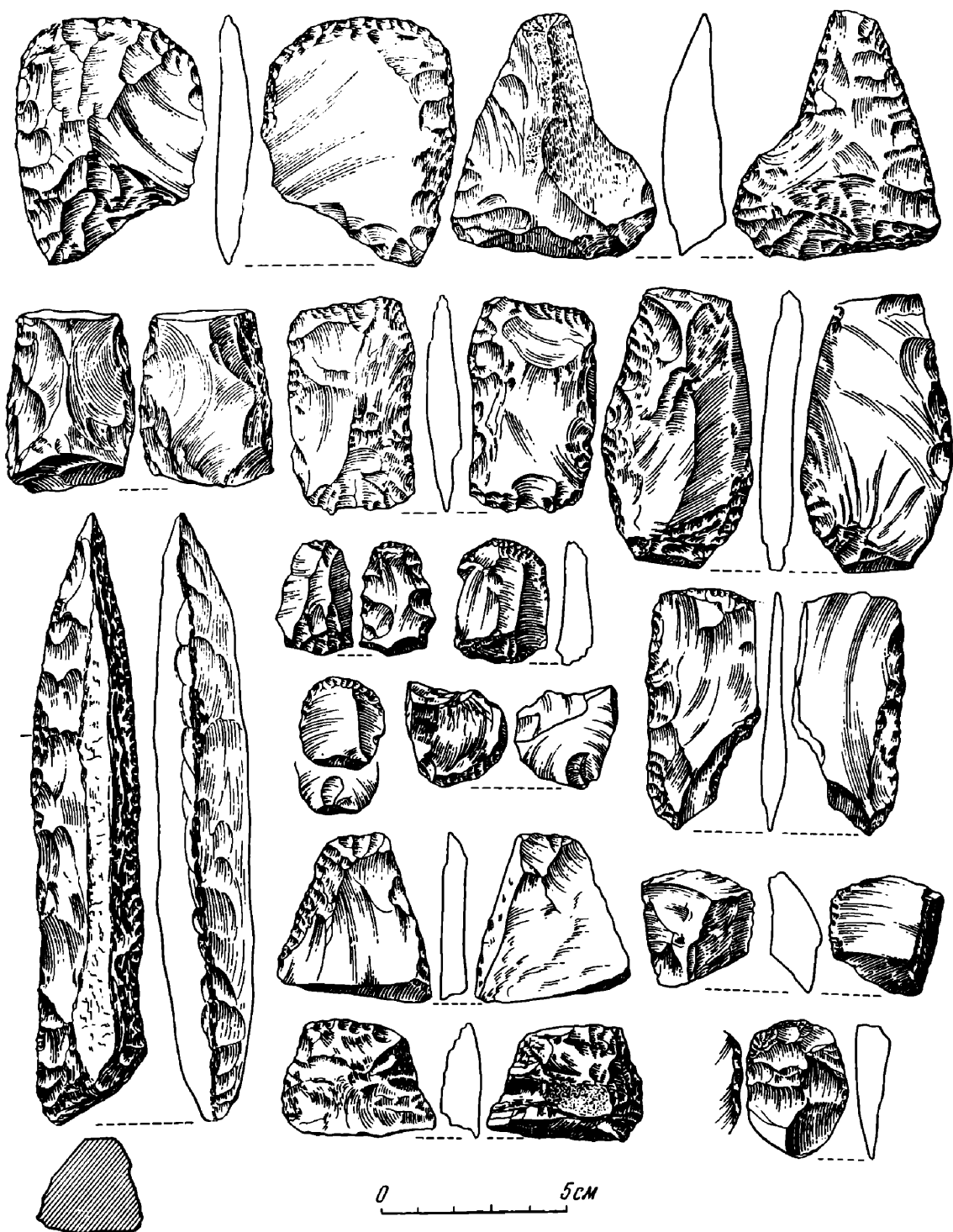

Рис. 2. Усть-Нарым. Неолитические орудия.

Впервые удалось проследить андроновский хозяйственный комплекс: землянка, где, несомненно, обитала большая патриархальная семья, и хозяйственные сооружения, в том числе литейная мастерская.

Курганы I тысячелетия до н. э. раскапывались в 1953 г. у поселков Мало-Красноярка, Пчела, Тускаин и у дер. Славянка.

К рубежу III в. до н. э., видимо, следует отнести курган № 1 у дер. Славянка. Насыпь отсутствовала. На поверхности земли отмечался слой камней, образующий круг диаметром 5 м. В восточной стенке на разрезе была видна яма, оказавшаяся грабительской. В засыпи обнаружены

фрагменты 2 глиняных сосудов — узкогорлых кувшинов с выпуклым туловом и плоским дном. На глубине 1,75 м вскрыты скелеты 2 лошадей, положенных на бок, одна за другой, мордами на восток. Ноги подогнуты. С южной стороны, у спин лошадей, выявлено перекрытие из каменных плит, а глубже — ящик, сложенный из таких же плит и ориентированный с юго-запада на северо-восток. Длина ящика — 2,5 м, ширина — 1,15 м. В ящике на глубине 2,25 м находилось ограбленное парное погребение. Кости — в полном беспорядке, многие отсутствуют. Вещей нет. Каменный ящик и форма сосудов уже не характерны для пазырыкского этапа, однако два положенных рядом коня не позволяют отнести это погребение и к кулажургинскому времени. Аналогичных курганов на Иртыше пока не обнаружено.

К III—I вв. до н. э. относятся курганы у поселков Пчела и Тускаин. По обряду погребения и формам керамики они относятся к кулажургинской культуре — племени у-ге китайских летописей. Таков курган № 3 могильника у поселка Пчела. Насыпь — диаметром 10 м и высотой 0,4 м. В центре, под дерновым слоем, находился завал крупных камней, под которым обнаружен каменный ящик. Длина его — 3,2 м, ширина — 1 м. Северная стенка сложена из 3 плит, южная — из четырех, торцовые стенки — каждая из 1 плиты. Перекрытие составляли 3 слоя плит.

В каменном ящике оказался деревянный (остатки деревянных досок по всем стенкам, дну и под перекрытием), в котором лежал скелет мужчины (андроновский антропологический тип) в вытянутом положении, на спине, головой на запад. За головой поставлены 2 глиняных сосуда: узкогорлый кувшин без ручки, со сфероидным туловом и цилиндрическим горлом, на перегибе которого — 2 выпуклые орнаментальные полоски; второй сосуд — небольшой горшочек с коротким отогнутым наружу венчиком. Справа у черепа лежали обломок железного ножа и крестец барана; возле правой лопатки — подвеска из серебряной проволоки, скрученной в виде восьмерки.

Курганы тюркского времени раскапывались в 3 пунктах — 2 могильника у поселка Кизыл-Ту и у дер. Славянка.

Насыпь кургана № 6 могильника Кизыл-Ту I состояла из обломков сланца. На глубине 0,75 м обнаружены череп коня и кости его передних ног с лопатками и задних — с тазом. На глубине 1,45 м в северо-западной части раскопа вскрыто погребение мужчины европеоидного (средиземноморского) типа. Костяк, ориентированный головой на восток, лежал на спине, вытянуто; руки были положены вдоль тела. В левой теменной кости — отверстие от удара мечом. Слева у плеча — крестец барана с поясничными позвонками.

На безымянном пальце правой руки надет серебряный перстень, плоский, с фигурным щитком, на котором нанесен какой-то неясный орнамент. У висков погребенного найдены кольца из серебряной проволоки с несомкнутыми утончающимися концами. Справа вдоль ног лежал длинный железный однолезвийный меч с остатками деревянных ножен. Перекрестие — прямое, короткое. Слева от меча — колчан (сохранились лишь следы бересты) с 13 стрелами. Железные трехлопастные наконечники положены остриями к голове погребенного. К колчану относятся 2 круглые железные бляхи с 3 прорезами внутри круга.

Под тазом найден обломок железной поясной пряжки. Слева вдоль ног лежал теслообразный железный топорик с закраинками и деревянной коленчатой рукоятью, расположенной параллельно острию. В левой руке погребенного находилась плетка. Сохранились прутья, из которых была связана рукоять, и отдельные кусочки плетеного кожаного ремня. У левой берцовой кости лежали железные двусоставные удила, заканчивающиеся двумя маленькими кольцами; в первое вставлены роговые изогнутые псалии, у которых один конец заостренный, другой — в виде рыбьего

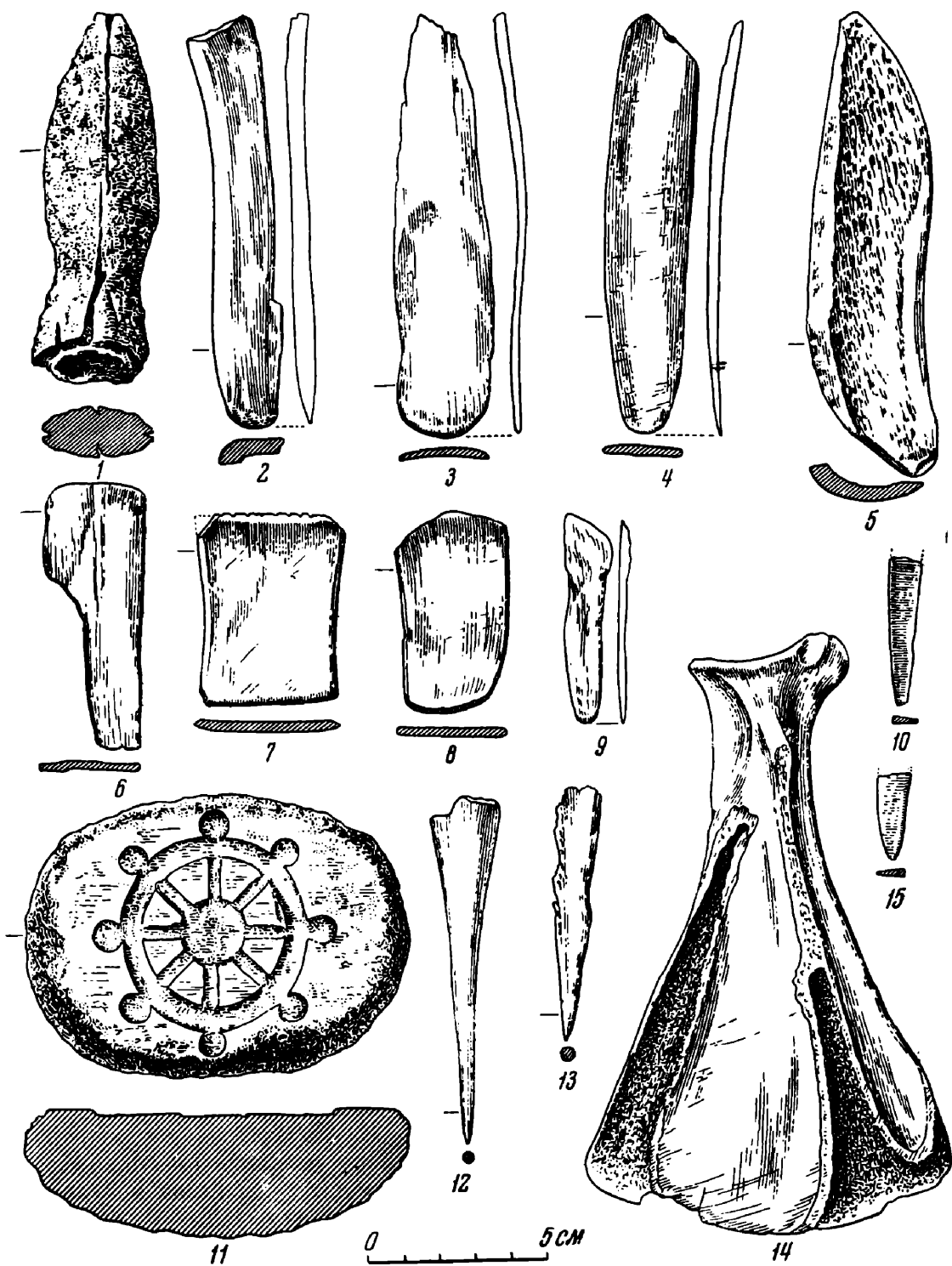

Рис. 3. Аул Канай. Находки из раскопок андроновского поселения.

1 — бронзовое ножье; 2—5, 9, 10, 12—15 — орудия из кости; 6—8 — костяные штампы для нанесения орнамента на глиняную посуду; 11 — каменная литейная формочка.

хвоста. Возле удил — набор серебряных бляшек от уздечки. Бляшки — разных форм и украшены вдавлениями, заполненными позолотой и выпуклыми шишечками.

В ногах погребенного обнаружены остатки седла — железные стержни от луки седла, костяная («сросткинского» типа) пряжка, 2 железные овальные пряжки с язычками, костяная щурка, 4 серебряные бляшки того же типа, что и от уздечки.

Насыпь кургана № 3 могильника у дер. Славянка состояла из мелких обломков сланца. На глубине 2,2 м обнаружено женское погребение в сопровождении лошади. Женщина — европеоидного типа. Скелет лежал на спине, вытянуто, руки — вдоль тела. Лошадь захоронена к югу от скелета на расстоянии 30 см; она положена на левом боку, ноги подогнуты. Ориентация — головами на восток. Лошадь была ввезена; сохранились 25 серебряных с позолотой блях — украшение уздечных ремней — и удила, железные двусоставные, с роговыми изогнутыми псалиями, один конец которых заострен, а другой — в виде рыбьего хвоста. У крупа лошади найдены железные стремяна с широкой подножкой и плоской четырехугольной петлей.

На груди погребенной обнаружены серебряные украшения — рамка четырехугольной формы, 3 бляхи в виде 4 соединенных кругов, перстень с фигурным щитком удлиненной формы, 2 сферические агатовые бусины. На мизинце левой руки оказался остаток перстня — щиток с отверстием. На левом колене — крестец барана.

Эти богатые курганы с уверенностью можно датировать VII—IX вв. н. э. Подобного типа погребения распространены на широкой территории степей от Алтая до Венгрии и связаны с дальними передвижениями племен, входивших в состав тюркских каганатов.

С большой долей вероятности мы можем предположить, что во вскрытых нами курганах похоронены кимаки, населявшие в VIII—X вв. н. э. Восточный Казахстан и находившиеся в ближайшем родстве с кипчаками. Очень любопытно, что из 7 черепов, определенных В. В. Гинзбургом, 4 черепа оказались европеоидными, один — европеоидный с монголоидной примесью и два — южносибирского антропологического типа.

Работы 1953 г. и предшествующих лет позволяют наметить общие контуры древней истории Восточного Казахстана.

Первое заселение Верхнего Прииртышья произошло, видимо, в конце ледниковой эпохи людьми, изготавливавшими каменные орудия мустьерообразных форм. Происхождение этого населения, вероятно, следует связывать со Средней или Центральной Азией, а не с Восточной Европой.

В верхнем палеолите долина Иртыша была заселена уже относительно густо. Большая часть материала находит аналогии в сибирском круге палеолитических памятников (Пещеры, Н. Никольское). Своеобразный облик имеют верхнепалеолитические орудия, найденные у аула Канай.

Неолитическая культура характерного для Казахстана микролитического облика представлена рядом пунктов. При раскопках в Мало-Красноярке впервые собраны серия кремневых орудий и керамика в культурном слое.

Находки 1953 г. в Усть-Нарыме дают нам представление о более поздней неолитической культуре, во многом пока еще неясной.

К андроновской культуре в Восточном Казахстане относятся поселения и могильники разных хронологических этапов. Наиболее раннее — поселение у аула Канай; это уже родовой поселок с развитым земледельческо-скотоводческим хозяйством и домашними ремеслами.

Поселения у Мало-Красноярки и Усть-Нарыма относятся к концу периода существования андроновской культуры — ко времени, непосредственно предшествовавшему переходу к кочеванию. Характерно, что в Вос-

точном Казахстане нет керамики алакульского типа. В эпоху бронзы Восточный Казахстан был крупнейшим металлургическим центром (медь, олово и золото), что имело большое значение для темпов развития и культурных связей местных племен. В степной полосе Казахстана андроновская культура непосредственно предшествовала культуре ранних кочевников и генетически с ней связана.

Позднее, в эпоху железа, Восточный Казахстан населяли различные племена, историческая судьба которых сложилась, видимо, по-разному. Так, племена, хоронившие своих вождей в Пазырыке, позднее — в Берели и Шибе, владели и верховьями Иртыша (Кизыл-Ту, Буконь). В то же время (IV—III вв. до н. э.) в Тарбагатае жили другие племена, оставившие величественные курганы Чиликтинской долины. По-видимому, в начале II в. до н. э. пазырыкские племена на Иртыше сменили кула-жургинские (у-ге), в культуре которых видна тесная связь с усунями. Тогда же в горах Чингиз-Тау обитала сарыкольская группа.

Древний металлургический центр к V—IV вв. до н. э. прекратил существование в связи с переходом к железу, и Восточный Казахстан стал окраиной кочевого мира.

Наименее освещены в археологическом отношении первые века нашей эры. Несомненно, что в это время происходили какие-то крупные социально-политические изменения. Менялись и формы материальной культуры (курган у дер. Усть-Нарым, 1950 г.). В VI—VII вв. н. э. здесь кочевали карлуки, а в IX—XII вв. — кимаки (курганы у Кизыл-Ту и Славянки).

На территории Восточного Казахстана человек обитает с конца ледникового периода. Однако непрерывность существования отнюдь не означает непрерывности развития. С эпохи ранних кочевников можно проследить крупные передвижения племен, несомненно связанные со смешением и ассимиляцией, хотя основные элементы хозяйства и облика культуры были для всех племен одни и те же.

Сложение антропологического типа казахов, происходившее на андроновской основе, наиболее четко прослеживается в Восточном Казахстане, а сходство пазырыкской орнаментики с казахской указывает на тысячелетнюю культурную преемственность, сохранившуюся несмотря ни на какие передвижения племен и народов.

История культуры казахского народа уходит своими корнями в более глубокую древность, чем это казалось до недавнего времени.

Э. А. СИМОНОВИЧ

СТЕКЛЯННАЯ ПОСУДА СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ
НАШЕЙ ЭРЫ С НИЖНЕГО ДНЕПРА

Несколько новых уникальных находок стеклянной посуды на нижнеднепровских памятниках черняховской культуры было обнаружено в 1951—1954 гг.¹ Находки эти важны для выяснения направления торговых и культурных связей населения начала и середины I тысячелетия н. э., для уточнения даты исследуемых поселений и могильников, а также — в какой-то мере — для характеристики общества того времени.

В культурном слое могильника II—III вв. н. э. в поселке Каменка (квадраты 8—10, Б¹—Д¹) найден обломок дна тонкостенного бесцветного прозрачного сосуда на кольцевой ножке. Диаметр дна — 4 см (рис. 4—7).

В могильнике III—V вв. н. э. у овчарни совхоза Приднепровского обнаружены следующие находки:

1. В могильной яме погребения 82 среди фрагментов глиняной посуды оказались обломки кубка из бесцветного прозрачного стекла. Кубок, по-видимому, относится к разрушенному ямой более раннему погребению с трупосожжением. Форму кубка удалось графически восстановить полностью. Это полусферический сосуд высотой около 9 см, диаметром 11 см. Край чуть выделен отгибом. Ниже края шла полоса из узких овальных врезов.

Еще ниже в шахматном порядке шлифованы 2 ряда крупных овалов, почти кружков, которые разделяют сдвоенные врезы. Низ сосуда опоясывают 2 параллельные врезанные линии, а под ними идет ряд узких овальных врезов — таких же, как наверху. Толщина стенок — 0,3 см. Дно слегка уплощено, что, вероятно, позволяло ставить кубок, не перевертывая его (рис. 4—9).

Такого типа сосуда широко распространились в III в. н. э. от Силезии до Швеции и Норвегии². Особенно много их в областях Галлии и прирейнских провинциях³. Территориально ближайшие аналогии происходят из памятников культуры «полей погребений». Таковы кубок из могиль-

¹ Работы проводились Никопольской, Скифской степной и Никопольско-Гавриловской экспедициями Института археологии Академии наук УССР и Института истории материальной культуры Академии наук СССР.

² Н. J. Eggers. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte, Bd. I. Hamburg, 1951, карты 57, 61.

³ A. Kisa. Das Glas im Altertum. Leipzig, 1908, стр. 224; R. Schmidt. Das Glas. Berlin—Leipzig, 1922, стр. 22; F. Fremersdorf. Römische Gläser aus Köln. Köln—Leipzig, 1939, стр. 17, 18; W. B. Honey. Glass. A handbook for the study of glassvessel of old periods. London, 1946, стр. 32; O. Bragan. Roman Gaül. London, 1953, стр. 150, 151.

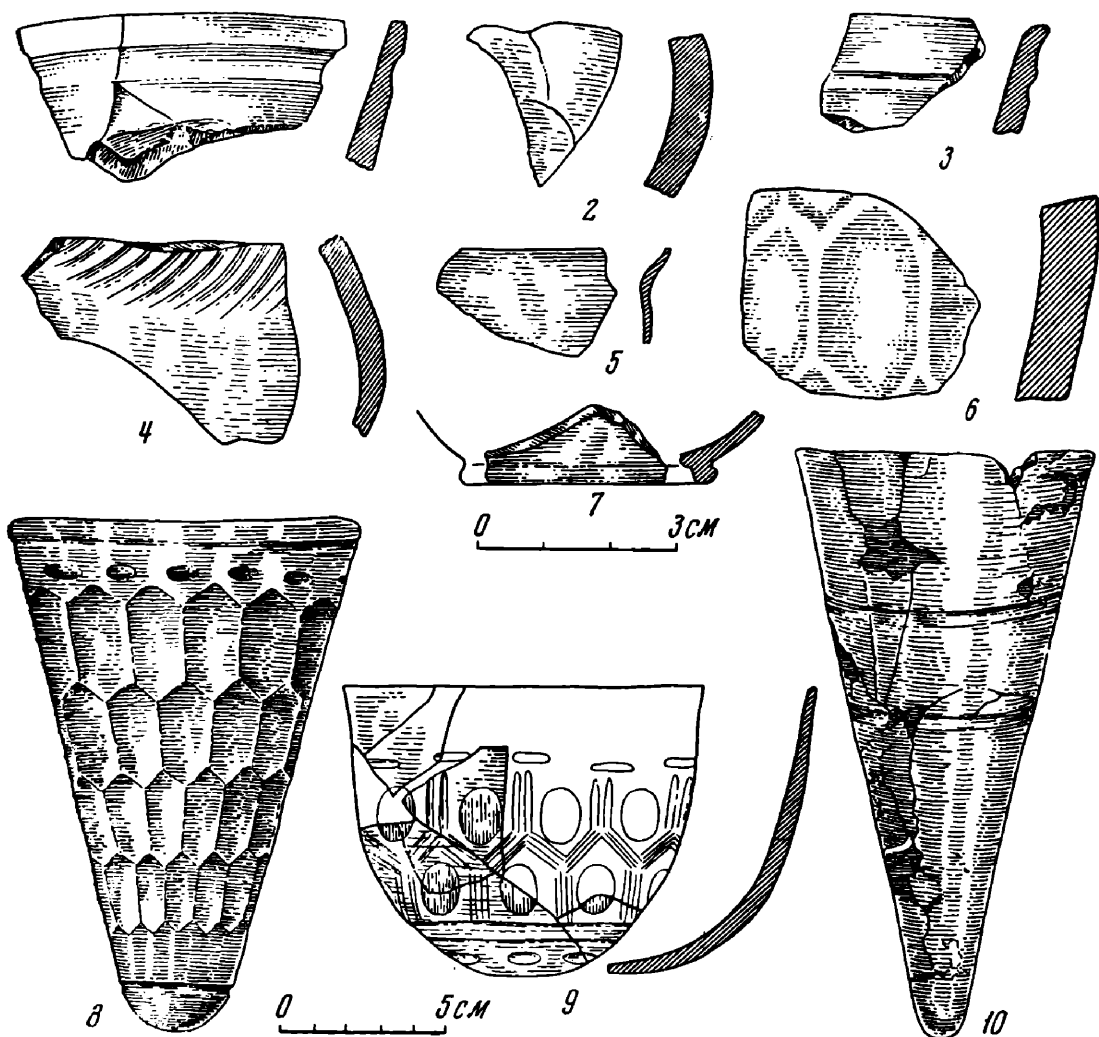

Рис. 4. Стекланные сосуды и их фрагменты с поселений и из могильников черняховской культуры на нижнем Днепре.

1, 2, 6, 8—10 — из могильника у овчарни совхоза Приднепровского;
3—5 — с поселения у с. Кут; 7 — из могильника в поселке Каменка.

ника у с. Черняхово⁴ (несколько более удлиненных пропорций, чем публикуемый), из погребения 160, в котором была найдена монета, подражающая ауреусу Гордиана III (238—244 гг. н. э.), и другой кубок — из могильника у Переяслава-Хмельницкого; автор раскопок В. К. Гончаров датирует этот кубок III—IV вв. н. э.⁵

2. В погребении 68 в раздавленном землей глиняном сосуде лежал кубок из тонкого бесцветного прозрачного стекла, распавшийся на множество мельчайших фрагментов. По расположению обломков в донной части сосуда удалось определить, что это был полусферический кубок, подобный описанному выше.

3. Обломок стекла (из заполнения могильной ямы погребения 47) принадлежал сосуду из бесцветного прозрачного стекла, который был

⁴ В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Поднепровье. ЗРАО, т. XII, новая серия, 1901, стр. 186, табл. XXII. 4; А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 63, рис. 8; А. Т. Сміленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. «Археологія», т. VI, Київ, 1952, стр. 51—75.

⁵ В. К. Гончаров. Могильник культуры полей погребений у г. Переяслава-Хмельницкого. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 37—39.

украшен шлифованными округлыми фасетками. Толщина обломка, по-видимому донной части сосуда, достигает 0,45 см (рис. 4—2).

4. В богатом погребении 5 в большой сероглиняной гончарной миске лежал конической формы кубок из зеленоватого прозрачного стекла. Под краем и внизу сосуд опоясывают желобки; под желобком наверху идет горизонтальный ряд шлифованных овалов. Вся остальная поверхность покрыта 4 рядами овально-угловатых шлифованных фасеток, расположенных вертикально и вплотную примыкающих одна к другой. Диаметр сосуда по краю — 10,5 см, высота — 14,8 см, толщина стенок у края — 0,7 см (рис. 4—8; рис. 5—1).

Целые сосуды такого типа на территории СССР нам неизвестны. Нет их и в крупнейших собраниях причерноморского стекла Государственного Эрмитажа, Музея изобразительных искусств и др. Ближайшие аналогии известны в Силезии (погребение IV—V вв. н. э. из Луги, район Гура, бывш. Königsbruch)⁶, в северных областях Польши (бывш. Восточная Пруссия, Клейн-Кослау)⁷ и в Швеции, где совершенно аналогичный описываемому кубок найден в Шонен, район Лунд, по-видимому, в разрушенном погребении⁸. Время этих сосудов определяется IV в. н. э., может быть, началом V в. н. э.

5. В разрушенном погребении 79 сохранился обломок края толстостенного, конической формы кубка из зеленоватого прозрачного стекла, подобного рассмотренному выше. Сосуд был украшен под краем опоясывающим его желобком и еще ниже — горизонтально идущими шлифованными вытянутыми овалами. Толщина стенок у края — 0,4 см (рис. 4—1).

6. Два обломка стенок подобного же сосуда найдены в культурном слое (квадраты 3—4, K¹—H¹). Стекло зеленоватое, прозрачное. Толщина обломков достигает 0,8 см (рис. 4—6).

7. В разрушенном детском, также, по-видимому, богатом погребении 35 лежал *in situ* конический, удлиненных пропорций кубок из прозрачного светло-зеленого стекла. Край сосуда чуть выделен отгибом. Дно сужается книзу. Кубок украшен 2 углубленными желобками, опоясывающими его в средней части. Диаметр по краю — 9,2 см, высота — 17,4 см, толщина стенок — до 1,5 мм (рис. 4—10; рис. 5—3). Подобный сосуд найден в одном из захоронений, относящихся к позднему этапу черняховской культуры (см. Данилова. Балка)⁹. Погребение было ориентировано на запад.

В могильнике у овчарни совхоза Приднепровского такой же кубок обнаружен в могиле более раннего типа, ориентированной с севера на юг. Нахождение однотипного сосуда в погребениях, принадлежащих к разным группам, не позволяет считать их все одновременными, но существенного хронологического разрыва между обеими группами погребений с труположениями на черняховских могильниках, вероятно, нет.

Среди коллекции сосудов из могильника у овчарни совхоза Приднепровского данный тип наиболее поздний. Аналогии этим сосудам известны в римском Египте¹⁰ (наиболее ранние) и затем в Галлии, Герма-

⁶ K. M a j e w s k i. Importy rzymskie na ziemiach slowiańskich. Wrocław 1949, табл. XI. 10; «Altschlesien», IV, 1934, стр. 57, рис. 12; E. P e t e r s e n. Schlesien von der Eiszeit bis ins Mittelalter. Berlin—Leipzig, 1935, стр. 194, рис. 381, 16; стр. 196.

⁷ H. J. E g g e r s. Указ. соч., табл. 16, 237; W. G a e r t e. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, стр. 211, рис. 159.

⁸ G. E k h o l m. Orientalische Glasgefäße in Skandinavien. ESA, X, 1936, стр. 65, рис. 5.

⁹ Э. А. С ы м о н о в и ч. Погребения V—VI веков нашей эры у с. Данилова Балка. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 67.

¹⁰ D. B. H a r d e n. Roman glass from Karanis. University of Michigan Press, 1936, стр. 156—158, табл. V, 436, 438; C. C. E d g a r. Graeco-Egyptian glass. Catalogue gén. des antiquités du Musée de Caire. Caire, 1905, табл. III, 32, 49.

Рис. 5. Стекланные сосуды, найденные на нижнем Днепре.

1, 3 — кубки из погребений 5 и 35 у овчарни совхоза Приднепровского;
2 — обломок стеклнного сосуда с поселения у с. Кут.

нии, Богемии и Паннонии¹¹. Дата египетских сосудов подобного рода — начало IV в. н. э. и позже. На Западе в IV в. н. э. появились первые экземпляры подобных кубков. Позже, во франкское время, а затем у норманнов этот тип получил широкое распространение. Дата публикуемых нами сосудов, судя по одному из погребений такого же рода в с. Данилова Балка, где была найдена медная монета — подвеска императора Констанция II (337—361 гг. н. э.), — конец IV в.—V в. н. э.¹²

На поселении III—IV вв. н. э. у с. Кут обнаружены следующие находки:

1. В культурном слое (раскоп IV, квадраты XXXIV—XXXV, 11—12) найден обломок края прозрачного, конической формы кубка. Стекло — чуть желтоватого цвета. Ниже края врезан желобок. Диаметр по краю — около 11 см; толщина стенок — до 0,4 см (рис. 4 — 3). По-видимому, этот сосуд — того же типа, что и найденный в могильнике у овчарни совхоза Приднепровского (погребение 79).

2. Обломок стенки сосуда, изготовленного из прозрачного зеленоватого

¹¹ A. Deville. Histoire de l'art de la verrerie dans l'antiquité. Paris, 1873, табл. XXXVI; Cl. Boulangier. Le mobilier funéraire gallo-romain et français en Picardie et Artois. Paris, 1902—1905, табл. 30, 1, 3; A. Kisa. Указ. соч., стр. 205, рис. 102, Formentafel E, № 277, стр. 343; Jean Morin. La verrerie en Gaule sous l'empire romain. Paris, 1913, стр. 141, фиг. 189; T. Pavlovics. A. Dunapentelei romani telep (Intercița). Archaeologia Hungarica, II, 1927, стр. 62, рис. 53; H. Preidel. Die germanische Kulturen in Böhmen und ihre Träger. Kassel—Wilhelmshöhe, 1930, стр. 196, рис. 212; W. Verck. Die Alamanen im Württemberg. Textband. Berlin—Leipzig, 1913, стр. 30, табл. XIX, с.

¹² Э. А. Симонович. Указ. соч., стр. 66.

стекла обнаружен в культурном слое раскопа I. В верхней части фрагмент покрыт изогнутыми параллельными рифлеными линиями. Толщина обломка — около 0,3 см (рис. 4 — 4; рис. 5 — 2).

3. В яме 7, содержащей в заполнении материал первых веков нашей эры, обнаружен маленький фрагмент очень тонкостенного прозрачного бесцветного сосуда с довольно резко отогнутым краем. Диаметр сосуда не превышал 6,5 см, толщина стенок — менее 0,1 см (рис. 4 — 5).

* * *

Нельзя не упомянуть две находки на нижнеднепровских памятниках, принадлежность которых к черняховской культуре остается недоказанной. Это сосуд из погребения IV в. н. э. в Николаевке-Казацком (раскопки М. Эберта, 1912 г.) и обломок сосуда из могильника у бывш. Бизюкова монастыря (сборы В. И. Гошкевича, 1912 г.).

Первая находка обнаружена в подбойном погребении, обозначенном литерой N¹ (Nischengrab). У головы погребенного вместе с 3 глиняными сосудами стоял цилиндрический кубок с закругленным дном и маленьким уплощением внизу. Изготовлен сосуд из зеленоватого стекла и украшен 4 рядами вертикально расположенных и не примыкающих друг к другу шлифованных овалов. Высота — 11,2 см, толщина стенок у края — 0,2—0,3 см. Первоначально М. Эберт датировал это погребение I в. н. э., а впоследствии оно было отнесено к III в. н. э.¹³, но нам кажется, что более верной датой будет IV в. н. э. Кубок чрезвычайно напоминает стакано-подобный тонкостенный сосуд из черняховского могильника, найденный в погребении 225¹⁴.

Вторая находка обнаружена при раскрытии погребений у Пропастной балки. «При одном скелете, вместе с горшками найден кубок из толстого зеленоватого стекла, верхняя его часть разбита рабочими и утеряна...»; в Херсонский музей была доставлена нижняя часть. Сосуд имел конически расширяющиеся стенки, украшенные зигзагообразно напаянными нитями, и маленькую ножку¹⁵. По-видимому, он принадлежал к тому же типу, что и кубок, найденный в Бильче-Злоте и датируемый III в. н. э.¹⁶

В советской археологической литературе вопроса о находках стеклянной посуды на поселениях и в могильниках черняховской культуры касались А. Т. Брайчевская-Смиленко¹⁷, М. А. Тиханова¹⁸ и Э. А. Симонович¹⁹.

А. Т. Брайчевская-Смиленко обращает внимание прежде всего на обнаруженные в лесостепной полосе Украины стеклянные сосуды со шлифованным орнаментом и напаянными стеклянными нитями. Она ищет их происхождение, вслед за А. Киза, в провинциально-римских мастерских Кельна и Трира. На основании распространения аналогичных находок в Прибалтике и Польше А. Т. Брайчевская-Смиленко заключает о существовании в III—IV вв. н. э. северо-западного торгового пути по Бал-

¹³ M. Ebert. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjepr, Gouv. Cherson. Prähistorische Zeitschrift, Bd. V, 1913, стр. 87, рис. 96, N¹, стр. 113; ег о же. Südrussland im Altertum. Bonn—Leipzig, 1921, стр. 362.

¹⁴ В. В. Хвойко. Указ соч., табл. XXII, 3.

¹⁵ В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 135; стр. 136, рис. 36.

¹⁶ А. Т. Сміленко. Указ. соч., стр. 63, табл. III, 5.

¹⁷ А. Т. Брайчевская. Отделение ремесла от земледелия и развитие торговли в раннеантском обществе. Киев, 1951. (Диссертация. Рукопись); А. С. Сміленко. Указ. соч., стр. 51—73.

¹⁸ М. А. Тиханова. Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции. Памятники культуры полей погребений. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 92—99.

¹⁹ Э. А. Симонович. Указ. соч., стр. 62—70.

тийскому морю и вверх по Висле, через земли западных славян. Автор настоящей заметки также находил аналогии коническим кубкам в западноевропейских древностях и, в частности, среди сосудов из Галлии²⁰.

М. А. Тиханова в связи с находкой на нижнем Днестре у с. Попенки обломка края толстостенного стеклянного кубка IV в. н. э., украшенного шлифованным орнаментом и в какой-то мере напоминающего кубок из погребения 5 у овчарни совхоза Приднепровского, говорит о двух точках зрения, существующих среди ученых: одни являются сторонниками восточного происхождения подобных сосудов (Экхольм, Эггерс, Харден), другие ищут центры их производства на Западе (Фремерсдорф, Альтхин). При этом М. А. Тиханова ограничивается лишь констатацией мнений, не высказывая своего.

Среди находок стекла на нижнем Днепре мы находим все характерные и для других памятников культуры «полей погребений» типы стеклянной посуды этого времени: бесцветные тонкостенные и зеленоватые толстостенные сосуды, украшенные шлифованным орнаментом; сосуды с напаянными нитями; бесцветные, не украшенные шлифованными фасетками, удлиненные конические кубки позднего типа.

К находкам на нижнем Днепре применимо распределение всего стеклянного импорта на 2 группы, сделанное Г. Эггерсом: 1) стекло бесцветное, тонкое, с рифленным и шлифованным орнаментом и 2) стекло толстостенное оливкового или рубинового цвета, украшенное напаянными нитями или шлифованными фасетками²¹.

Однако в особую группу, как нам кажется, следует выделить тонкостенные конические кубки из погребения в Даниловой Балке и из погребения 35 у овчарни совхоза Приднепровского.

Сосуды первой группы, в частности полусферические бесцветные, кубки, подобные найденным в могиле 68 и в заполнении могильной ямы погребения 82 у овчарни совхоза Приднепровского, Г. Эггерс, вслед за другими учеными, считает происходящими из галло-рейнских мастерских, главным образом из Кельна, что как будто ни у кого сомнений не вызывает.

Труднее решить вопрос о месте изготовления стеклянных изделий второй группы. Г. Экхольм, специально рассматривая находки подобных сосудов в Скандинавии, предполагал привоз их из Причерноморья, хотя считал, что область их изготовления лежит еще дальше, может быть, в городах Сирии и прежде всего в Сидоне²². Такой же точки зрения придерживается Г. Эггерс²³.

По-видимому, именно эту и ранее описанную группу сосудов имеет в виду К. Маевский, когда говорит о главных центрах производства стекла в александрийских и прирейнских мастерских²⁴. Действительно, стеклянная посуда со шлифованным орнаментом известна на Ближнем Востоке, хотя она и не вполне точно повторяет западноевропейские формы. Примером могут служить сосуды из раскопок в Каранисе (в Фаюме), о которых речь будет ниже.

Не менее сложным оказался вопрос о происхождении прозрачных, почти не орнаментированных конических кубков. Кроме уже упоминавшихся прямых аналогий этим сосудам в позднеримских и раннефранкских находках, конические кубки известны по раскопкам в Египте, где ряд исследователей считает их светильниками типа лампад, употребляемых и до

²⁰ Э. А. Симонович. Указ. соч., стр. 62—70.

²¹ Н. J. Eggerts. Указ. соч., стр. 60; см. также рецензию J. Wielowiejski—«Archaeologia», V, 1955, стр. 244—253.

²² G. Ekholm. Указ. соч., стр. 70, 71.

²³ Н. J. Eggerts. Указ. соч., стр. 62.

²⁴ К. Majewski. Указ. соч., стр. 12.

настоящего времени в христианских церквях Египта. Об этом свидетельствуют следы масла или нефти, обнаруженные на стенках некоторых сосудов²⁵.

Д. Б. Харден, изучавший римское стекло из раскопок в Каранисе, в Фаюме²⁶, указывает, что сосуды конической формы были достаточно общеупотребительны с эпохи Константина и, появившись в начале IV в. н. э., продолжали существовать долгое время. Д. Б. Харден, основываясь на выводах Ж. Морена²⁷, говорит о привнесении этих сосудов с Востока на Запад в IV в. н. э. и о широком распространении их в раннефранкское время. Ни у кого нет сомнений, что на Западе они употреблялись в качестве кубков, а не лампад.

Для того чтобы правильно решить вопрос о восточном или западном происхождении двух последних групп конических кубков, надо коснуться истории стеклоделия в первой половине I тысячелетия н. э., в частности производства стекла на Ближнем Востоке. К сожалению, стекло из Сирии и Египта римского времени опубликовано очень неполно, однако развитие стеклоделия в этих областях не вызывает сомнений; о нем сообщают древние авторы, сведения которых подтверждаются археологическими раскопками. Нет сомнений также в существовании крупного промышленного центра в Александрии и ряда мастерских по изготовлению стекла в других областях Египта. Например, в Фаюме, кроме мастерских в Каранисе, существовало развитое производство стекла еще, по крайней мере, в двух городах²⁸. Изобретение дутья стеклянной посуды произвело революцию в производстве. Этот прием распространился с Ближнего Востока в I в. н. э., возникнув, возможно, в Сирии.

Высокоразвитое стеклоделие в Александрии и других городах Египта оказало огромное влияние на развитие производства стекла не только в Италии, но и в римских провинциях — в Галлии, прирейнских областях. Д. Б. Харден, отмечая сходство отдельных форм стеклянных сосудов в столь отдаленных друг от друга областях империи, говорит о существовании обмена технической информацией и даже допускает возможность переезда с Востока на Запад групп ремесленников²⁹. Это, по его мнению, обусловило производство некоторых форм сосудов в провинциально-римских мастерских. Примером может служить возникновение производства конических шлифованных и нешлифованных кубков.

Из сказанного следует, что торговля сосудами этого типа шла не из Причерноморья. Общий упадок городов Северного Причерноморья под ударами варваров, отсутствие здесь остатков стеклоделательных мастерских³⁰, наконец, отсутствие даже случайных находок такого стекла в собраниях античных древностей дореволюционных коллекционеров и в коллекциях крупнейших музеев СССР (на что обратила внимание также А. Т. Брайчевская) — все это, вместе взятое, снимает предположение А. Киза, Г. Экхольма и Г. Эггерса о привозе стекла в Скандинавию, Германию и северные области СССР из городских центров Северного Причерноморья.

На территорию Украины стеклянные сосуды описанных форм, вернее всего, проникали с Запада, хотя вполне возможно, что первоначально они появились на Ближнем Востоке. Проникновение стеклянных изделий по

²⁵ G. M. Crowfoot and D. B. Harden. Early Byzantine and later glass lamps. *Journal Egypt. Arch.*, XVII, 1931, стр. 196.

²⁶ D. B. Harden. Указ. соч., стр. 43, 44.

²⁷ Jean Morin. Указ. соч., стр. 141.

²⁸ D. B. Harden. Указ. соч., стр. 38.

²⁹ Там же, стр. 41—44.

³⁰ В. Д. Блаватский. О ремесле на Боспоре. Доклад в ИИМК 3 октября 1955 г.

северо-западному пути, по Балтийскому морю и Висле, как предполагает А. Т. Брайчевская, представляется маловероятным. Доказательства существования такого пути, основанные на соотношении числа аналогий в тех или других районах, довольно шатки. Г. Эггерс, например, в упоминавшейся выше работе справедливо отмечает опасность такого подхода из-за разной степени исследованности отдельных областей. В этой связи напомним, что националистически настроенные немецкие ученые и их последователи считали путь вверх по Висле чуть ли не основным путем, по которому шли бесчисленные волны германских завоевателей и «культуртрегеров»³¹, что, как известно, является тенденциозным вымыслом.

И в данном случае большие сомнения вызывает вывод А. Т. Брайчевской о привозе сравнительно широко распространенных на Украине стеклянных сосудов таким кружным путем. Связывать появление этих вещей с походами восточных германцев, готов и гепидов первой половины III в. н. э. также не представляется возможным, ибо публикуемые нами вещи, как правило, относятся к более позднему времени.

Направление торговых путей можно хорошо проследить по карте находок римских монет, составленной В. В. Кропоткиным³². Следует напомнить вывод автора о том, что приток римских монет на территорию СССР шел не через города Северного Причерноморья, а через юго-западные границы, через Мёзию, Дакию и Паннонию³³. Материалы раскопок нижнеднепровских поселений и могильников черняховской культуры, где, несмотря на близость последних к северопричерноморским городам, за 4 года работ не найдено ни одной римской монеты, косвенно подтверждают выводы В. В. Кропоткина.

Правомерно ли считать этот юго-западный путь, по которому на нашу территорию проникла основная масса римских монет, как правило, более раннего времени, чем описываемые импортные стеклянные изделия, путем, использовавшимся и в IV—V вв. н. э.? Как нам кажется, на этот вопрос следует ответить положительно. Существование пути с запада на восток, идущего в широтном направлении, зафиксировано еще для эпохи латена. Это путь кельтов или, что вероятнее, путь вещей, привозившихся из областей современных Франции и Чехословакии³⁴.

О существовании древнего пути из Центральной Европы по Дунаю говорит Т. Д. Златковская³⁵. Небезынтересна гипотеза К. Тыменецкого³⁶ о том, что даже путь готов в Причерноморье шел не через славянские земли, а по Дунаю, в верховья которого племена готов вышли из областей Шлезвига. Ю. Костржевский³⁷ отмечает, что следы торговли по Висле в эпоху переселения народов представлены слабо.

Конечно, эти доводы не претендуют на то, чтобы исключить роль торгового пути по Висле. О древних связях населения Балтийского побережья с лесостепной и степной Украиной свидетельствуют хотя бы находки янтарных бус в тех же могилах культуры «полей погребений» черняховского типа. Однако о привозе провинциально-римских стеклянных сосудов этим путем в IV—V вв. н. э., как нам кажется, говорить не приходится.

³¹ К. Takenberg. Zu den Wanderungen der Ostgermanen. «Mannus», Bd. XXII, табл. 3—4, 1930; М. Korduba. Die ostgermanischen Handelswege durch die Ukraina um Mitte des ersten Jahrtausends vor Chr. Geb. «Światowit», XV, 1932/1933.

³² В. В. Кропоткин. Топография римских и ранне-византийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3, рис. 1.

³³ В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. 246.

³⁴ Э. Неудлы. История чешского народа. М., 1952, стр. 129.

³⁵ Т. Д. Златковская. Мёзия в I—II вв. н. э. М., 1951, стр. 105.

³⁶ К. Tumiński. Droga Gotów na południe. «Archeologia», III, 1949, стр. 118.

³⁷ J. Kostrzewski. Rola Wisły w czasach prehistorycznych Polski. Przegląd archeologiczny, I, zeszyt 1, 1933—1934, стр. 68.

Аналогии публикуемой стеклянной посуде, известные по находкам в Силезии (Сакрау, Луги) и Паннонии (Дунапентеле), указывают именно на южный путь, по которому шла торговля Запада с Востоком. Несомненно, что в передвижении отрядов гуннов и готов на запад принимали участие иноплеменные дружины. Известны могильники черняховского типа в Румынии (Марошсентанно, Извоар и др.). Не исключено, что участники походов, проложив новые пути на Запад, впоследствии становились купцами, осуществлявшими торговлю различными предметами роскоши, в том числе и стеклом. Как известно, торговые связи Восточной Европы с Западной не были нарушены вплоть до монгольского завоевания. Тесные торговые и культурные взаимоотношения домонгольской Руси с Западом были подготовлены всей историей торговли предшествующей поры.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. Д. БЕЛАНОВСКАЯ

ТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КРАСНОСТАВКА

*Посвящается памяти
Е. Ю. Кричевского*

Исследование трипольского поселения у с. Красноставка, Маньковского района, Киевской области, производилось в 1940 г. отрядом Трипольской экспедиции (начальник экспедиции — Т. С. Пассек) под руководством Е. Ю. Кричевского¹. Материалы раскопок остались неопубликованными из-за безвременной кончины Е. Ю. Кричевского в период блокады Ленинграда. Коллекция находок хранится в Отделе истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа².

Поселение у Красноставки открыто в 1930 г.³; впоследствии некоторые материалы, собранные здесь, были опубликованы. Так, в монографии Т. С. Пассек, посвященной трипольской керамике, изданы фрагменты сосудов, хранившиеся в Уманском музее⁴.

В докладе «Основные проблемы украинского неолита», сделанном на IV научной конференции Института Археологии Академии наук УССР, Е. Ю. Кричевский упоминал о находке в Красноставке в 1940 г. сосуда с линейно-ленточным орнаментом, принадлежавшего к «дунайской» культуре⁵. В обобщающем труде Т. С. Пассек дана характеристика поселения, как относящегося к раннему этапу развития трипольской культуры⁶.

Поселение обнаружено на краю села, к юго-западу от отдельно стоящей группы домов, носящей название поселка имени Воровского. Оно располагалось на западном и южном склонах возвышенности, на мысу, над заболоченной низиной р. Конелки, окружающей мыс с северной, западной и южной сторон.

При обследовании собран обильный подъемный материал, в основном — фрагменты керамики. Из кремневых изделий следует отметить конец сломанной ножевидной пластины (рис. 6 — 3) темно-серого цвета. По одному краю ее нанесена высокая ретушь, далеко заходящая на спинку. Сильная заощенность по ретушированному краю говорит о длительном употреблении

¹ В состав отряда входили: начальник отряда Е. Ю. Кричевский, студенты-практиканты Ленинградского университета и автор настоящей статьи.

² Приношу глубокую благодарность С. И. Капошиной, предоставившей мне документальные материалы Е. Ю. Кричевского.

³ Хроніка археології та мистецтва, ч. 2, Київ, 1930, стр. 83.

⁴ T. P a s s e k. La céramique tripolienne. Moscou—Leningrad, 1935, стр. 90, табл. VI, фиг. 1—4.

⁵ Т. С. Пассек. Четвертая научная конференция Института археологии Академии наук УССР. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 162.

⁶ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 37, 39, рис. 10.

орудия. Другой край ретуширован частично. На спинке — след предварительного скола; на брюшке, в месте излома пластины, есть крупная фасетка ретуши (длина орудия — 31 мм, ширина в месте излома — 18 мм, у конца пластины — 10 мм).

Среди подъемного материала имеются также 2 куса гранита, одна поверхность которых уплощена (возможно, это обломки зернотерок), и раковина *Unio pictorum*.

В одном из пунктов возвышенности, где расположено древнее поселение, местными жителями была вырыта яма для добывания песка и глины. Осмотр ее стенок показал, что яма перерезала землянку трипольского времени. При последующей зачистке установлено, что южная, чашевидная, более углубленная часть землянки, служившая, вероятно, местом жилья, была в значительной мере уничтожена; другая часть ямы — менее углубленная и более плоская — служила как бы приступком, где находился очаг. Такое предположение подтверждается тем, что только здесь встречались куски обожженной глины, обожженные камни, кости и угли. При зачистке и разборке ямы была найдена керамика следующих типов.

1. Наиболее многочисленная группа (10 фрагментов) — сосуды без орнамента. Это фрагменты небольших сосудов из светло-желтой, оранжевой, желтовато-серой массы с примесью мелкотолченых раковин, реже — шамота. Встречаются единичные зерна кварца. Обжиг недостаточно сильный, в результате чего черепок в изломе неравномерно окрашен.

2. Сосуды с углубленным орнаментом в виде узких вдавленных полос, между которыми расположены углубления (6 фрагментов). Масса черная, реже — светло-желтая, без видимых примесей. Поверхность гладкая.

3. Сосуды с широкожелобчатым орнаментом (5 фрагментов), преимущественно светло-желтого цвета, с гладкой поверхностью, без заметных примесей в глиняной массе или с незначительной примесью кварца. Орнамент — в виде вдавленных округлых желобков и иногда находящихся между ними углублений.

4. Часть дна и стенки сосуда светло-желтого цвета, с гладкой поверхностью. Орнамент — в виде каннелюр или штампованный.

5. «Кухонная» посуда (3 фрагмента) серого и желтого цвета. Масса — с примесью мелкотолченых раковин и реже — шамота, вследствие чего черепок в изломе слоистый. Орнамент углубленный.

С целью выявления других жилищ на поселении заложено 11 шурфов (1,5 × 1,5 м). В одном из них (№ 3) обнаружена глинобитная площадка, и этот шурф был в дальнейшем расширен (7 × 7 м) для выявления ее контуров.

Жилище расположено на довольно крутом склоне возвышенности, поэтому слой, где оно залегало, сильно деформирован и получил резкий уклон на юг к низине. Остатки вскрытого жилища не имели сколько-нибудь четких очертаний; слой (в одних местах сплошной, в других — крайне нарушенный) состоял из плотных глиняных плиток желтоватого и красноватого цвета и крупных кусков обмазки (вальков), содержавших растительную примесь и имевших отпечатки расколотых деревянных плах и прутьев. Одни вальки были обожжены равномерно, на других — следы закопченности.

В юго-западной части жилища отмечено залегание плиток крупного размера. Здесь же оказалось несколько довольно больших вальков, обращенных оттисками вверх. Плитки лежали равномерными, параллельными рядами, постепенно спадая вниз к юго-западу, в соответствии с понижением местности. В западной части жилища выделилась небольшая площадка из светло-желтых, хорошо обожженных плиток, где найдено 7 обломков каменных зернотерок. Вероятно, здесь была хозяйственная часть жилища и производился размол зерна.

Рис. 6. Красноставка. Находки с трипольского поселения.

1—3 — кремневые орудия; 4 — обломок статуэтки; 5 — обломок ручки сосуда; 6—8, 10—15, 17, 20, 22 — керамика с углубленным орнаментом; 9, 16, 18, 19 — керамика с широкожелобчатым орнаментом; 21, 23 — керамика без орнамента.

Северный край жилища имел очень неровные очертания с единичным залеганием обломков плиток. Юго-восточная часть состояла из почти сплошного слоя глиняных плит, но сильно поврежденного оползанием к юго-западу. Южная граница отмечена несколькими отдельно залегающими обломками плиток.

Разборка показала, что пол глинобитного жилища состоял в основном из одного слоя небольших, нетолстых плиток; в северо-западной части они были размером в среднем $3 \times 5 \times 8$ см, в юго-западной и западной — до 12 см толщиной и до 25 см длиной. Возможно, что такая разница объясняется рельефом местности — общим понижением. Укладкой плиток разной толщины пол искусственно выравнивался.

Под плитками часто встречались единичные обломки вальков. На многих из них были отпечатки лозы, на некоторых — плах. Во многих случаях отпечатки обращены вниз. Нижняя поверхность плиток и вальков обожжена хуже. Обжиг производился здесь же, на месте. Больше всего вальков встречено по краям жилища, особенно по западному, где они лежали сверху, выше уровня плиток; видимо, их следует связывать с основанием стен. Ни одной печи не обнаружено; это можно объяснить тем, что помещение было летним и служило исключительно для хозяйственных целей (о чем свидетельствуют большое количество керамики и зернотерок и чрезвычайная редкость других предметов, например статуэток, кремневых орудий) — для хранения и обработки зерна и приготовления пищи, тогда как печь находилась вне дома. Зимним помещением могли быть землянки.

Материал, полученный при раскопках жилища, представлен в основном керамикой, которая встречалась довольно равномерно на поверхности площадки и при ее разборке.

1. Керамика без орнамента — 47% (рис. 6 — 21, 23). Масса ее — различных оттенков желтого цвета (желтовато-серого, светло-желтого, оранжевого), светло-серого, коричневатого-серого; найдено несколько обломков розового цвета. Внутренняя поверхность часто более темной окраски. Масса — с мелко толченой примесью раковин, шамота и крупных зерен кварца в виде единичных включений. Поверхность гладкая, реже — шероховатая; и снаружи и внутри на ней в ряде случаев прослеживаются полосы от сглаживания. Обжиг обычно хороший и черепок в изломе одноцветный, реже — слоистый вследствие недостаточности обжига.

Имеющиеся фрагменты не дают возможности полностью восстановить форму сосудов; в коллекции представлены обломки прямых венчиков (лишь одного отогнутого) и плоских днищ. На отогнутом венчике, на расстоянии 2 см от края, просверлено отверстие; сверление производилось и с внешней, и с внутренней сторон.

2. Керамика с углубленным орнаментом — 16% (рис. 6 — 8, 10—15, 17, 20, 22). Цвет ее серый, черный, желтый различных оттенков, розоватый; в отдельных случаях внутренняя сторона — более темной окраски. Поверхность гладкая, иногда лощеная, реже — шероховатая. Масса пористая, с очень мелкой примесью толченых раковин, шамота и единичными включениями крупных зерен кварца. Обжиг достаточно сильный; черепок в изломе одноцветный и лишь иногда — слоистый. Орнамент составляют углубленные полосы; основной его элемент — спираль. Лента орнамента образована двумя или тремя углубленными полосами; они расположены дугообразно или спиралеобразно, иногда сходясь под углом. Пространство между лентами заполнено округлыми углублениями.

Среди керамики этой группы следует отметить миниатюрный сосудик с расширяющимися кверху краями (рис. 6 — 7), половину другого миниатюрного сосуда, части подставок (рис. 6 — 8), обломок крышки (рис. 6 — 14), фрагменты отогнутых и прямого венчиков. На нескольких обломках стенок имеются ленточные ручки.

3. Керамика с широкожелобчатым орнаментом — 10% (рис. 6—9, 16, 18, 19). Цвет ее желтый различных оттенков (светло-желтый, желтовато-серый) и розоватый. Поверхность гладкая, часто шероховатая; масса пористая, с очень мелкой примесью толченых раковин, шамота и единичных крупных зерен кварца. Обжиг достаточно сильный. Орнамент — в виде широких (4—5 мм) желобков, расположенных параллельными горизонтальными, дугообразными или спиралеобразными линиями, между которыми иногда помещены округлые углубления. Найденные фрагменты не позволяют восстановить форму сосудов; в коллекции представлены один фрагмент прямого венчика и обломок дна миниатюрного сосуда.

4. Керамика с каннелированным орнаментом — 13% (рис. 7—8—15). Цвет светло-желтый, серый или черный, иногда внутри темнее. Поверхность гладкая, лощеная. Масса — без видимых примесей или с мелкотолченой раковиной и шамотом. Обжиг достаточно сильный. Орнамент — в виде широких (7—9 мм) каннелюр, расположенных горизонтально или вертикально, иногда расходящихся лучеобразно; в отдельных случаях вдоль каннелюр сделаны округлые ямки. У двух черепков на ребрышках каннелюр — отпечатки гребенчатого штампа. Имеются фрагменты отогнутых венчиков и дна.

5. «Кухонная» керамика — 14% (рис. 7—1—7.) Цвет желтый различных оттенков (светло-желтый, желтовато-серый), серый, коричневый. Поверхность гладкая. В глиняной массе — примесь мелкотолченой раковины, шамота, единичных крупных зерен кварца. Обжиг недостаточно сильный, вследствие чего в изломе черепков слоистый — посередине темная полоска. Орнамент — в виде углублений различной формы (округлых, овальных, подтреугольных, четырехугольных, ромбических, трапециевидных), узких, заостренных насечек, выпуклостей; эти несложные элементы орнамента располагаются горизонтальными рядами, чаще всего у основания венчика. На одном фрагменте отогнутого венчика — сквозное отверстие диаметром 3 мм, просверленное с двух сторон, очевидно, преднамеренно: отверстия служили для веревки или шнура при подвешивании сосуда. Существовала определенная система в расположении отверстий (2 см от края венчика) и в технике их нанесения (сверление производилось с двух сторон). В отдельных случаях на поверхности видны горизонтальные полосы от сглаживания, вероятнее всего, деревянным инструментом.

Очень интересен сосуд с ручками, найденный при прокопке в западной части площадки под плитами пола (рис. 8). Он — серого, местами светло-желтого цвета. Размеры сосуда: высота — 30 см, диаметр венчика — $9,6 \times 10$ см, максимальный диаметр — 26,5 см, диаметр дна — $8 \times 8,3$ см. Ближайшие аналогии ему по форме и орнаменту⁷ (ленты, образованные двумя параллельными прочерченными полосами, и округлые углубления

⁷ Аналогичные формы и орнаментна сосудах см.: J. Filip. *Pravěké Československo*. Praha, 1948, табл. 3—11; O. Floca. *Stațiunea de la sfârșitul treptei de jos a barbariei din măginea Devei (o civilizație neatestată pe teritoriul Transilvaniei)*. Studii și cercetări de istorie veche. Anul 1, 1950, II, табл. III, фиг. 1. Аналогичная форма: I. L. Cervinka. *Morava za pravěku*, V. Brno, 1902, табл. VI—2; его же. *Moravské starožitnosti*. Kojetín na Hané 1908, стр. 9, рис. 4; A. Stočký. *La Bohême préhistorique*. Prague, 1929, стр. 50, фиг. 17—2, табл. IX—10; C. Schuchhardt. *Vorgeschichte von Deutschland*. München—Berlin, 1934, стр. 74, рис. 70, f; W. Buttler. *Der donauländische und der westische Kulturkreis der jüngeren Steinzeit*. Handbuch der Urgeschichte Deutschlands. Berlin—Leipzig, 1938, табл. 3—6; J. Nestor, A. Alexandrescu, E. Comșa, E. Zaharia-Petrescu, V. Zirra. *Săpăturile de pe șantierul Valea Jyiei (Iași—Botoșani—Dorohoi)* in anul 1950. Studii și cercetări de istorie veche. Anul 2, 1951, I, стр. 58, фиг. 8; И. К. Свешников. *Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднепровья и Западной Волыни*. СА, XX, 1954, табл. V, 10. Аналогичный орнамент: J. Eisner. *Slovensko v pravěku*. Bratislava, 1933, табл. IV—7, IX—1; *Handbuch der Archäologie*. In Verbindung mit E. W. Andrae, H. Arntz, F. W. F. von Bissing, begründet von W. Otto, fortgeführt von R. Herbig. München, 1950, табл. 4—2.

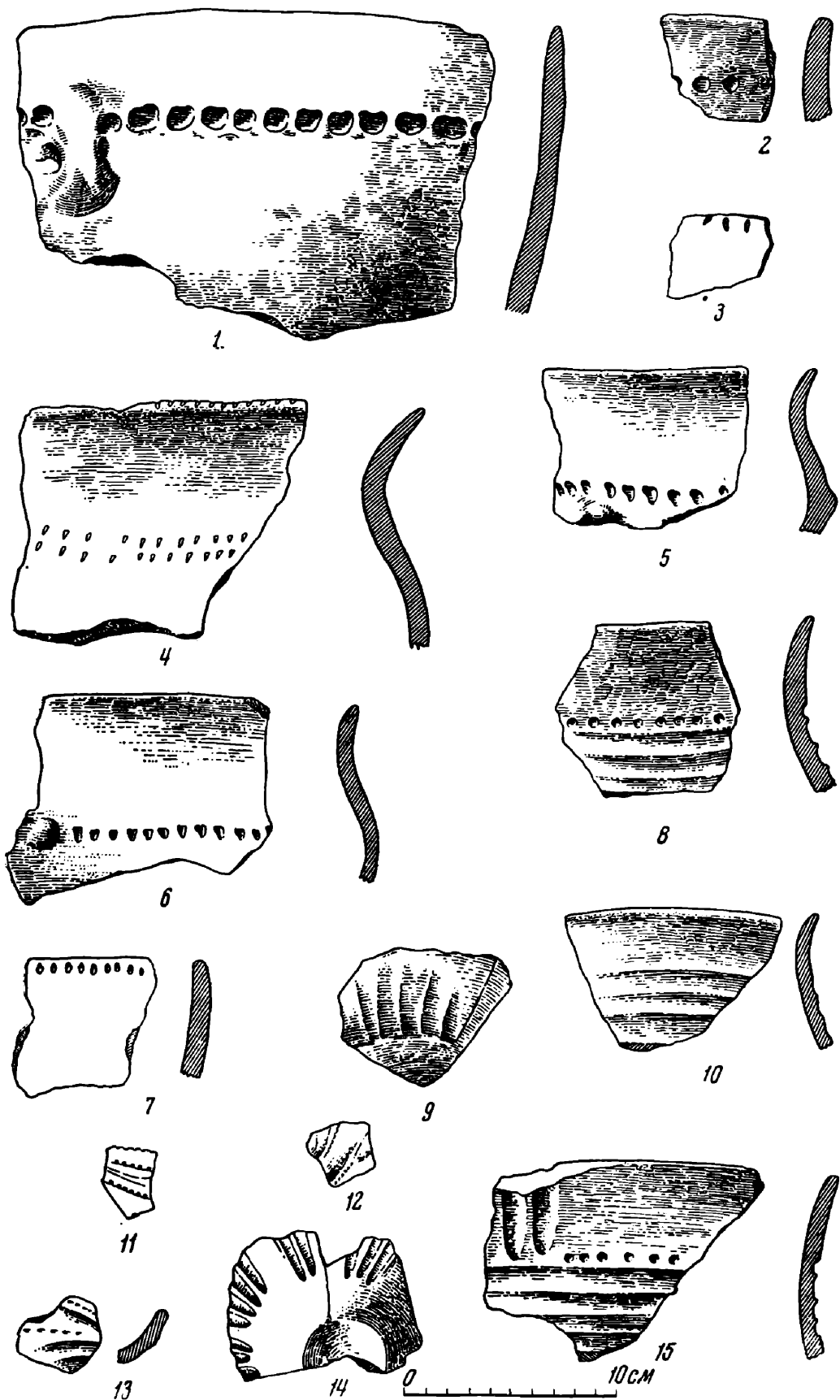

Рис. 7. Керамика с поселения у Красноставки.

1-7 — «кухонная» посуда; 8-15 — сосуды с канцелированным орнаментом.

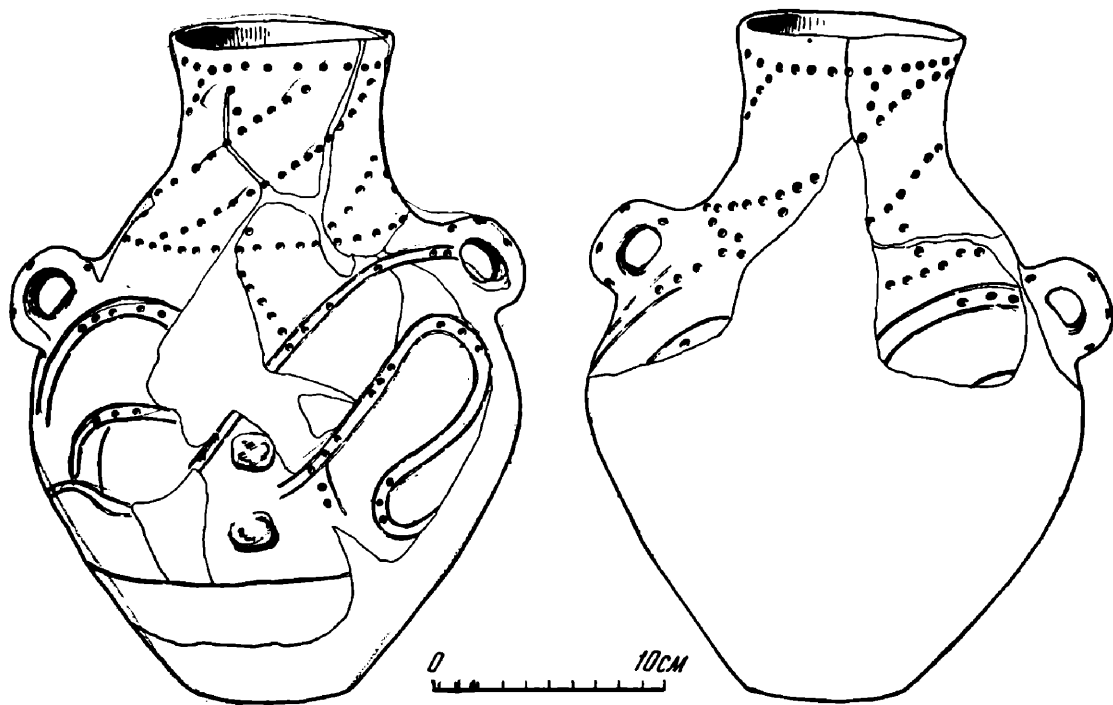

Рис. 8. Орнаментированный сосуд с поселения у Красноставки.

между ними) встречаются в ранних памятниках с линейно-ленточной керамикой.

Количественное соотношение отдельных видов керамики, найденной в жилище, не случайно. Первое место занимает керамика без орнамента (47%), второе — с углубленным орнаментом (16%); эта группа наиболее характерна для Красноставки. Третье место занимает «кухонная» керамика (14%), четвертое — керамика с каннелированным орнаментом (13%) и пятое — с широкожелобчатым орнаментом (10%).

Кроме сосудов, в жилище найден фрагмент статуэтки (рис. 6 — 4): часть торса с углубленным орнаментом, расположенным на одной стороне в виде «елочки» и небольшого ромба, заполненного вертикальными углубленными полосами; на другой стороне — орнамент в виде «елочки» и косо поставленных углубленных полос, заполняющих в ряде случаев пространство между длинными полосами. Ближайшие аналогии фрагменту статуэтки находим среди глиняной пластики из раскопок на раннетрипольском поселении Лука-Врублевецкая⁸.

Кремневые изделия в Красноставке представлены единичными находками. Из них наиболее интересны наконечник стрелы и концевой скребок. Наконечник стрелы (рис. 6 — 1) в форме правильного треугольника с прямым основанием сделан из кремня светло-черного цвета и обработан с обеих сторон отжимной ретушью, поэтому несколько утолщен в середине и тоньше к краям. Удлиненные фасетки заходят далеко на поверхность.

Наконечники стрел — редкие находки на раннетрипольских поселениях. Так, в Луке-Врублевецкой обнаружен всего один наконечник с вогнутым основанием⁹; два найдены в Сабатиновке, один (с вогнутым основанием) — в Кадиевцах, урочище Бавки¹⁰; в Поливановом Яре, особенно

⁸ С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 38, табл. 88, о, 90, ж.

⁹ С. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 91.

¹⁰ М. Рудинський. Досліди на Кам'яничині. Коротке звітження на 1926 р. Київ, 1927, стр. 135.

богатом кремневым инвентарем, представлены наконечники стрел двух типов: 1) треугольно-вогнутой формы, крупного размера, с довольно значительной выемкой у основания и 2) средних размеров, треугольной формы, с прямым основанием¹¹. Обнаруженный в Красноставке находит себе ближайшую аналогию в одном из наконечников стрел второго типа из Поливанова Яра¹².

Вторая находка — концевой скребок (рис. 6 — 2) из мелового кремня, покрыт голубоватой патиной с белыми прожилками. Скребок высокий, обработан отжимной (с удлиненными фасетками) ретушью, заходящей далеко на спинку орудия; он сделан на конце сломанной пластинки — на спинке виден след предшествующего скола, на брюшке ясно выражены волны. Скребки обычно составляют наиболее многочисленную группу орудий, что неоднократно отмечалось в литературе в отношении ряда раннетрипольских поселений (Сабатиновка¹³, Ленковцы¹⁴, Берново-Лука¹⁵, Лука-Врублевцевская¹⁶ и др.). Скребок из Красноставки принадлежит к распространенному в раннетрипольских поселениях типу концевых скребков.

Среди находок отметим также кремневый отщеп без вторичной обработки, кусок гранита (с одной стороны плоский, — возможно, часть зернотерки) и серый каменный шар неправильной формы, уплощенный с одной стороны (может быть, растиральный камень от зернотерки).

В другом шурфе (№ 10) в Красноставке открыты остатки второго глинобитного сооружения — небольшие залегания обожженной глины. Одно из них — неправильной, ромбовидной формы, размером 2,1 × 1,7 м; оно состояло из обломков плиток, расположенных без какой-либо системы.

Несколькими плитками это скопление соединяется с другим, размер которого — 1 × 0,7 м. Оба скопления вместе образуют в плане неправильный треугольник. Найдено 11 фрагментов керамики (1 — без орнамента, 3 — с углубленным орнаментом, 2 — с широкожелобчатым, 1 — с каннелированным, 1 — с нанесенным зубчатым штампом и 3 обломка «кухонной» керамики, однотипных описанным выше из глинобитного жилища). Обнаружен кремневый отщеп со следами ретуши.

Остальные шурфы дали небольшой материал в виде фрагментов керамики характерных для Красноставки типов. Следует отметить обломок ручки сосуда (рис. 6 — 5), орнаментированный по краю продолговатыми вдавлениями, образующими 4 выступа, и углубленными линиями; в центре — сквозное отверстие, служившее для подвешивания сосуда.

Аналогичная ручка от сосуда, только без орнамента, найдена в Луке-Врублевцевкой. С. Н. Бибииков с полным основанием усматривает в ней воспроизведение человеческой руки с четырьмя пальцами¹⁷.

Интересна также часть подставки (рис. 6 — 6), орнаментированной вертикальными углубленными полосами и двумя рядами округлых ямок. В Красноставке найдены две такие подставки. Сосуды (на подставках) с углубленным орнаментом обычны для раннетрипольских поселений (Да-

¹¹ Т. С. Пассек. Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 48.

¹² Там же, рис. 13 — 5.

¹³ М. Л. Макаревич. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипольської культури. Археологічні пам'ятки УРСР, IV, Київ, 1952, стр. 94.

¹⁴ Е. К. Черныш. Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 46; е е же. Раннетрипольские поселения Среднего Поднепровья. КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 117.

¹⁵ Т. С. Пассек. Археологическое изучение трипольских поселений на Днестре. Доклады VI Научн. конф. Ин-та Археологии АН УССР, Киев, 1953, стр. 231.

¹⁶ С. Н. Бибииков. Указ. соч., стр. 85.

¹⁷ С. Н. Бибииков. Указ. соч., стр. 52, рис. 26, табл. 47, в.

нилова Балка¹⁸, Сабатиновка¹⁹, Ленковцы²⁰, Берново-Лука²¹, Лука-Врублевецкая²², Поливанов Яр²³, Городница²⁴ и др.) и многих памятников Юго-Восточной Европы²⁵. Т. С. Пассек указывает их в числе характерных форм керамики этапа А²⁶.

По определению В. И. Бибиковой, фауна Красноставки представлена следующими видами животных (в количестве особей): домашняя свинья — 2, домашний бык — 2, мелкий рогатый скот (овца или коза) — 2, лошадь — 1, благородный олень — 1, косуля — 1, лисица — 1. Встречены также кости крупного копытного, мелкого копытного и млекопитающего.

Подводя итоги исследованию трипольского поселения у Красноставки, следует указать на одновременное существование здесь двух видов жилищ — землянок и наземных глинобитных построек. Эту особенность Т. С. Пассек отмечает как характерный признак поселения раннего этапа (А)²⁷.

За последние годы в результате раскопок Т. С. Пассек (на Днестре) и других исследователей изучены новые раннетрипольские поселения, в которых наблюдаются оба типа жилищ: у с. Борисовка (разведки Трипольской экспедиции под руководством Т. С. Пассек в 1948 г.), у с. Солончены, Резинского района (раскопки Молдавской экспедиции под руководством Т. С. Пассек в 1952—1955 гг.), у с. Ленковцы, Черновицкой области (раскопки Е. К. Черныш), и у с. Ветилровка на Пруте (раскопки Б. А. Тимощука).

По периодизации Т. С. Пассек, керамический комплекс из Красноставки следует относить к раннему этапу (А). Ближайшие аналогии Красноставке дают находки из Борисовки и Печар (нижний слой)²⁸.

---

¹⁸ Э. А. Симонович. Раннетрипольское поселение в Данилова Балка. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 107, рис. 30, 9.

¹⁹ М. Л. Макаревич. Указ соч., табл. 1, 15.

²⁰ Е. К. Черныш. Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы, стр. 42, рис. 12—23, рис. 15—7; е е же. Раннетрипольские поселения Среднего Поднепровья, стр. 116.

²¹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 231.

²² С. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 137—140, табл. 42, 43, 44.

²³ Т. С. Пассек. Трипольские поселения на Днестре, стр. 46.

²⁴ В. П. Кравец. Ранньотрипольське поселення в Городниці на Дністрі. Матеріали и Дослідження по археології УРСР. Наукові записки Львівськ. Філіал АН УРСР, стр. 57, рис. 2—3.

²⁵ С. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 139.

²⁶ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 41.

²⁷ Там же.

²⁸ Неопубликованный материал М. И. Артамонова, хранящийся в Государственном Эрмитаже.

В. И. СПРИШЕВСКИЙ

ЧУСТСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

(Из раскопок 1954 г.).

Эпоха бронзы представляет большой интерес для истории народов Узбекистана. До 1953 г. на территории Узбекской ССР не было исследовано ни одного памятника этого периода; 1953 г. явился началом стационарных археологических раскопок первого оседло-земледельческого поселения эпохи бронзы в районе г. Чуста, Наманганской области¹ (рис. 9).

Чустское поселение несколько вытянуто по оси северо-запад — юго-восток; общая площадь его достигает примерно 9000 кв. м (с учетом площади склонов холма).

В результате сравнительно небольших раскопок, проведенных в 1953 г.², собран весьма интересный материал, характеризующий древнейшую оседло-земледельческую культуру населения Ферганской долины во II тысячелетии до н. э. В 1953 г. раскопы были заложены на южном и северном склонах холма³; в следующем году раскоп I (1953 г.; рис. 10) был расширен. В задачу отряда входило уточнение границ поселения, выявление жилищ и сбор материала, необходимого для характеристики изучаемого периода. Была вскрыта площадь 276 кв. м на глубину от 0,4 до 1,5 м. Культурный слой представлял собой сравнительно мягкий песчано-лессовый грунт. Слой, перекрывавший грунтовые ямы, сильно насыщен зольными прослойками — остатками очагов, большей частью имевших воронкообразную форму и заканчивавшихся иногда плоским камнем, который служил основанием или «подом» очага. В слое обнаружены находки, позволившие выявить наличие на поселении некоторых видов производства.

Определить полностью границы Чустского поселения в 1954 г. не удалось. Наши предположения, высказанные в 1953 г., о том, что стоянка занимала ровную поверхность холма, раскопками 1954 г. не подтвердились, так как под культурным слоем, снятым на $\frac{1}{3}$ высоты на южном склоне холма, обнаружены остатки ямных и наземных жилых сооружений. Не исключена возможность, что весь холм, включая и его склоны, был заселен. Подтверждением этого может быть устроенный на грунте очажок из камней, обнаруженный у подножия холма под культурным слоем мощностью

¹ Поселение обнаружено в 1950 г. археологическим отрядом Института истории и археологии и Музея истории Академии наук Узб. ССР (под руководством М. Э. Воронца), входившим в состав Памиро-Ферганской экспедиции ИИМК.

² Ферганским археологическим отрядом Института истории и археологии и Музея истории народов Узбекистана Академии наук Узб. ССР. Руководитель — В. И. Спришевский, лаборанты — историк-педагог Л. Т. Астафьева, студенты САГУ и сотрудник Академии наук Узб. ССР Г. Н. Катков.

³ В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы (раскопки 1953 г.). СЭ, 1954, № 3.

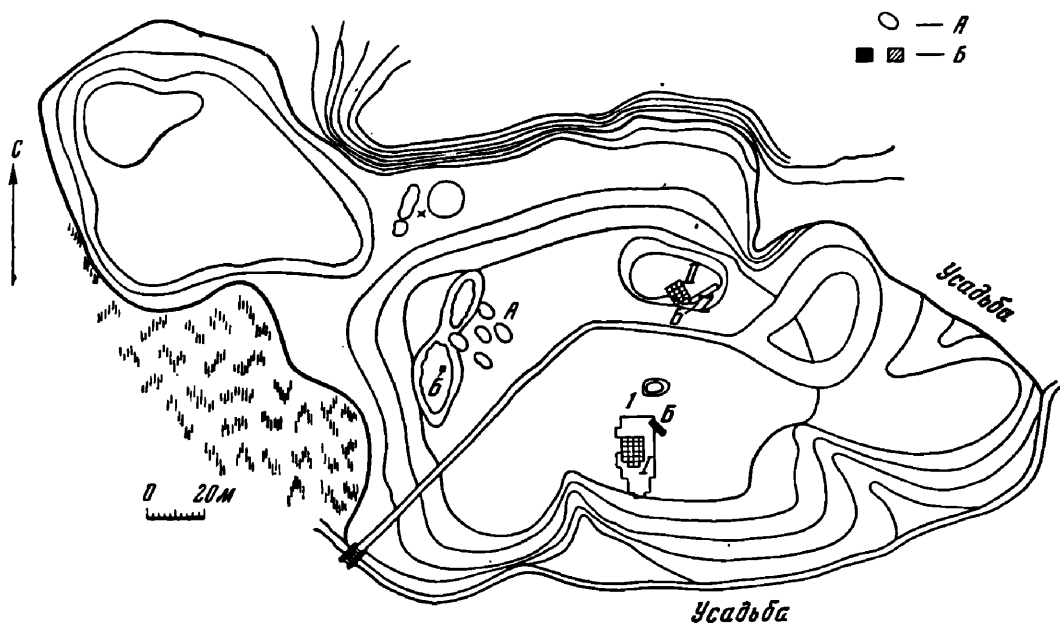

Рис. 9. План Чустского поселения.

1, 2 — раскопы 1951 г.; 1, II — раскопы 1953 и 1954 гг.; А — кладбище; Б — шурфы 1953 г.
(Крестиком отмечены современные ямы).

до 0,5 м. На очажке стоял маленький плоскодонный сосудик, изготовленный от руки и слабо обожженный.

По мере снятия культурного слоя обнаружен ряд грунтовых ям. В 1954 г. расчищено 35 ям, причем некоторые из них оказались двойными и тройными, соединенными между собой проходами. За 2 года на раскопе I, на площади 384 кв. м, расчищено 48 ям (рис. 10). Некоторые из них, вероятно, использовались как жилые полуземлянки, о чем свидетельствуют стенки, обложенные комьями глины (яма № 2, 1953 г.), сырцовым кирпичом (размером $19 \times 6 \times 5$ см; яма № 20, 1954 г.) и речными булыжными камнями (яма № 36, 1954 г.). В ямах № 33, 38, 41, 44 и 48 были как бы впускные помещения меньшего размера, чем основное, с полом из уплотненной глины, устроенным на 10—15 см выше пола основной полуземлянки.

При полуземлянках вскрыты очаги трех типов. В 1953 г. на полу некоторых полуземлянок обнаружены зольные прослойки; в 1954 г. удалось найти более сложные обогревательные сооружения. Так, в яме № 10 в подбое южной стены на уровне пола было устроено из глины с саманом арковидное сооружение, подобное найденному ранее в полуземлянке № 6. Сооружение сильно обожжено с внутренней и внешней сторон. Подбой стены ямы оказался прокаленным в результате длительного действия сильного огня. Размеры сооружения таковы: расстояние между внешними краями пят свода — 50 см, толщина в замке — 9 см, длина — 55 см, общая высота от пят — 17 см. Очажок установлен на прочном основании — площадке из илистой массы. Обломки таких же сводчатых, сильно прокаленных очажков обнаружены и при расчистке ям № 5 и 22. Таким образом, наше предположение⁴ о том, что арковидное сооружение, найденное в яме № 6 в 1953 г., служило хранилищем вещей или продуктов питания, не подтверждается. Второй тип очагов представлен подбоем в стенах полуземлянки (№ 35), наполненным золой и со следами сильного обжига. Третий тип — глубокая круглая с подбоями яма, расположенная

⁴ В. И. Спришевский. Указ. соч.

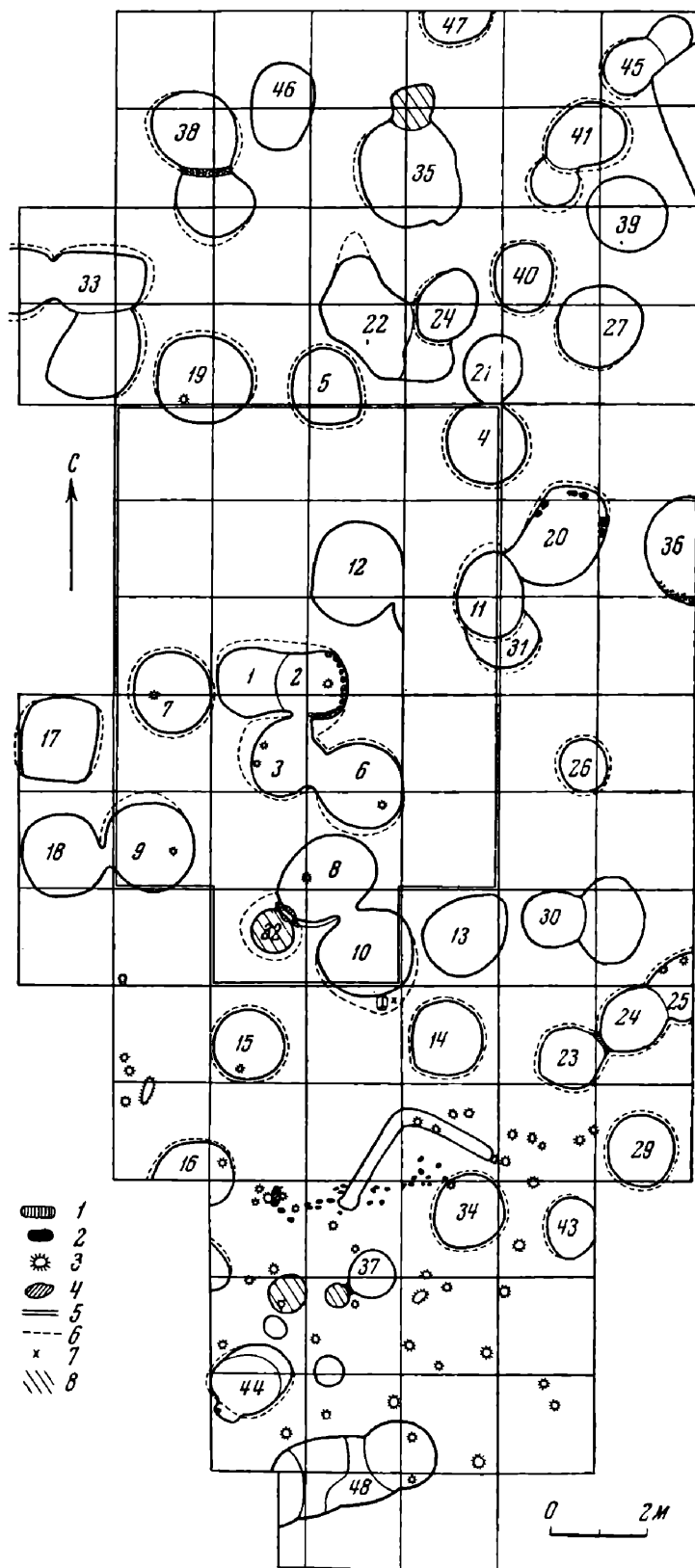

Рис. 10. План раскопа I (1953—1954 гг.).

1 — сырцовый кирпич; 2 — буджжик; 3 — гнезда от стоек; 4 — комья глины; 5 — граница раскопа 1953 г.; 6 — граница подбоев; 7 — сводчатый очаг; 8 — очаги.

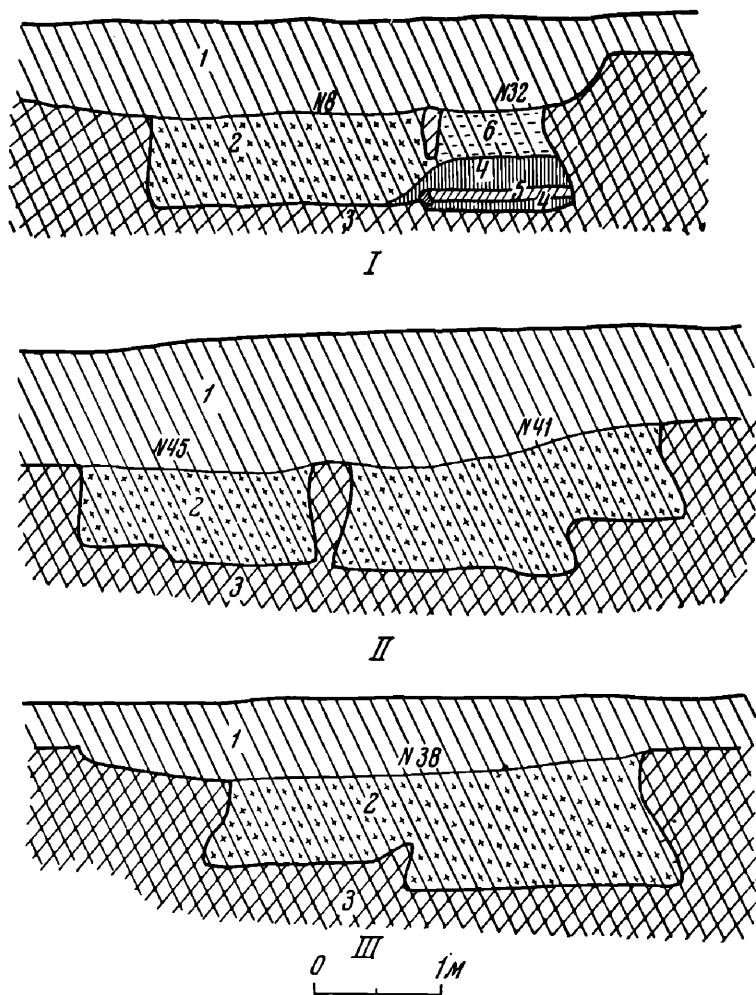

Рис. 11. Чустское поселение. Разрезы ям полуземлянок.

I — ямы № 8 и 32 (очаг) по оси ЮЗ—СВ; *II* — ямы № 41 и 45 по оси ЮЗ—СВ; *III* — яма № 38 по оси ЮЗ—СЗ; 1 — культурный слой (лёсс, зола, включения керамики, костей, угля); 2 — заполнение полуземлянок; 3 — грунт (материк); 4 — плотный слой золы; 5 — прокаленный лёсс; 6 — чистый лёсс.

рядом с полуземлянкой и в нижней своей части соединенная с ней арковидным проемом.

При расчистке ямы № 8 (1953 г.; рис. 11 — *I*) в ее юго-западной части обнаружен подбой, заполненный золой и углями, который был принят нами за небольшой очаг. При продолжении работ было уточнено, что это только отверстие в очажную яму, расчищенную в 1954 г. (№ 32). Круглая в плане, со значительным расширением у низа стен, она почти до половины была заполнена золой и древесными углями, а дно и нижняя часть стенок прокалены до красного цвета глины; следов копоти в верхней части не найдено. Вероятнее всего, в этой яме-очаге хранились раскаленные угли. Размеры ее: диаметр в верхней части — 0,8 м, у дна — 1,25 м, глубина — 0,75 м. Отверстие, соединявшее яму с полуземлянкой № 8, было обложено крупными комьями глины, что предохраняло от разрушения. Судя по тому, что вскрыты два слоя золы (верхний мощностью 0,3 м и нижний — 0,06 м), разделенных слоем прокаленной земли в 0,09 м, можно предполагать два длительных этапа пользования ямой как очагом.

Большинство ям, вследствие их незначительных размеров (ямы № 13, 15, 23—26, 29, 30, 39 и 40), не могло служить жильем, а использовалось,

вероятно, как хранилища для продуктов. Не все полуземлянки, открытые в 1954 г., оказались в плане овальными или круглыми. Полуземлянки № 17 и 33 (средняя) четырехугольные, но с несколько закругленными углами.

Помимо жилищ типа полуземлянок, в 1954 г. удалось обнаружить на южной окраине и склоне холма следы наземных жилых сооружений, стены и крыша которых были сделаны из камыша, сохранившегося в обгорелом виде в ровике на северной стороне жилища. Вероятно, в ровике (ширина — 0,3—0,35 м, глубина — около 0,3 м, длина обеих сторон — 4,5 м), выкопанном одним углом к северу, закреплялась камышевая стена. Круглые в плане гнезда с остатками обгоревших деревянных стоек расположены не по прямой линии, а овалом по восточной и южной сторонам постройки, что позволяет высказать предположение об овальной форме жилищ. Ряд промежуточных гнезд, — очевидно, места для стоек, поддерживавших шатровое перекрытие. Каждое такое жилище могло вместить 10—12 человек. Ямы № 34, 44 и 48 окружены гнездами от стоек, в связи с чем можно предполагать, что наземные жилища и полуземлянки составляли один жилой комплекс.

Привлекают внимание несколько очажков, весьма примитивно сложенных из валунных камней и, видимо, служивших для приготовления пищи. Очажки расположены в непосредственной близости от жилых сооружений — ямных и наземных, а также в черте жилищ. В культурном слое встречены большие зольные пятна.

Основную массу находок составляют керамические изделия. Глиняная посуда изготовлена от руки, за исключением 4 красноангобированных венчиков сосудов. Правильность округлых форм и концентрические линии на их поверхности характерны для посуды, сделанной на круге. По способам изготовления керамика может быть разделена на несколько групп:

1. Сформованные на матерчатом шаблоне сосуды — преимущественно большие, с широким горлом.

2. Цельнолепные (из одного куска глины) маленькие сосудики, ангобированные и без ангоба, с плоским и круглым дном; круглодонные ангобированные чашки и плоскодонные — ангобированные и без ангоба — кубкообразные и вазообразные сосуды (рис. 12).

3. Сосуды, изготовленные ленточными налепами по спирали, начиная от доньшка и кончая венчиком, который, как правило, делался отдельно. Окончательная обработка такой посуды — больших, широкогорлых чаш — состояла в замазке швов, ангобировании и лощении поверхности (рис. 12—10).

4. Сосуды, сформованные ленточным налепом по спирали на матерчатом шаблоне.

По фрагментам устанавливается около 30 разнообразных форм сосудов, изготовлявшихся гончарами Чустского поселения. Здесь мы встречаем чаши полусферической формы с невыделенным венчиком и округлым дном; цилиндрические сосуды с невыделенным венчиком и плоским дном и бокалообразные с тонким краем и слегка выступающими наружу боковыми стенками; сосуды, имеющие почти цилиндрическую форму тулова и несколько оттянутый наружу венчик с валикообразным краем; сосуды со слегка выпуклыми стенками, близкие к бокалообразным. Большое количество посуды по формам можно отнести к шаровидным или сходным с ними горшкам. У них короткое изогнутое горло (диаметром от 16—17 до 32—33 см) со слабо намеченным венчиком в виде валика. Толщина стенок различна; поверхность в большинстве случаев покрыта красным ангобом и залощена.

Редкая находка (всего 2—3 фрагмента) — остатки кувшинообразных сосудов с довольно высоким горлом, плавно переходящим в тулово; вен-

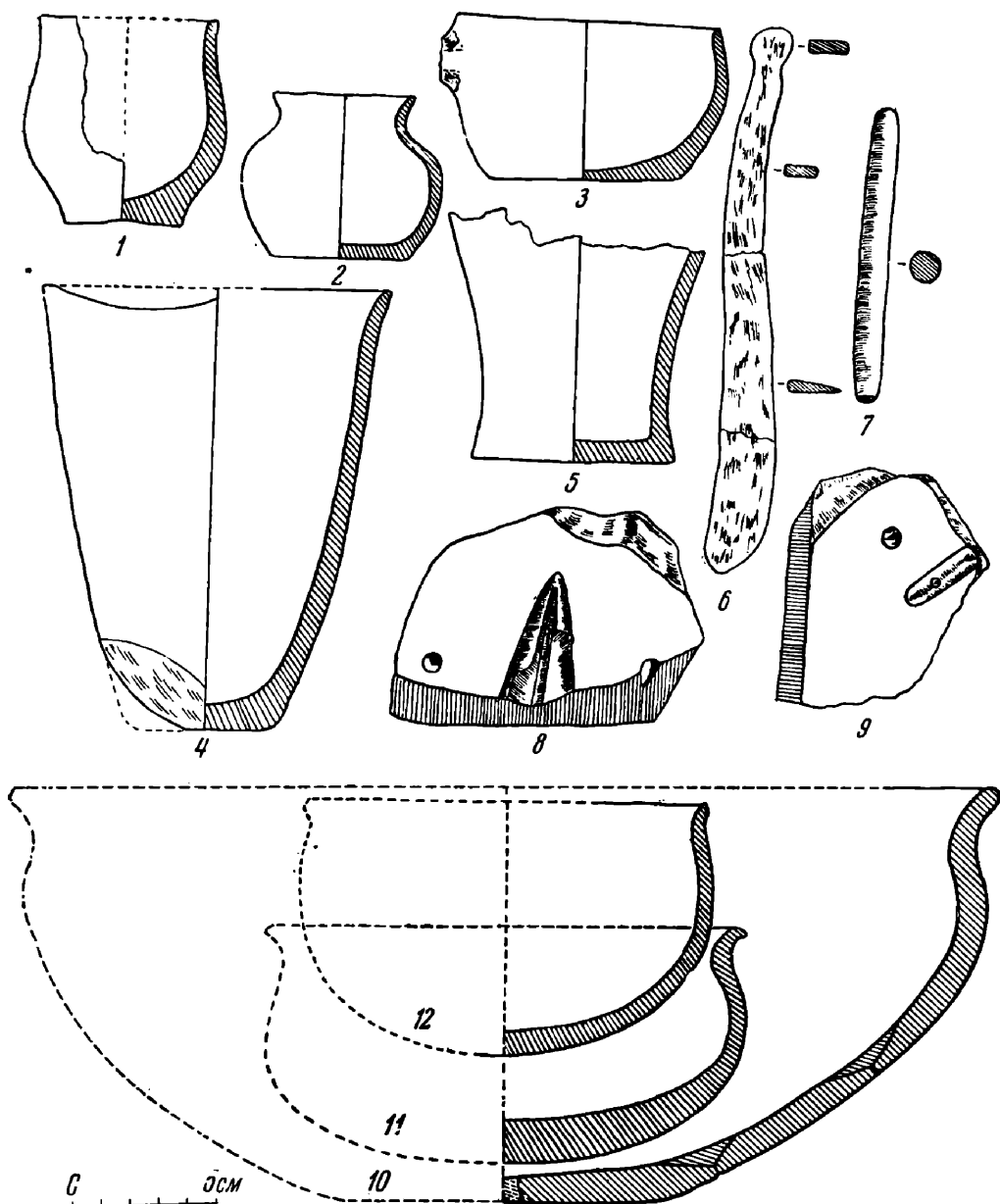

Рис. 12. Находки с Чустского поселения.

1—3 — сосудики грубой лепки; 4 — красноангобированный бокал (венчик и доньшко сточены); 5 — нижняя часть красноангобированного бокала; 6 — бронзовый нож; 7 — бронзовый стержень; 8, 9 — каменные литейные формы; 10 — красноангобированная плоскдонная чашечка, изготовленная ленточным налепом; 11, 12 — красноангобированные круглодонные чашки.

чик валикообразный и с загибом внутрь, диаметр его — 10—11 см. Стенки их сильно закопчены, поэтому можно предполагать, что эти сосуды использовались для варки пищи. Не особенно часто встречаются среди глиняной посуды Чуста «кухонные» котлы с грубыми — большого диаметра — носиками-сливами. Не исключена возможность, что такие котлы попали на поселение от кочевых народов в результате обмена. Небезынтересны впервые найденные в 1954 г. удлиненные красноангобированные носики-сливы с раструбами, по форме напоминающие в миниатюре большие сливы кочевнических котлов. Выделяются изяществом форм небольшие красноангобированные и лощеные с обеих сторон сосудики-кружки без выраженного венчика, с как бы вогнутыми внутрь стенками и выступающим наружу краем плоского доньшка.

Укажем некоторые формы донышек. Обычно донышки плоские, с переходом к стенкам сосудов под разными углами (тупым, прямым, закругленным), с выступом-поддоном. Встречены два кубкообразных высоких сосуда со следами обточки венчика и донышка. Пока не удастся установить, чем была вызвана такая обточка сосудов (рис. 12 — 4).

Особый интерес представляет расписная керамика, собранная на разных глубинах культурного слоя. Расписная керамика представлена фрагментами венчиков, стенок и донышек сосудов с красноангобированной и лощеной поверхностью, по которой нанесен черной краской орнамент в виде мелких и крупных сеточек, сплошь заполненных треугольников и зигзагообразных линий (рис. 13 — 1—4); кроме этого, впервые в 1954 г. найдены фрагменты посуды без ангоба и лощения, с орнаментом в виде заполненных зубцов, крупной сетки и решетки, нанесенным красной краской (рис. 13 — 5—7). Расписная посуда по технике выделки, формам и характеру орнаментации очень напоминает керамику из Анау II.

Помимо посуды, служившей для хранения жидкостей и приготовления пищи, необходимо упомянуть о гончарных изделиях, имевших какое-то специальное назначение, — это маленькие груболепные сосудики с сильно прокаленной внутренней частью донышка и низа стенки. Возможно, что такие сосудики использовались как тигельки для литья металла, но не исключена возможность, что они применялись в качестве курильниц при исполнении культовых обрядов. Не может относиться к посуде бытового характера и миниатюрная мелкая глиняная чашечка диаметром до 2,5 см. Судя по ее размерам, она, скорее всего, была детской игрушкой.

Привлекает внимание большое количество фрагментов кругов-крышек с массивными петельчатыми ручками в центре внешней верхней плоскости, покрытой густым слоем красного ангоба; нижняя поверхность прокалена до рыхлости сильным огнем. Размеры крышек различны: диаметр — от 25 до 35 см, толщина — от 1,5 до 3 см. Возможно, что такие круги использовались как крышки для очагов или специальных сосудов, где хранились раскаленные угли.

На поселении пока не удалось обнаружить гончарной обжигательной печи и места, где производилась лепка сосудов. Но о том, что посуда изготовлялась здесь же, а не привозилась откуда-то, свидетельствуют следующие находки в нижних слоях культурного слоя: фрагмент хорошо высушенного, но не обожженного глиняного сосуда (часть донышка и стенки); большое количество маленьких каменных лошил для обработки поверхности обожженной посуды; несколько затверделых кусков красной глины, которая в разведенном виде использовалась для ангобирования. Месторождения такой глины обнаружены в предгорьях, в 25—30 км к северу от Чустского поселения.

Можно высказать предположение о том, кто непосредственно занимался гончарным производством — мужчина или женщина. Ответить на этот вопрос помогает небольшой комоч высушенной и слегка обожженной глины, отжатой правой рукой человека, с отпечатками всех пальцев. Для мужской руки отпечатки на комке малы; скорее всего, это оттиск женской, сильно огрубевшей руки.

Второй вид производства, следы которого были обнаружены, — ткачество. О том, что оно хорошо было знакомо жителям и имело широкое применение, свидетельствует большое количество фрагментов глиняной посуды с отпечатками шерстяной ткани на внутренней поверхности. Кроме того, найдено около десятка различных деталей ткацкого станка (вероятнее всего, вертикального): в 1953 г. — ткацкий костяной челнок и 2 костяные (двух- и трехзубчатые) гребеночки, а в 1954 г. — еще несколько трех- и четырехзубчатых односторонних и двусторонних гребенок с междузубьями, зашлифованными нитками; такая зашлифовка могла быть резуль-

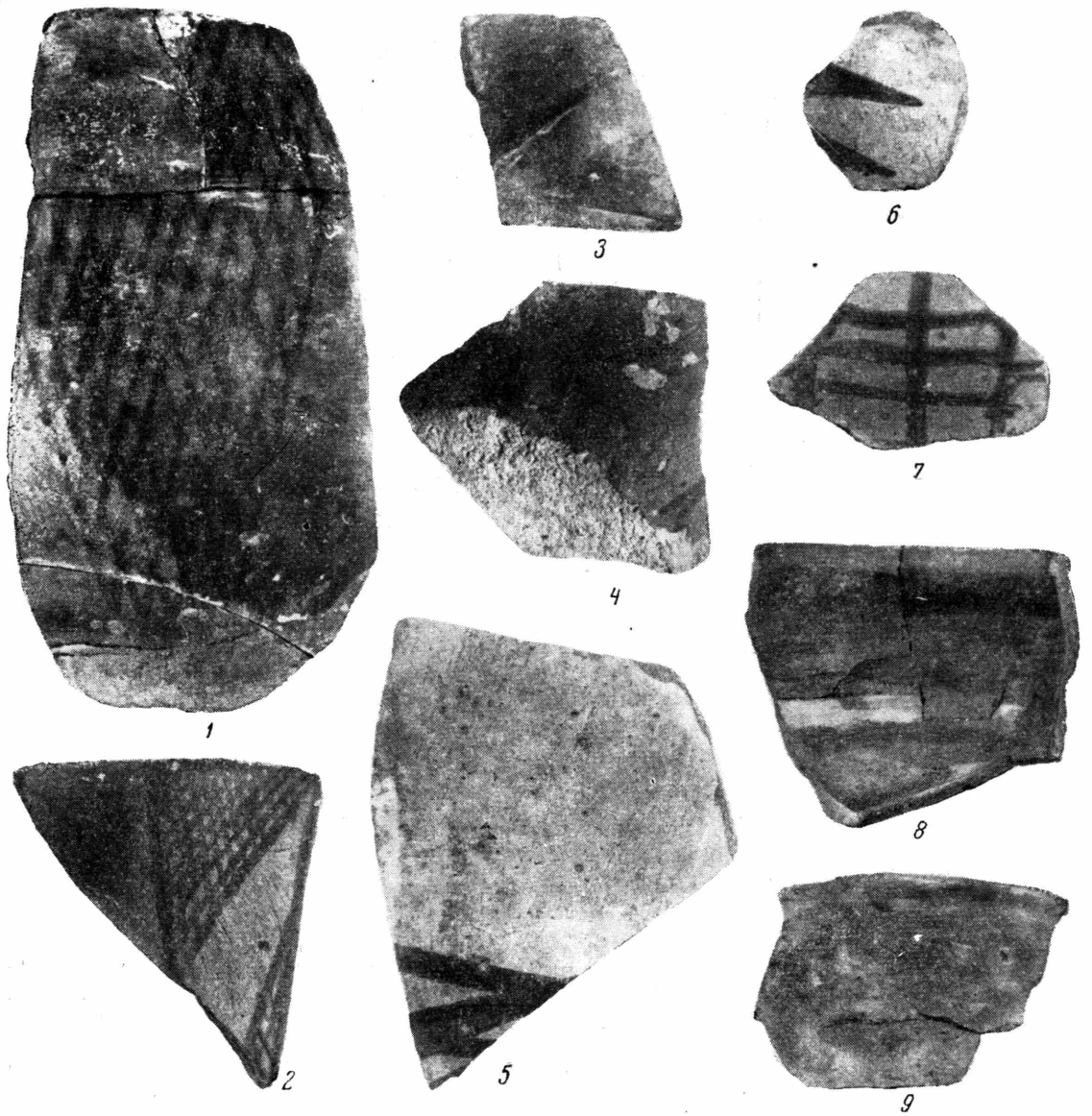

Рис. 13. Расписная керамика с Чустского поселения.

1—4 — фрагменты сосудов с росписью черной краской; 5—7 — фрагменты с росписью красной краской; 8, 9 — керамика с ленточным налепом.

татом только длительного пропуска шерстяных ниток во время тканья. На применение ткацкого станка указывает также большое количество грузиков из обломков посуды и из плоских небольших камней со специально просверленными отверстиями у края для подвязывания нитей и оттяжки их. Обнаружено много грузиков-заготовок из керамических отбросов. Интересны массивные, груболепные пряслица биконической формы. Они изготовлены из глины, сильно высушены, но не обожжены и без орнамента, как это встречается значительно позже. Размеры пряслиц: диаметр — 43—61 мм, толщина — 21—31 мм, диаметр отверстия для палочки-веретена — 6—7 мм. Видимо, эти глиняные пряслица наиболее древние в Узбекистане.

Третьим видом производства у древних жителей Чуста было литье металла — бронзовых орудий и оружия. За 2 года (1953—1954) бронзовых предметов найдено сравнительно немного: 2 литых ножа (рис. 12—6), наконечники дротиков, часть лунницы, листовидный черенковый наконечник стрелы, слиток бронзы (1953 г.), бронзовый стержень (рис. 12—7),

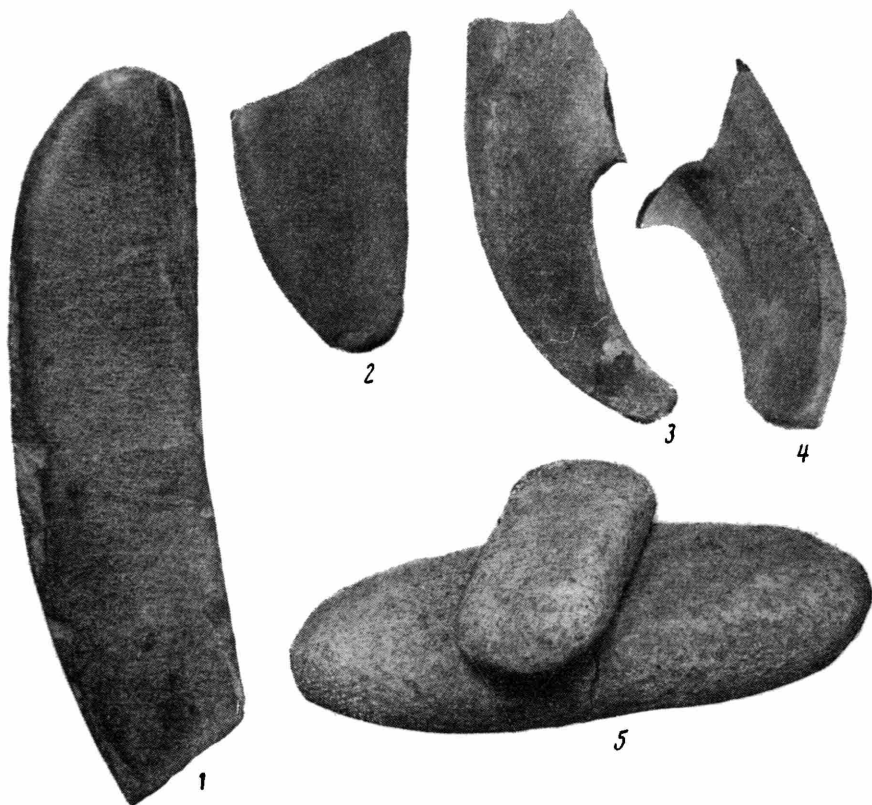

Рис. 14. Изделия из камня и кости с Чустского поселения.

1, 2 — «серпы» каменные; 3, 4 — костяные орудия;
5 — каменная зернотерка.

рукоятка ножа (лезвие найдено в 1953 г.), много шлаков с остатками бронзы и, что особенно важно, обломки двух каменных двустворчатых форм для отливки копья и неопределенного стержня (1954 г.; рис. 12—8, 9). Плавильных печей специальной конструкции обнаружить не удалось, найденные же шлаки помещались горкой в центре большого кострища в самом низу культурного слоя, лежавшего на грунте — там, где, вероятно, и производилась плавка руды.

Четвертым видом производства, — очевидно, основным, — было земледелие. Большое количество обломков продолговатых каменных зернотерок (рис. 14—5) и свыше 200 зерен пшеницы, ячменя и проса, собранных на уровне материка и в культурном слое, лежавшем на нем, — неоспоримые доказательства того, что земледелие в хозяйстве жителей поселения имело немаловажное или даже главное значение среди занятий, в число которых входили, вероятно, скотоводство, охота и рыболовство.

Зерна пшеницы и ячменя, найденные в 1954 г. на Чустском поселении, — первая и наиболее древняя находка этого рода на территории Узбекистана; она очень интересна для истории происхождения зерновых культур не только в Узбекистане, но и вообще в Советском Союзе. Зерна пшеницы, ячменя и проса обнаружены в мощной зольной прослойке обугленными, благодаря чему они и сохранились.

Интересны некоторые орудия, применявшиеся, по-видимому, в сельском хозяйстве. Это обломки каменных серповидных ножей (рис. 14—1, 2), использовавшихся для срезания колосьев, и обломки костяных, сделанных из челюстей животного, орудий, на которых хорошо видны царапины и сколы — следы употребления, по всей вероятности, для рыхления земли (рис. 14—3, 4).

К украшениям, встреченным в 1954 г., относятся несколько каменных бус, среди которых две сердоликовые, продолговатой биконической формы, с хорошо зашлифованной поверхностью. Сверление отверстия для шнура было двустороннее, цилиндрическое, о чем свидетельствуют не совпадающие внутри бусин концы сверлины. Едва ли мы ошибемся, отнеся к украшениям большое количество астрагалов, также с просверленными отверстиями, зашлифованными по краям в результате длительного ношения на шнурке из шерсти или на тонком ремешке. Возможно, носились они одновременно с каменными бусами, на шее или головном уборе. В числе украшений были крупные и просверленные зубы животных раковины-каури. Подобные раковины встречаются только на берегу Индийского океана. Наличие их на территории описываемого поселения ставит вопрос о древних связях между этими столь отдаленными друг от друга районами.

Изделия из кости представлены большим количеством шильев, проколов и лопаток, но, к сожалению, у многих из них отсутствует рабочий конец.

Предварительное определение найденных обломков костей и зубов животных дает возможность установить состав древней фауны. Это олень, крупный рогатый скот, джейран, овца, кабан, собака, из пернатых — цапля или аист. Есть также рыба.

Изделий из камня обнаружено мало: 2—3 обломка колонок, круглых в сечении с несколько заостренным и обитым концом, как у каменных пестиков; 2 заготовки конусовидной формы (одна с начатым сверлением в основании конуса), которые могли быть использованы как грузики для оттяжки нитей при изготовлении ткани; изогнутая точилка с вырезанной шейкой для привязывания шнура; серповидные ножи, массивные песты (один с рукояткой), терки для растирания красок, зернотерки, формы для литья и ложила. Интересны бочонкообразные, тщательно обработанные поделки (одна найдена в 1953 г.) с сильно заглаженными торцовыми сторонами; возможно, что они использовались как ложила при обработке глиняной посуды.

Особенно интересна находка обломка заготовки булавы (целая найдена в 1953 г.), которая, по-видимому, во время обработки случайно была сломана. Диаметр ее — около 10 см, высота — 5 см, диаметр сквозного отверстия — около 3 см.

Необходимо упомянуть большие массивные раковины морского происхождения, так называемые грифеи⁵. Жителями поселения они, вероятно, использовались как скребла, о чем можно судить по сбитым краям. Раковины в изобилии встречаются в горной Фергане.

Таковы основные результаты работ 1954 г.

Предварительное изучение археологического материала, в особенности керамики, близкой по технике изготовления, формам и характеру орнаментации керамике из слоя Анау II и суярганской культуры (II тысячелетие до н. э.), дает возможность предварительно отнести Чустское поселение ко II тысячелетию до н. э.

---

⁵ Определение геолога О. И. Исламова.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ДАЛЬВЕРЗИНСКОЕ СЕЛИЩЕ

За последние годы усилилось внимание к изучению памятников бронзового века Средней Азии. Проводилось изучение культур Анау в Южной Туркмении (М. Е. Массон, Б. А. Куфтин, В. М. Массон, С. А. Ершов), исследованы курганы в долине Зеравшана (Я. Г. Гулямов), открыты новые поселения и курганы в Хорезме (С. П. Толстов) и в Фергане (М. Э. Воронец, В. И. Спришевский, Н. Г. Горбунова, Б. Э. Гамбург). В результате накопления новых фактов и материалов наметились существенные сдвиги в разработке одного из наименее изученных ранее периодов в среднеазиатской археологии — эпохи бронзы.

В 1950 г. М. Э. Воронец нашел первый в Ферганской долине бесспорный памятник эпохи бронзы — Чустское селище. Оно расположено севернее города Чуст, Наманганской области, на холме среди низин в пойме р. Гава. В результате раскопок на поселении, проведенных М. Э. Воронцом¹ (1951 г.) и особенно В. И. Спришевским² (1953—1955 гг.), получены обильные материалы, характеризующие хозяйство, культуру и быт населения Чустской стоянки. На поселении обнаружена своеобразная расписная керамика, а вместе с ней в слое найдены многочисленные изделия и орудия из бронзы, камня и кости, позволившие с достоверностью отнести памятник к эпохе бронзы. Открытие Чустского селища свидетельствует о существовании в Ферганской долине бесспорных памятников эпохи бронзы (с расписной керамикой), наиболее древних среди известных в настоящее время оседлых поселений Ферганы.

Материалы Чустской стоянки имеют важное значение для археологии Средней Азии, поскольку памятники эпохи бронзы, особенно в Среднеазиатском междуречье, почти не изучены.

Очень интересно для расширения наших знаний о культуре бронзового века в Ферганской долине исследование еще одного поселения этой эпохи, обнаруженного у сел. Дальверзин автором настоящей заметки в 1952 г. при археологических разведках по Андижанской области. На поверхности поселения собрано большое количество черепков глиняной посуды³, среди которых есть фрагмент с расписным орнаментом в виде решетки, нанесен-

¹ М. Э. Воронец. Археологическая рекогносцировка 1950 г. по Наманганской области. ИАН Узб. ССР, 1951, № 5, стр. 95; его же. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук Узб. ССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Труды Музея истории Узб. ССР, вып. II, 1954.

² В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. (Раскопки 1953 года). СЭ, 1954, № 3, стр. 69—76. О работах 1954 г. см. заметки В. И. Спришевского в газете «Правда Востока», № 225 от 22 сентября 1954 г. (г. Ташкент) и в настоящем выпуске КСИИМК.

³ Поступили в Андижанский краеведческий музей.

ным черной краской по коричневому фону. Сравнение находок у сел. Дальверзин с керамикой Чустской стоянки позволило уже тогда говорить о сходстве обоих памятников и предположительно отнести открытое селище к эпохе бронзы⁴. После ознакомления с находками поддержал это мнение и М. Э. Воронец⁵. Повторное обследование поселения в 1954 г.⁶ подтвердило наши предположения.

Расположено селище в восточной части Ферганской долины (в 150 км по прямой от Чуста), на левом берегу р. Кара-Дарьи, в 2 км восточнее сел. Аим, в 300 м к северу от шоссе на сел. Карасу и более чем в километре от русла р. Кара-Дарьи. Селище занимает всю площадку низкого холма размером 560 × 360 м, который возвышается среди низины на западной окраине больших болот. В прошлом холм, вероятно, находился посреди болот и представлял собой, видимо, галечный останец или намытый островок в древней пойме р. Кара-Дарьи. Край древней береговой террасы в этом месте не выражен четко и начинается примерно в 300 м южнее селища. В результате осушения за последние годы площадь болот сильно уменьшилась; они сохранились только к востоку от селища. Из болот выведен большой мелиоративный канал, проходящий с восточной и южной сторон селища. Высота площадки над окружающей местностью — немногим более 2 м. Селище — неправильной формы и с нечетким контуром, вытянуто в широтном направлении. По условиям расположения оно сходно с Чустским, но площадь значительно превышает площадь Чустского селища (размером 410 × 210 м) и равняется приблизительно 20 га. В настоящее время часть поселения занята фруктовым садом и посевами, а часть — кладбищем. Площадку в разных направлениях прорезают несколько арыков (рис. 15).

В 1954 г. был снят план селища, заложены 2 шурфа в юго-западной части (несколько более возвышенной) и собран подъемный материал. Керамика на поверхности встречается повсеместно, но особенно много ее в выбросах земли на кладбище в центральной части поселения. На разных участках площадки подобрано несколько плоских зернотерок небольшого размера. Шурф № 1 (3 × 2,3 м) заложен на краю площадки. Под дерновым слоем, с глубины 0,2—0,4 м, начался культурный слой с керамикой, мелкими обломками костей и угольками. В северной стенке шурфа на глубине 1,3 м отмечены фрагменты круглодонного «кухонного» горшка и обломок дна другого подобного же сосуда с отпечатком ткани на внутренней поверхности. В этом слое обнаружены обломки нерасписной посуды, покрытой темно-красной облицовкой. Ниже уровня 1,3 м начался слой плотного лёссовидного суглинка без находок.

В северо-западном углу шурфа вскрыта часть мусорной ямы, в которой на глубине 2—2,05 м найдены 4 фрагмента расписной керамики. Под ними на глубине 2,1 м залегал галечный слой, очевидно материк.

Шурф № 2 (1,5 × 1 м) заложен в 100 м к востоку от первого — на обрыве, где расположено кладбище. Шурф не доведен до материка. В верхних слоях его обнаружено несколько больших обломков керамики и венчик хума с защипами по краю, которые можно датировать раннесредневековым периодом. На глубине около 1 м также найдены фрагменты нерасписной посуды и один обломок с росписью.

Собранная в шурфах и на поверхности керамика относится к двум типам: 1) посуда, покрытая красной облицовкой, подразделяющаяся на расписную (группа «а») и грубую нерасписную (группа «б»), и 2) посуда сероглиняная с дресвой в тесте («кухонная»).

⁴ Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1954, стр. 7.

⁵ М. Э. Воронец. Указ. соч., стр. 56.

⁶ Южно-Киргизский отряд Киргизской экспедиции Академии наук СССР.

Вся керамика Дальверзинского селища — ручной лепки. Сосуды первого типа изготовлены из плохо промешанной массы; для отошения глины примешивали песок и слюду. Шамот добавляли только при выделке сосудов больших размеров. Посуда изготовлялась ленточным способом. Это особенно хорошо заметно на одном фрагменте, у которого отпала часть такой ленты — полоска глины шириной 3 см. Обжиг сосудов был восстановительный, что говорит о примитивности обжигательных печей, и недостаточно сильный, поэтому в изломе черепок — серого цвета. Посуда покрывалась красной облицовкой, а затем — иногда — лощением. Только после этого сосуды расписывались черной краской (группа «а»). На одном фрагменте ясно проглядывает сквозь черный узор красная облицовка. При обжиге на поверхности сосуда появлялись пятна различных оттенков, начиная от светло-коричневых до черноватых, — это характерная особенность ферганской керамики бронзового века. Основную массу керамики Дальверзинского селища составляют фрагменты грубой нерасписной посуды (группа «б»). В собранной коллекции, насчитывающей больше сотни черепков, оказалось всего только семь с росписью. (Примерно такое же соотношение количества расписной и нерасписной керамики отмечено и для Чустского поселения). По фактуре черепка и массе эта посуда мало отличается от расписной. Обе поверхности ее покрыты облицовкой желтоватого, оранжево-красного и буро-красного цвета, на которой также бывают темные и коричневые пятна от обжига.

1. Чаши большого диаметра (44—46 см). Бортик расписан двумя рядами треугольников, которые соединены так, что образуют ромбовидные просветы. В левой части вершины треугольников свободно свисают и не соединены друг с другом. Эта форма аналогична чашам с Чустской стоянки, имеющим меньший диаметр⁷ 29 см (рис. 16 — 1).

2. Корчага с плавно отогнутым наружу краем. Диаметр горловины — 46 см (рис. 16 — 12).

3. Сосуд, стенки которого расширяются кверху в виде раструба; напоминает по форме сосуд из Чуста⁸ (рис. 16 — 15).

4. Кувшины шаровидной формы с невысоким, отогнутым наружу венчиком разной профилировки. Близкие по форме кувшины встречены в Чусте⁹ (рис. 16 — 13, 14).

5. Небольшие кувшинчики с отогнутым венчиком и с перегибом стенок. Найдены также сосуды подобной формы, имеющие большие размеры (рис. 16 — 10, 11).

6. Плоскодонные небольшие кубки; восстановлен диаметр дна — 6 см (рис. 16 — 17).

7. Плоскодонные горшки с диаметром дна 15—17 см (рис. 16 — 18, 19).

Несмотря на малочисленность расписной керамики, наличие ее на Дальверзинском и Чустском селищах составляет наиболее характерную их особенность.

Расписной орнамент встречается и на толстостенных сосудах больших размеров (толщина стенок — 8—11 мм), и на тонкостенных чашах (толщина стенок — 5 мм), изготовленных более тщательно: их поверхность хорошо заглажена и залощена, орнаментация более аккуратная.

Посуда с Дальверзинского поселения преимущественно плоскодонная. В одних случаях переход от дна к корпусу плавный, в других — придонная часть выступает и образует треугольный в разрезе выступ. Найдены также 2 фрагмента дна с кольцевым выступом — поддоном.

Круглодонной посуды с красной облицовкой пока не обнаружено.

⁷ В. И. Спришевский. Чустская стоянка..., рис. 2 — 17.

⁸ Там же, рис. 3 — 19.

⁹ Там же, рис. 2 — 14. 18, № 2.

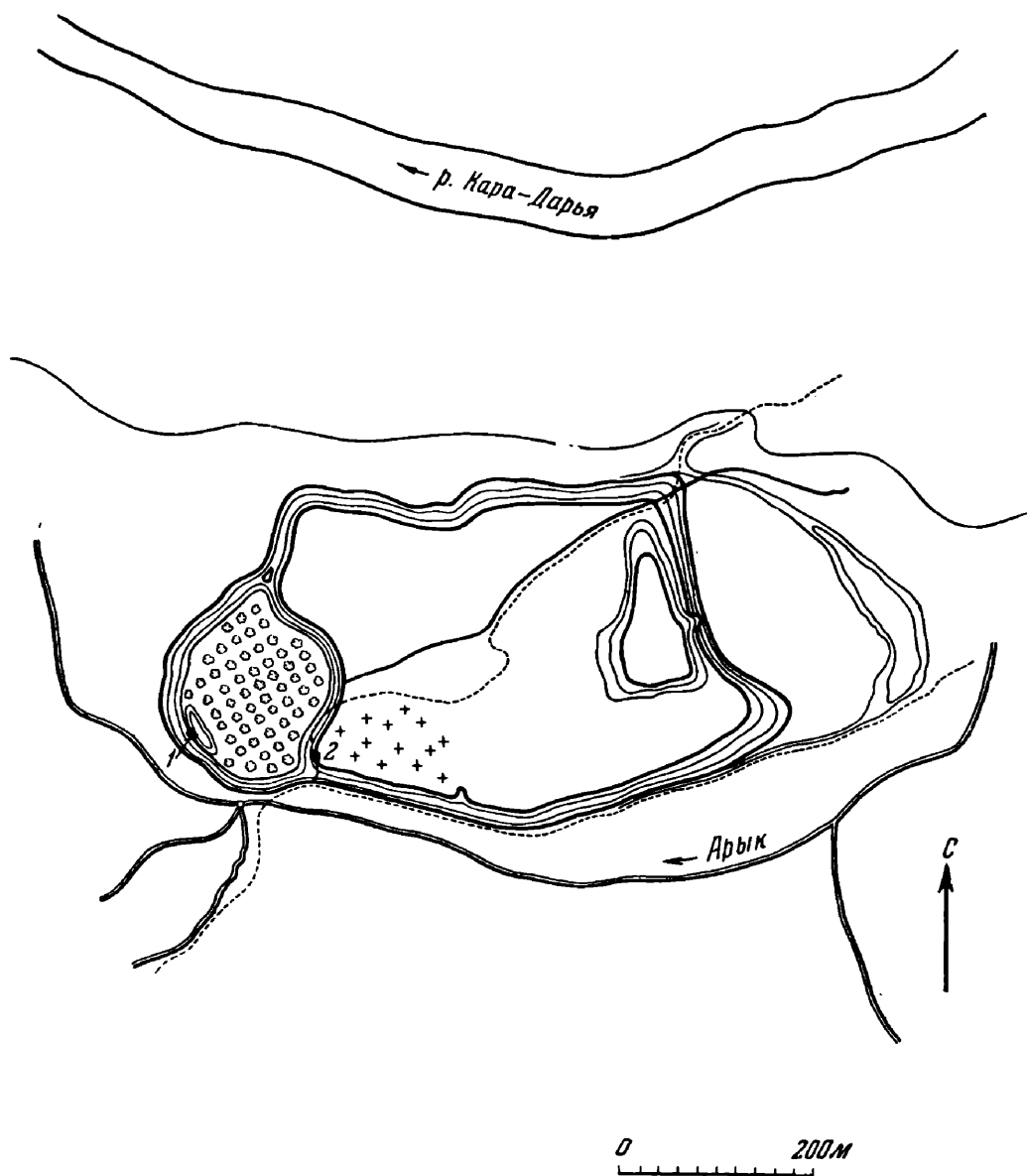

Рис. 15. План Дальверзинского селища.
1, 2 — шурфы.

Керамика второго типа — «кухонная» — изготовлена также ленточным способом с применением шаблона; глиняная масса — с большой примесью песка; поверхность сосудов — серого цвета. Представлены следующие формы: 1) круглодонный горшок (рис. 17 — 1); 2) горшок с остатками носика-слива (рис. 17 — 2); 3) плоскодонные массивные жаровни с невысоким бортиком (рис. 17 — 5).

На одном фрагменте «кухонного» горшка заметны отпечатки ткани. Изготовление посуды на матерчатом шаблоне характерно и для керамики Чуста. Прием этот широко применялся в керамическом производстве эпохи бронзы, особенно в области распространения андроновской культуры (Алексеевское поселение, Алакульский могильник, Южное Зауралье)¹⁰.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, XVII, 1948, стр. 143; К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль. МИА, № 24, 1952, стр. 68; его же. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 124 и др.

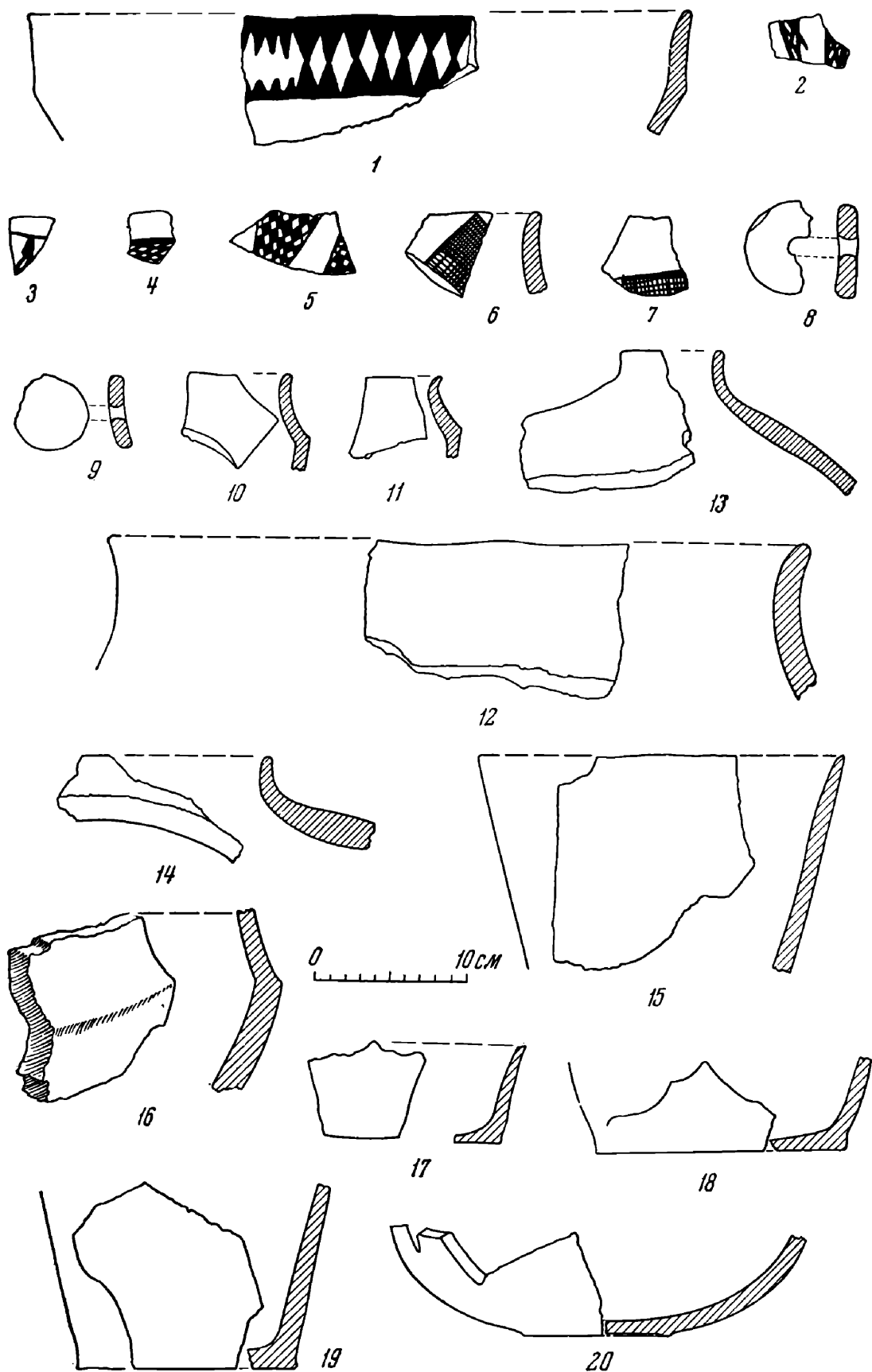

Рис. 16. Керамика Дальверзинского селища.
 1—20 — первый тип (сосуды, покрытые красной облицовкой).

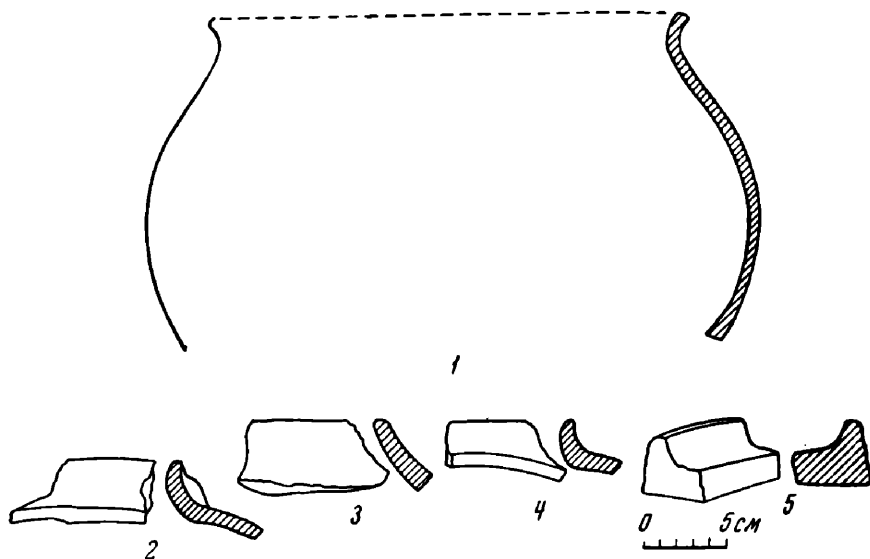

Рис. 17. Керамика Дальверзинского селища.

1—5 — второй тип («кухонная» посуда).

Известна находка сосудов с отпечатками ткани и в Южной Туркмении (Келифский Узбой)¹¹.

В Фергане можно насчитать около 20 более поздних памятников, в которых найдены фрагменты керамики с отпечатками ткани (в том числе и на Эйлатанском городище середины I тысячелетия до н. э.).

В Средней Азии во второй половине I тысячелетия до н. э. этот прием был особенно широко распространен в Семиречье и на Тянь-Шане¹², в Ташкентском оазисе (бургулюкская культура¹³ и культура Каунчи¹⁴) в Фергане и Согде (Афрасиаб I)¹⁵, хотя здесь, вероятно, в меньшей степени. Некоторые исследователи полагали, что этот технический прием характерен только для усуньской культуры, и на основании находок керамики с отпечатками ткани высказывали предположение о распространении усуньской культуры, в частности, в Ферганской долине¹⁶. Накопление нового материала, свидетельствующего о применении этого приема в эпоху бронзы и во второй половине I тысячелетия до н. э. в разных областях Средней Азии, позволяет отвергнуть утверждение о принадлежности его исключительно культуре усуней.

Сравнение керамики Дальверзина и Чустского поселения показывает сходство и даже тождество в изготовлении (ленточным способом, а некоторых видов — на матерчатом шаблоне), в составе глиняной массы и покрытия, а также в приемах и характере орнаментации. По цвету и элементам орнамента сходство полное. Орнамент на сосудах из Чуста идентичен орнаменту на посуде из селища у Дальверзина¹⁷. Близки и формы сосудов: шарообразные кувшины, чаши с перегибом бортика, сосуды с растрескиванием, кружки. Однако при общем сходстве отмечаются частные отличия.

¹¹ С. А. Ершов. Археологическая коллекция с Келифского Узбоя. Изв. Туркм. ФАН СССР, 1951, № 3, стр. 89.

¹² А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, стр. 63, 108 и др.

¹³ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. Узб. ФАН СССР, 1940, № 9, стр. 33.

¹⁴ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа. (Раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940, стр. 6.

¹⁵ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 155.

¹⁶ А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. ВДИ, 1949, № 1, стр. 107.

¹⁷ В. И. Спришевский. Чустская стоянка..., рис. 6, внизу.

Так, в Дальверзине отсутствуют чаши с вогнутой закраиной, нет сосудов на поддоне, тогда как в комплексе чустской керамики нет кольцевых поддонов, известных в Дальверзине. На обоих поселениях встречены пряслагузики, изготовленные из обломков посуды.

На основании сходства керамики можно говорить об одновременности поселений Чуста и Дальверзина, о принадлежности их одной культуре и определить время существования Дальверзинского селища по аналогии с лучше изученным Чустским, датированным М. Э. Воронцом III—II тысячелетиями до н. э.¹⁸ В. И. Спришевский не указывает точной даты Чустского поселения, но сопоставление им материалов Чуста с Анау II не противоречит мнению М. Э. Воронца и приводит приблизительно к той же дате. О расписной керамике Чуста В. И. Спришевский пишет: «Эта посуда по технике выделки, формам (преимущественно чаши) и принципам орнамента чрезвычайно напоминает посуду из слоя Анау II (северный холм)»¹⁹.

В действительности же керамика из Чуста не похожа на посуду Анау II. Для Анау II и синхронного ему слоя Намазга II, как выясняется в результате последних работ Б. А. Куфтина²⁰ и В. М. Массона²¹, характерна полихромная роспись коврового характера. Ничего подобного в керамике из Чуста и Дальверзина не встречается. По формально-типологическим признакам (цветность, типичные элементы орнамента — решетка, заштрихованный треугольник) керамику Чуста следовало бы сопоставить с материалами Анау I. Однако такому сопоставлению противоречит комплекс бронзовых предметов (нож, шило, наконечник стрелы, зернотерки, костяные орудия), который находит близкие аналогии в андроновской культуре (рубеж II и I тысячелетий до н. э.). Сравнение лавролистного черешкового наконечника стрелы из Чустского селища с найденным в Анау не уточняет дату, поскольку самим исследователям Анау было неясно, к какому слою отнести бронзовый наконечник стрелы — к Анау III или Анау IV²². В то же время сходные наконечники стрел в Сиалке (в некрополе В) датируются X—VIII вв. до н. э.²³ Этим временем, по-видимому, следует датировать и наконечник стрелы из Анау. Форма каменного навершия булавы из Чуста находит более близкие, чем в Анау II, аналогии в памятниках эпохи бронзы Восточной Европы II тысячелетия до н. э.²⁴ и в Казахстане (Алексеевское поселение X—VIII вв. до н. э.)²⁵.

Из всего этого вытекает, что датировка М. Э. Воронца явно отнесена к более раннему времени, и сейчас можно говорить лишь о конце II тысячелетия—начале I тысячелетия до н. э. как наиболее вероятной дате Чустского поселения, а следовательно, и Дальверзинского.

¹⁸ М. Э. Воронец. Археологические исследования...

¹⁹ В. И. Спришевский. Чустская стоянка..., стр. 71. На пленуме ИИМК в 1955 г. В. И. Спришевский изменил датировку и относил Чуст к концу II тысячелетия—началу I тысячелетия до н. э. (см. также заметку В. И. Спришевского в настоящем выпуске).

²⁰ Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». ИАН Туркм. ССР, 1954, № 1, стр. 26—28; ср. R. P um p e l l y. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904, v. I. Washington, 1908.

²¹ В. М. Массон. Керамика эпохи бронзы Южной Туркмении (по материалам Б. А. Куфтина). Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

²² R. P um p e l l y. Указ. соч., стр. 154—156, рис. 281, табл. 38, 6.

²³ R. G h i r s h m a n. Fouilles de Siak, près de Kashan, 1933, 1934, 1935, vol. I. Paris, 1939, стр. 94, табл. XCII, 19, 20.

²⁴ Т. Г. Оболдуева (Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина. Труды Института истории и археологии Академии наук Узб. ССР, т. IV, 1951, табл. VIII, № 5) опубликовала аналогичное навершие, которое она справедливо сопоставила с находками в Южной России (стр. 23).

²⁵ О. А. Крицова-Гракова. Указ. соч., рис. 28, 3.

В ряде других пунктов Ферганы обнаружена расписная керамика, сходная с чувстской. Встречена она в Узгенском оазисе²⁶ — на городище Дунбулак, на одном тепе в оазисе у слияния рр. Каракульджа и Тар; расписной фрагмент найден во вторичном залегании на центральном городище в Узгене. Эти находки дополняют перечень ранее известных пунктов в Восточной Фергане с расписной керамикой бронзового века: в Гурмироне²⁷, Чакане²⁸ и, быть может, в Чаткале²⁹.

Открытие второго поселения и отдельные находки керамики, сходной с чувстской, позволяют говорить о широком распространении в Ферганской долине культуры бронзового века чувстского типа.

С каждым годом все более четко намечается новый очаг культуры бронзового века Средней Азии — в Фергане, в настоящее время представленный следующими памятниками: поселениями в Чусте и Дальверзине и находками расписной керамики в указанных выше 5 пунктах; курганами того же времени (с керамикой андроново-тазабагыябского типа) в районе Вуадила и Карамкуля³⁰; керамикой на горе Сулейман-тау в Оше³¹ и в Кайрак-кумах³² в Северо-Западной Фергане, где найдены также бронзовые предметы; наскальными изображениями Лимбура³³ и древнейшей частью наскальных изображений Саймалы-таша³⁴; отдельными кладами и находками бронзовых предметов в 10 пунктах Ферганской долины и Южной Киргизии (возле Уч-кургана³⁵, Ринджитама³⁶, Хак³⁷, Успеновки³⁸ и др.).

---

²⁶ Работы Южно-Киргизского отряда.

²⁷ Находка опубликована в статье А. Н. Бернштама «В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня» — сб. «По следам древних культур (от Волги до Тихого океана)». М., 1954, стр. 271.

²⁸ Т. Г. Оболдуева. Указ. соч. табл. XI.

²⁹ Находки А. Кибирова (не опубликованы).

³⁰ Н. Горбунова и Б. Гамбург. Новые данные об истории Ферганской долины. Газета «Ферганская Правда», № 185 от 15 сентября 1954 г. (г. Фергана); и х же. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956.

³¹ А. Н. Бернштам. Историкоархеологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 186.

³² Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. (Краткий очерк). Сталинабад, 1954, стр. 35, 45.

³³ М. Э. Воронец. Наскальные изображения Южной Киргизии. Труды Кирг. гос. педаг. института, серия историч. вып. 2, 1950.

³⁴ А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш. СЭ, 1952, № 2.

³⁵ Т. Г. Оболдуева. Указ. оч., табл. VI, 1, 8.

³⁶ ОАК за 1895 г., стр. 80, 20, 201.

³⁷ ОАК за 1894 г., стр. 46, 1D, 171.

³⁸ М. Е. Массон. Археологические исследования в Узбекистане. Сб. «Наука в Узбекистане за 15 лет». Ташкен: 1939.

В. М. МАССОН

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
В ДЕЛЬТЕ МУРГАБА

В 1955 г. продолжалось начатое ЮТАКЭ в предшествующие годы широкое археологическое исследование Марыйской области. Особое внимание уделено памятникам, расположенным в зоне орошения Большого Кара-Кумского канала. В соответствии с общим планом археологических работ в зоне орошения перед XIV отрядом ЮТАКЭ была поставлена задача изучения памятников поздней бронзы и раннего железа¹.

Интересовавшие отряд памятники расположены в северной части земель древнего орошения Марыйской области. Стационарные работы на этих памятниках были начаты ЮТАКЭ еще в 1954 г.²

В 1955 г. отрядом проведены раскопки на поселении Тахирбай 3 (12 км севернее колодцев Новый Кишман) и на поселении Яз-депе (34 км к северу—северо-западу от Байрам-Али). Одновременно осуществлено широкое разведочное изучение других памятников и проведены разведочные раскопки на Тахирбай-депе (Тахирбай 1), Аравали-депе, Дашлы 3, Аучин-депе, Чурноке и Северном Уч-депе.

Работы 1955 г. значительно расширили наши представления о культуре позднебронзового века в дельте Мургаба. Теперь известно уже 6 поселений, относящихся к этому времени: Тахирбай 3, Тахирбай 4 (4 км севернее Тахирбай-депе), Якипер-депе (в одноименных колодцах), Аучин-депе (7 км восточнее колодцев Тархан) и 2 безымянных поселения в 4 и 14 км севернее колодцев Тархан. Таким образом, речь идет о наличии целого оазиса поселений, вытянутого в меридиональном направлении и, вероятно, располагавшегося вдоль одного из протоков древней дельты Мургаба. Своеобразие материала этих поселений позволяет выделить их как мургабский вариант культуры Намазга VI и, так же как и эту культуру, ориентировочно датировать серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э.

В 1955 г. на поселении Тахирбай 3 были заложены раскоп (100 кв. м) и шурф (2 × 3 кв. м). В раскопе вскрыты 2 культурных слоя. В верхнем (I—II ярусы; 2 яруса составляют 1 м) расчищен небольшой дворик с овальной печью типа современных тадыров. В нижнем слое (III—IV ярусы) пройдены отвалы мусора с отдельными очажными пятнами. Слои эти лежат непосредственно на материке, представленном песчаными

¹ Работы отряда велись силами ЛОИИМК и Академией наук Туркм. ССР. Отряд работал с 14 мая по 8 июля в составе: начальник отряда — В. М. Массон, археологи — В. И. Сарияниди, С. Н. Юренев, Г. Е. Трапезниев, Ю. Ф. Буряков.

² В. М. М а с с о н. Древнемаргианское поселение Яз-депе. ИАН Туркм. ССР, 1955, № 3, стр. 3—9; е г о ж е. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 61—67.

аллювиальными отложениями. Слоями мусора были перекрыты скорченные погребения без сопровождающего инвентаря, ориентированные головой на север и запад. Одно погребение можно рассматривать как неполное трупосожжение. В шурфе на глубине 2,5 м залежали материковые аллювиальные отложения. В конце V яруса в шурфе обнаружено скорченное погребение, ориентированное на запад. В головах и в ногах погребенного стояли 6 целых сосудов; у правой височной кости лежала бронзовая подвеска.

Раскопки 1954 и 1955 гг. на поселении Тахирбай 3 дали разнообразный и богатый комплекс предметов мургабского варианта культуры Намазга VI. Керамика изготовлена на гончарном круге и находит близкие аналогии в материале Намазга VI из подгорной полосы. Из числа различных предметов, найденных на поселении Тахирбай 3, следует отметить бронзовые иглы и наконечники дротиков, кремневые наконечники стрел, каменную пуговицевидную печатку, нацарапанное изображение человеческого лица на отшлифованной трубчатой кости животного (рис. 18).

Интересно обнаруженное В. И. Сарияниди поселение Аучин-депе. Здесь были заложены 2 шурфа и раскопана подпрямоугольная в плане керамическая печь. Культурные слои достигают мощности 1,5 м. В керамике можно отметить ряд общих с сосудами из Тахирбая 3 форм и вместе с тем черты значительного своеобразия; она гораздо ближе к керамике Намазга VI (уступчатые закраины ваз) и в отдельных случаях восходит к формам сосудов Намазга V. Кроме керамики, на Аучин-депе найдены обломки бронзовых изделий и кремневые наконечники стрел. Как и на поселении Тахирбай 3, встречены фрагменты андроновско-тазабагыябской керамики (рис. 19). Можно считать, что поселение Аучин-депе относится к ранним этапам мургабского варианта культуры Намазга VI, в то время как Тахирбай 3 принадлежит к поздним этапам.

Рассмотренные поселения являются наиболее ранними памятниками оседлых земледельцев в дельте Мургаба. Как же объяснить происхождение мургабского варианта культуры Намазга VI? Представляется возможным выдвинуть следующую гипотезу. Как известно, в пору существования Намазга VI земледельческие общины подгорной полосы переживали период упадка³. Сократилась в несколько раз обжитая территория Намазга-депе, было заброшено Алтын-депе у Меана. Нам кажется, что это явление связано с внутренним экономическим кризисом крупных поселений типа Намазга-депе, исчерпавших возможности расширения возделываемых земель в подгорной полосе. Вместо крупных поселений опять возникали небольшие вроде Теккем-депе или Сверного холма на Намазга-депе. Вероятно, в результате этого кризиса и произошло переселение части общин в дельту Мургаба.

Культура одной из таких общин представлена поселением Аучин-депе, материал которого весьма близок памятникам подгорной полосы. Однако постепенно выработалась более оригинальная культура, представленная поселением Тахирбай 3. Путь передвижения, вероятно, шел через дельту Теджена и повторял древнее направление обменных связей племен Южной Туркмении и Среднеазиатского междуречья. Так, среди находок Я. Г. Гулямова в низовьях Зеравшана есть фрагмент расписного сосуда типа Намазга IV Ю. А. Заднепровский обратил наше внимание на неопубликованный клад бронзовых изделий из Ферганы, который, несомненно, можно отнести к кругу предметов Гисар III⁴ (в частности, характерны булавки

³ Б. А. Куфтин. Работы ЮТМКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». ИАН Туркм. ССР, 1954, № 1, стр. 2—29; История Туркменской ССР, т. I (макет). Ашхабад, 1955, гл. I, стр. 33—38.

⁴ E. F. Schmidt. Tere Hissar expedition 1931. Museum Journal, v. XXIII, № 4, Philadelphia, 1933.

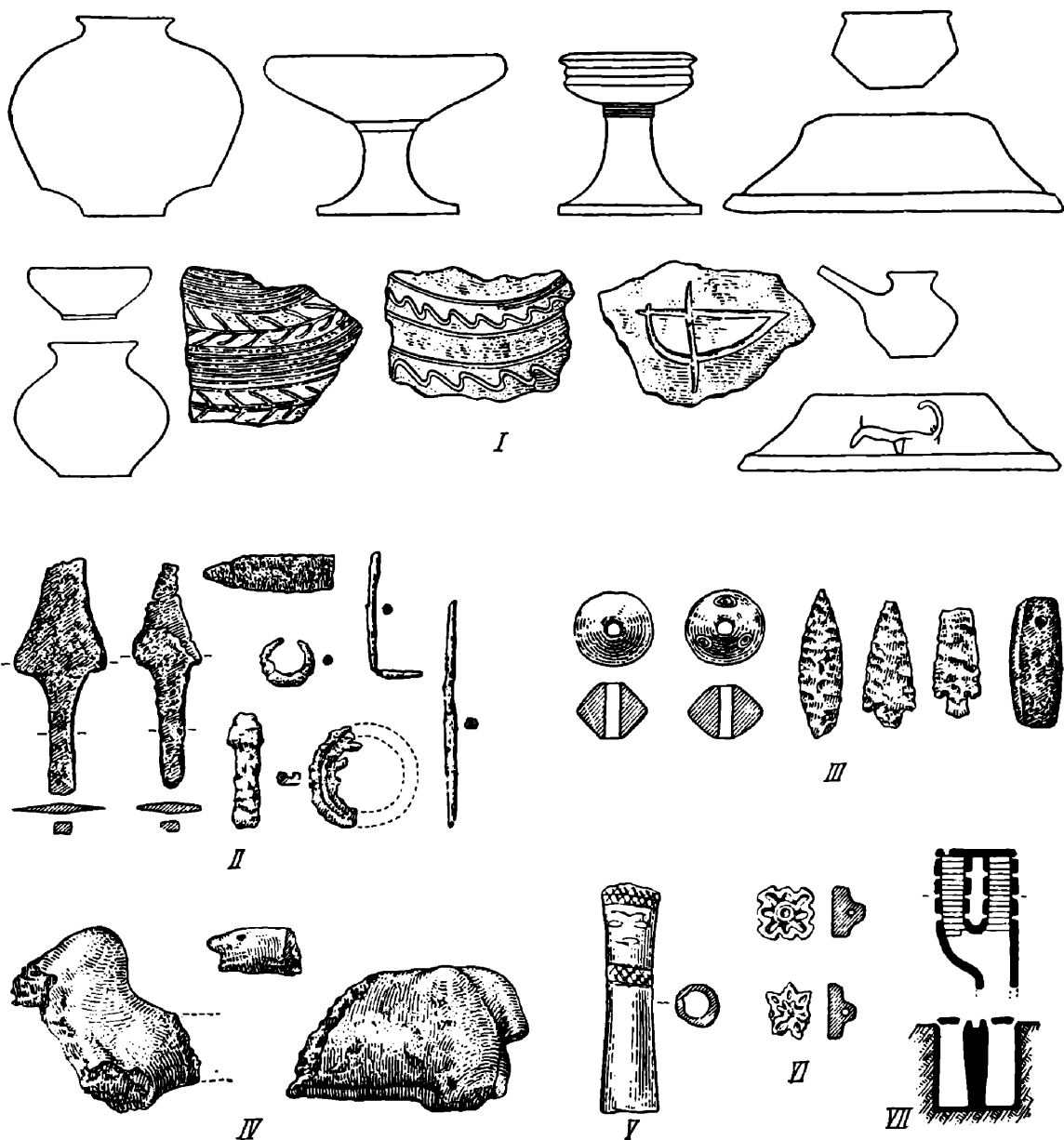

Рис. 18. Керамика, бронзовые, каменные и другие изделия с поселений Тахирбай 3 и Аучин-депе.

I — керамика; II — бронза; III — камень; IV — керамические статуэтки; V — кость; VI — глина; VII — керамическая печь (подробнее см. рис. 25 на стр. 73).

с головками, изображающими животных). Происходящий из Ферганы клад, содержащий бронзовые фигурки людей⁵, также находит ближайшие аналогии в материалах из Гисара III.

Надо полагать, что подобные находки свидетельствуют о древних обменных связях, наверное, имевших известное значение для формирования в Фергане культуры чувского типа. В Южной Туркмении такие пути могли идти через дельты Теджена и Мургаба к Аму-Дарье. Их, вероятно, и использовали земледельческие общины, начавшие в конце бронзового века освоение дельты Мургаба, которое сыграло огромную роль в развитии производительных сил и в социальном строе общества. Происшедшие из-

⁵ М. Е. Массон. Археологические исследования в Узбекистане. Сб. «Наука в Узбекистане за 15 лет». Ташкент, 1939.

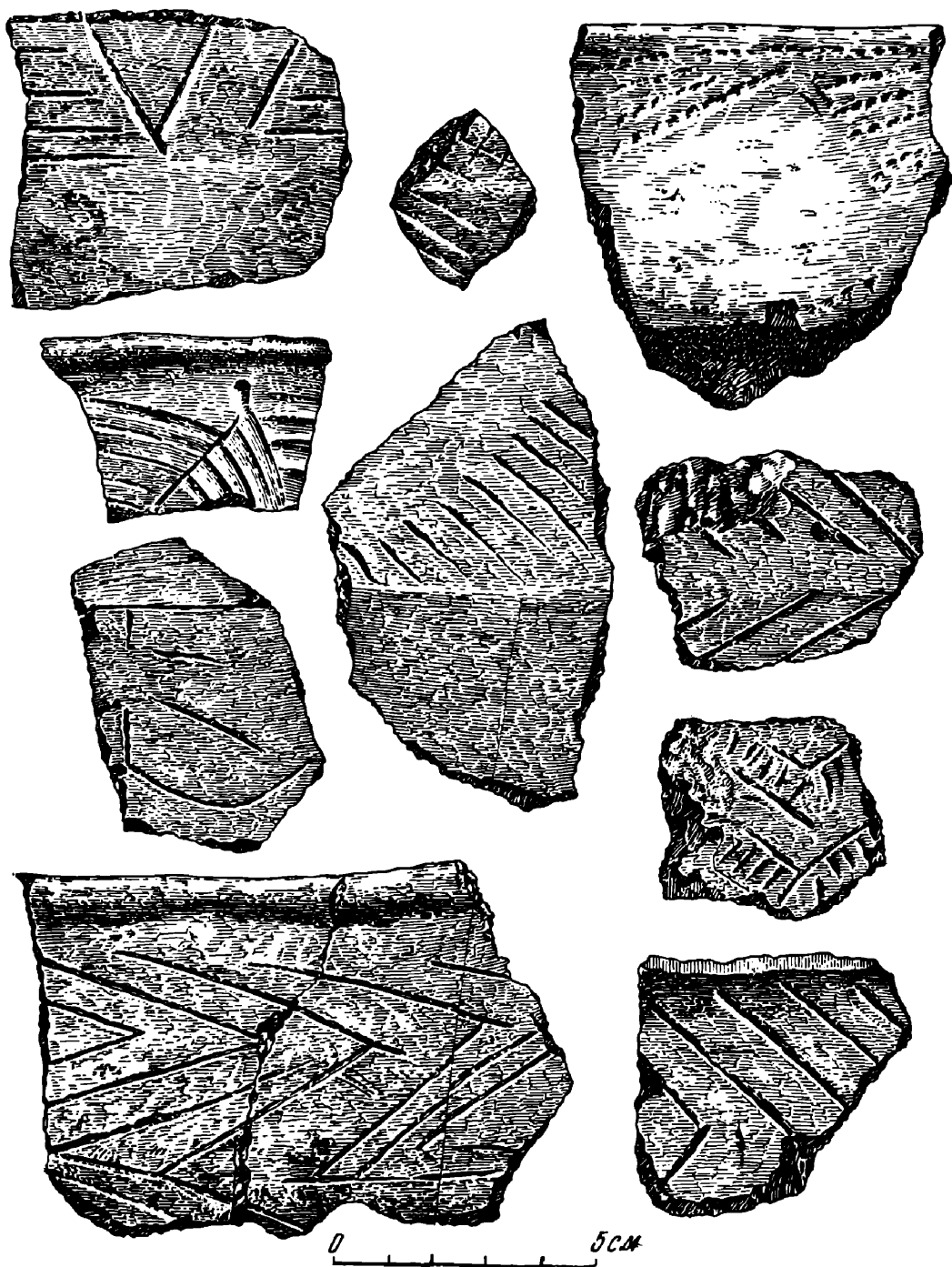

Рис. 19. Андроновско-тазабагыбская керамика с поселений Тажрбай 3 и Аучин-депе.

менения улавливаются в памятниках следующего периода, из которых наиболее изучено поселение Яз-депе.

В Яз-депе в 1955 г. были заложены раскоп 2 на цитадели (440 кв. м) и стратиграфический раскоп 3 (10 кв. м) на поселении с целью проверки на широком материале намеченной в 1954 г. стратиграфии (выделение комплексов Яз-I, Яз-II, Яз-III). Работы в основном подтвердили сделанные выводы. Раскопки велись в квадратах 2×2 м и по ярусам в 0,5 м.

⁶ В. М. Массон. Древнемаргинское поселение Яз-депе, стр. 4.

Дневная поверхность раскопа находилась на 1,5 м ниже нулевой точки репера. Остатки жилого комплекса Яз-III занимали IV—V ярусы. В VI—X ярусах были встречены на различных уровнях остатки глинобитных и сырцовых строений, относящихся к Яз-II. Культурные слои XI—XIV ярусов относились к комплексу Яз-I и лежали непосредственно на аллювиальных отложениях. В слоях Яз-I также встречены остатки жилого строения из прямоугольного сырцового кирпича.

Во время работ собраны массовые находки керамики, которые разносторонне характеризуют сменяющие друг друга комплексы сосудов. Большим количеством целых сосудов представлен комплекс Яз-II. В нижних слоях Яз-II формы сосудов становятся несколько грубее, на плечиках хумов и хумчей часто встречается рельефный поясок. В VI ярусе раскопа 3 найдены золотая серьга-подвеска и часть железного боевого топора.

Вполне отчетливо определился комплекс Яз-I, что, в частности, позволило уточнить время возникновения цитадели. Выделение внутри Яз-I более раннего и более позднего этапов, как это предполагалось в 1954 г., не представляется возможным. Большая часть керамики Яз-I изготовлена от руки и может быть распределена по 3 группам: светлая нерасписная, светлая расписная и серая (обычно лощеная). Формы слабо дифференцированы. Наиболее распространены горшковидные крупные сосуды и небольшие кубки. Встречаются плоские жаровни, полусферические чаши, миски (рис. 20). Керамики, изготовленной на круге, сравнительно мало; из форм ее можно указать кубок, немного напоминающий тахирбаевские сосуды. Следует отметить, что в слоях Яз-I в раскопе 3 обнаружена керамическая подставка, типичная для культуры Намазга VI. Детальный анализ материала указывает на прямую генетическую связь форм керамики Яз-I и Яз-II (рис. 21).

На цитадели Яз-депе раскопками 1954 г. открыта часть большого, многокомнатного здания, построенного из сырцового кирпича размером 54 × 28 × 11 см. Раскопки этого монументального сооружения были значительно расширены в 1955 г. Здание возведено на мощной платформе из сырцового кирпича, лежащей в основании цитадели. Эта платформа, как установлено по материалам заложеного шурфа, покоится непосредственно на песчаных отложениях мургабской аллювия и достигает высоты 8 м.

В истории исследуемого здания можно отметить 2 периода. В первый период в западной части здания находились длинные прямоугольные помещения, соединенные узкими проходами и, видимо, перекрытые сырцовыми сводами. Эти помещения подходили к самому краю цитадели, их стены ориентированы параллельно к западному фасау. В восточной части центральное место занимал большой зал, имевший, видимо, плоское перекрытие. На его восточной стене располагались прямоугольные выступы, дробя ее гладкую поверхность; на западной — полукруглый выступ. Во второй период в западной части здания некоторые из помещений были частично заложены и превращены в узкие проходы. В большом зале произведены многие перестройки, связанные, надо полагать, с изменением назначения сооружения. Северная часть зала была наполовину сокращена массивной пристройкой к западной стене и разделена поперечными стенками на небольшие комнаты. В южной части к полукруглому выступу пристроена комнатка и в юго-западном углу возведен уступчатый по вертикали сегмент окружности диаметром 7 м. Вероятно, в этот период в середине зала были поставлены 2 квадратных столба из сырцового кирпича.

Несомненно какое-то особое назначение здания. Вероятно, это был храм или, скорее всего, дворцовая постройка. В завале здания найдено большое количество керамики типа Яз-I и частично — раннего Яз-II. В период Яз-II здание уже было заброшено. К востоку от него, вдоль восточного фаса цитадели располагались лохи сохранившиеся постройки,

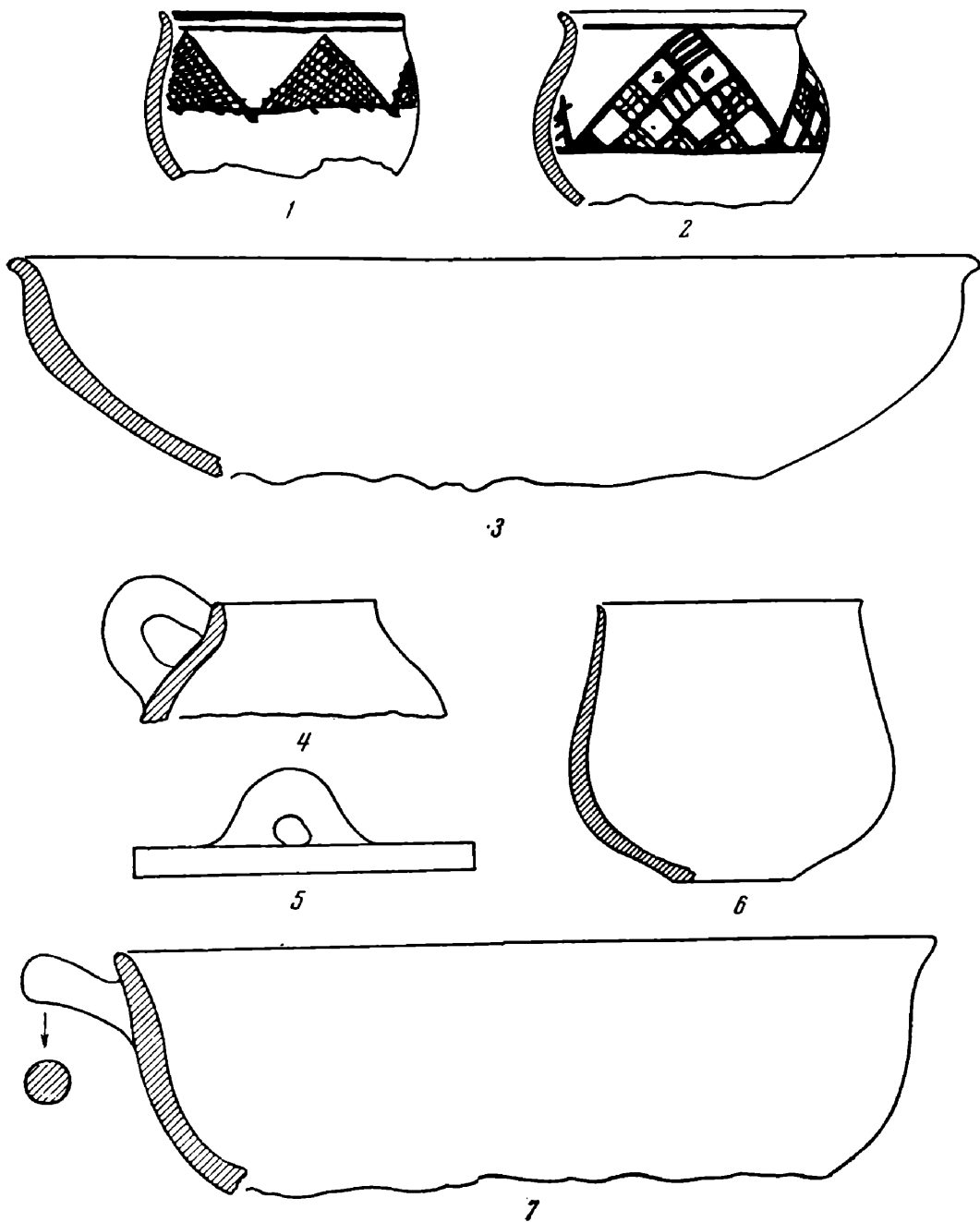

Рис. 20. Яз-депе. Керамика типа Яз-I (1—7).

в которых встречена керамика типа раннего Яз-II. Кроме керамики, в раскопе 2 найдены массивные глиняные ядра, биконические, из обожженной глины ядра для пращи и бронзовые двуперые наконечники стрел двух типов — с выступающей втулкой и черешковые с шипообразно загнутыми концами.

В результате раскопок 1954 и 1955 гг. на Яз-депе собран обильный археологический материал, четко распределяющийся по стратиграфическим комплексам. Эта классификация материала может явиться существенной опорой для изучения истории культуры Средней Азии первой половины I тысячелетия до н. э. Можно дать следующую ориентировочную датировку яз-депинских комплексов: Яз-I — 900—650 гг. до н. э., Яз-II — 650—400 гг. до н. э. и Яз-III — 400—300 гг. до н. э. Возможно, датировку

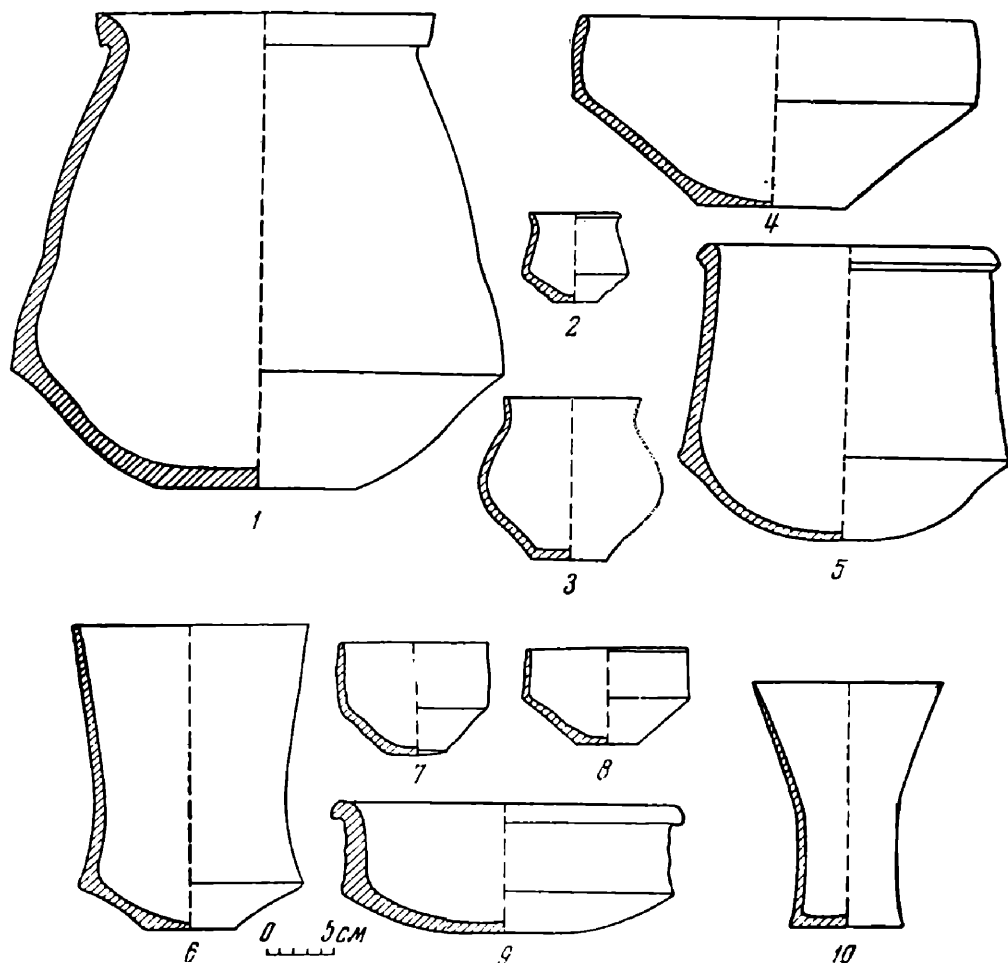

Рис. 21. Яз-депе. Керамика Яз-II (1—10).

последнего комплекса придется несколько повысить. Керамика Яз-депе находит аналогии и в других районах Средней Азии⁷.

Опираясь на стационарные раскопки на Яз-депе, XIV отряд ЮТАКЭ провел широкое изучение других древнемаргианских поселений. В результате намечается в общих чертах история Маргианы первой половины I тысячелетия до н. э. В период поздней бронзы поселения земледельцев были сосредоточены в восточной части древнего оазиса к северу от колодцев Новый Кишман. В пору Яз-I возникли два новых оазиса, для орошения которых были проведены крупные магистральные каналы (Яз-депинский оазис с магистральным каналом Гатиакар и Аравали-депинский с каналом Гуни-яб). Старый Тахирбаевский оазис, видимо, был обжит лишь в малой степени. Яз-депе уже в пору Яз-I существовало как крупное поселение, занимавшее большую площадь. Одновременно с ним возникла цитадель, возведенная на мощной платформе из сырцового кирпича. Материал Яз-I встречен также почти на всех поселениях Аравали-депинского оазиса. На самом Аравали-депе в западной части обнаружены даже неперекрываемые слои Яз-I.

Определение ранней даты возникновения цитадели Яз-депе имеет большое принципиальное значение для истории Южной Туркмении и всей Средней Азии. В начале I тысячелетия до н. э. возникла укрепленная

⁷ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. КСИЭ, XXII, 1955; М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кюбадиан). МИА, № 37, 1953.

цитадель и на Тепе-Сиалк в Центральном Иране⁸. Археологический материал позволяет вполне обоснованно ставить вопрос о том, что в Маргиане IX—VII вв. до н. э. шел процесс развития классового общества и складывалась местная, маргианская государственность. Не следует излишне модернизировать эти процессы, получившие свое завершение лишь с дальнейшим ходом исторического развития, однако само их наличие ярко характеризуется памятниками материальной культуры.

Археологические комплексы Яз-депе восходят уже ко времени, освещаемому письменными источниками. В VI—IV вв. до н. э. Маргиана, так же как и большинство других областей Средней Азии, входила в состав державы Ахеменидов. В пору Яз-II процветали поселения Яз-депинского и Аравали-депинского оазисов. Широко осваивался Тахирбаевский оазис, возникло крупное поселение с цитаделью — Тахирбай-депе. Некоторое сокращение освоенных территорий произошло в пору Яз-III. Было заброшено большинство поселений Аравали-депинского оазиса, прекратилась жизнь на Тахирбай-депе, но по-прежнему процветали Яз-депинский оазис и большая часть Тахирбаевского. Наиболее крупным поселением и, видимо, своеобразной столицей доахеменидской и ахеменидской Маргианы было Яз-депе.

Окончательное запустение оазисов древней Маргианы, как кажется, следует связывать с перемещением центров орошаемых земель на юг, в районы современного Мары и Байрам-Али. Вероятно, этот процесс был обусловлен созданием более прогрессивных оросительных систем, появлением больших подпорных плотин. Перемещение началось уже в пору Яз-III, когда начали сокращаться площади древних оазисов. Показательно, что в нижних слоях шахристана Гяур-калы, как установлено работами ЮТАКЭ, непосредственно на материке лежит комплекс Яз-III. Видимо, к поре Яз-III относилось сложение на территории Гяур-калы крупного поселения (на цитадели имеется также материал Яз-II), предшественника величественной столицы парфянской Маргианы.

---

⁸ R. Ghirshman. L'Iran des origines à l'Islam.. Paris, 1951, стр. 62, 63.

В. М. МАССОН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
НА МИСРИАНСКОЙ РАВНИНЕ

В 1953 г. на Мисрианской равнине, расположенной в Юго-Западной Туркмении, были продолжены работы X отряда ЮТАКЭ. Сплошное изучение этой территории позволило выделить три разновременные группы памятников, соответствующие трем площадям освоения равнины земледельческой культурой: первая, расположенная на юго-востоке равнины, занята памятниками своеобразной культуры, названной нами культурой архаического Дахистана¹; вторая площадь в центре и на западе древнего оазиса характеризуется памятниками, содержащими в верхних слоях материал раннего средневековья и восходящими в нижних слоях к парфянскому времени; третья группа, где отмечены памятники развитого средневековья (IX—XV вв.), расположена на востоке и частично в центральной части древнего оазиса (рис. 22).

Из памятников архаического Дахистана объектом для раскопок было выбрано крупное поселение Мадау-депе. Оно состоит из главного бугра высотой около 13 м и массива основного поселения площадью около 6 га и высотой около 3—3,5 м. К западу и юго-западу тянется полоса небольших всхолмлений, насыщенных культурными остатками. От этих всхолмлений на юго-восток уходит невысокий вал канала, снабжавшего поселение водой.

На Мадау-депе был заложен шурф площадью 26 кв. м в западной части основного массива, а дальше к западу, уже вне пределов основного массива, начаты раскопки многокомнатного дома.

В I ярусе шурфа² вскрыты остатки вымостки — платформы из сырцового кирпича и местами небольшие пласты культурного слоя, иногда, видимо, сосредоточенные в ямках от очагов. Во II—V ярусах шли отложения мусорной ямы с золой, большим количеством костей животных и фрагментов керамики. Ниже отмечены 3 строительных комплекса, возведенных последовательно один над другим. Все здания построены из сырцового кирпича крупного формата, уточнить который не удалось. На глубине 7 м залежали аллювиальные отложения — материк.

При раскопках жилого дома в западной части поселения было вскрыто несколько комнат. Стены их возводились из сырцового кирпича 70 × 42 × 9 см; 64 × 45 × 8 см. Внутренние стены клялись с соблюдением вертикальной перевязки и достигали в толщину 0,8—0,9 м. Стены, как и пол, были покрыты глиняно-саманной штукатуркой. Два помещения

¹ В. М. Массон. Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 ИАН Туркм. ССР, 1953, №1.

² Ярус = 0,5 м, как и при других работах на Мисрианской равнине.

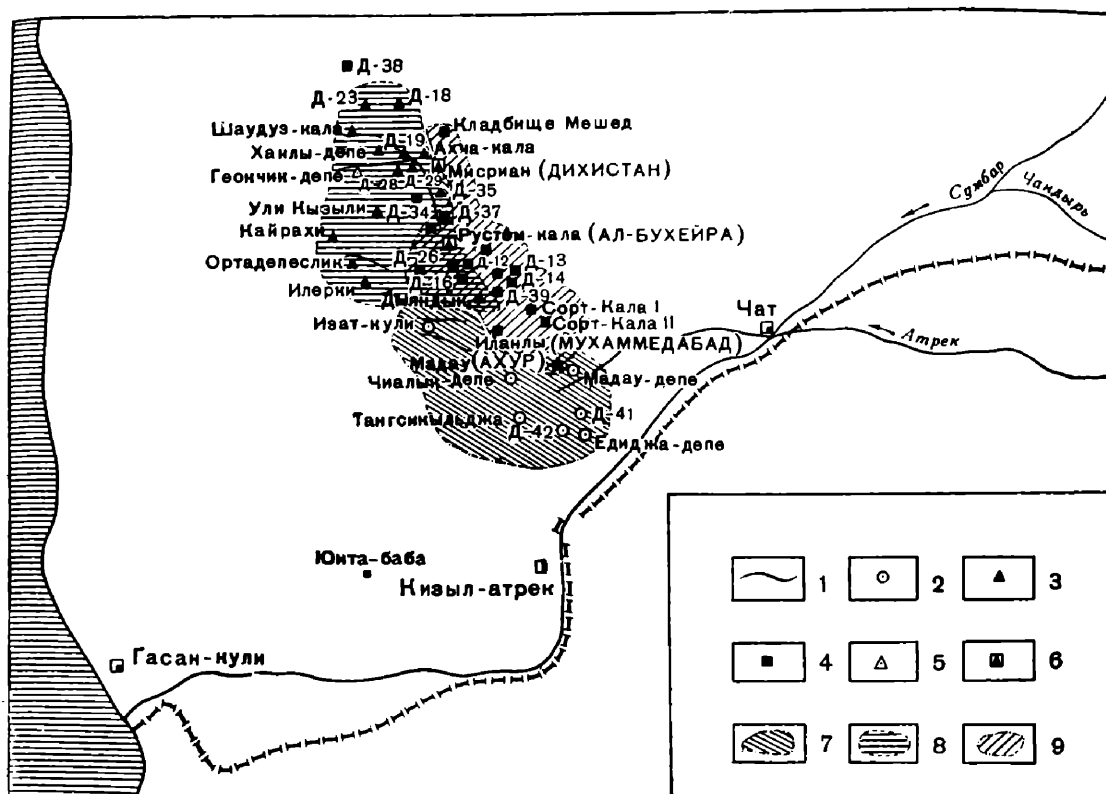

Рис. 22. Схема орошаемых площадей Мисрианской равнины.

1 — древние каналы; 2 — памятники архаического Дахистана; 3 — античные и раннесредневековые памятники; 4 — средневековые памятники; 5 — античные и раннесредневековые памятники с архаической основой; 6 — античные и раннесредневековые памятники, существовавшие в средние века; 7 — I площадь освоения; 8 — II площадь освоения; 9 — III площадь освоения.

($5,2 \times 4,1$ м и $4,8 \times 3,25$ м) из вскрытых — жилые, а два других ($2,6 \times 1,9$ м и $2,4 \times 2,25$ м), видимо, использовались как хранилища. Кроме находок керамики и костей животных, следует отметить глиняное колесико от модели повозки и бронзовый втульчатый лавролистный наконечник стрелы. Интересно, что заброшенные помещения стали местом свалки мусора. Следовательно, с запустением дома, который был объектом раскопок, жизнь на городище не прекратилась полностью.

Можно полагать, что толща, на которую в шурфе приходятся слои мусорной ямы, стратиграфически соответствует в других местах поселения еще одному, четвертому строительному комплексу. Учитывая остатки здания, отмеченные в I ярусе, можно установить для поселения 5 строительных периодов. Время возведения жилого дома, судя по составу находок, соответствует третьему строительному комплексу.

Основную массу находок на Мадау-депе составляет разнообразная керамика (рис. 23). Сравнение керамики из разных слоев шурфа показывает, что весь комплекс принадлежит к одной культуре. Основные формы сосудов — чаша на 3 ножках, цилиндрический сосуд со сливом и высокогорлый кувшин — повторяются во всех слоях.

Большинство посуды принадлежит к группе керамики серого цвета, изготовленной из хорошо отмученной глины; обжиг ровный. Внешняя поверхность сосудов часто бывает черной от дыма и копоти. Ко второй группе относится керамика красного цвета, иногда — бледно-розового, иногда — интенсивно красного или оранжевого. В первом случае сосуды обычно покрывались беловатым ангобом, во втором — сохранялся цвет фактуры.

К третьей группе керамики (с примесью в глине кварца или битых черепков) относятся «кухонные» котлы и курильницы.

Керамический комплекс архаического Дахистана наиболее близок астрабадской керамике бронзового века (Шах-тепе и Тюренг-тепе), почти полностью совпадающей по фактуре и отдельным формам с рассматриваемым нами материалом. Однако детальное сравнение показывает, что общность эта носит генетический характер. Лишь в последние этапы существования культуры «астрабадского» бронзового века появляется ряд керамических форм, характерных для культуры архаического Дахистана.

Некоторые аналогии можно найти в материале некрополя Б Тепе-Сиалка. Сосуды из дома на Мадау-депе почти полностью повторяют форму найденных в Сиалковском некрополе красноглиняных сосудов с коленчато изогнутым носиком, длинным желобчатым сливом и соединительным мостиком между концом слива и венчиком.

Весьма интересен материал из I яруса, где обнаружены некоторые новые формы в группе керамики из красноватого теста, покрытой светлым ангобом. Появляются, например, сосуды с подкошенным дном. Показательна крупная тагара (чаша) с хорошо выраженным выступом венчика, в то время как у тагар нижнего слоя такая особенность отсутствует. Эти новые черты находят общее в комплексах керамики, характерной для середины I тысячелетия до н. э., как устанавливается сейчас для Маргианы, Согда и Бактрии³.

На основании изучения имеющегося материала представляется возможным относить культуру архаического Дахистана к первой трети I тысячелетия до н. э. и — в неуточненных пределах — ко второй половине II тысячелетия до н. э. Археологически это культура раннего железа и — в какой-то степени — поздней бронзы. Высокий уровень развития культуры архаического Дахистана позволяет предполагать, что здесь в это время происходило становление раннеклассового общества⁴.

На городище Ортадепеслик, принадлежащем к группе памятников второй площади освоения, были проведены раскопки одного из помещений в верхнем культурном слое, заложен шурф площадью 8 кв. м и раскопан вал канала к западу от поселения. Городище Ортадепеслик — квадратное в плане, со сторонами около 130 м. В северном углу расположена цитадель. Жилое помещение (5,75 × 3,4 м) было вскрыто на южном фесе городища. Стены, сохранившиеся на высоту 1,5—1,6 м, сложены из сырцового кирпича размером 42 × 42 × 14 см. Помещение заполнено слоями, в которых строительные завалы перемежаются со слоями мусора.

В первых 3 ярусах шурфа также находились остатки помещения, стены которого были сложены из сырцового кирпича и сохранились на высоту до 1,5 м. Дальше, V—VII ярусы занимали рыхлые натечные слои с включением угольков и горелой земли, крайне бедные находки. В VIII—IX ярусах шел плотный натечный слой. В X ярусе и середине XI яруса оказались остатки органических веществ, угольки и зола. Ниже начался материковый песок.

Материал 1953 г. с городища Ортадепеслик распадается на 2 комплекса. К первому из них принадлежит керамика, найденная в VIII—XI ярусах шурфа. В большинстве своем она сделана от руки. Обнаружены красноглиняный, частично лощеный приземистый кувшин с одной ручкой и небольшой кувшинчик с вытянутым раструбообразным горлом. Кроме

³ М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в Северной Бактрии. СА, XIX, 1954; А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950; Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-кала. Материалы ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949.

⁴ В. М. Массон. Мисрианская равнина в период поздней бронзы и раннего железа. ИАН Туркм. ССР, 1954, № 2, стр. 3—9.

Ярусы	Сероглиняная	Красноглиняная		С дровяной и шамотом в тесте
		с белым ангобом	без белого ангоба	
I				
II-V (мурсорная свалка)				
Третий стрателельный комплекс				
Второй стрателельный комплекс				
Первый стрателельный комплекс				

Рис. 23. Распределение керамики по ярусам в шурфе на Мадау-депе.

следует отметить найденный в комнате фрагмент каменного жернова и стеклянные сосуды. Среди подъемного материала можно указать на обломки железных предметов (серпы, кинжалы, ножи), бусы и монеты. Наиболее распространены шариковидные бусы из оранжево-красного сердолика.

В 1953 г. на городище Ортадеспеслик найдены сасанидская драхма 36-го года правления Хосроя I (= 567 г. н. э.)⁵, 2 фрагмента другой драхмы этого государя и бронзовая сасанидская монета, сильно разрушенная. Анализ полученного материала позволяет отнести второй комплекс к V—VIII вв. н. э., может быть, точнее, к VI—VIII вв. Этот комплекс характеризует сравнительно высокий уровень культуры эфталито-тюркского Дахистана.

При продолжении археологических исследований на Мисрианской равнине желательны дальнейшие раскопки на Мадау-депе и постановка стратегического раскопа на городище Мисриан.

---

⁵ Монета этого года издана Дорном: *Collection de monnaies sassanides de feu J. de Bartholomai*. St.-Petersbourg, 1873, табл. XXV, 47.

В. И. САРИЯНИДИ

КЕРАМИЧЕСКИЕ ПЕЧИ ДРЕВНЕЙ МАРГИАНЫ

В тематике работ ЮТАКЭ изучение производительных сил древних обществ всегда занимало одно из главных мест. Большое внимание уделялось истории развития ремесл, в числе которых немаловажное значение имело гончарное ремесло. Уже с 1947 г. в Мервском оазисе раскапывались керамические горны, относящиеся к различным периодам — от парфянского времени до Средневековья¹.

В 1952 г. Б. А. Куфтиным на Намазга-депе был раскопан ряд печей, датируемых бронзовым веком. Для изучения керамических горнов предпарфянского времени в 1953 г. была вскрыта древнемаргианская печь на Тахирбай 2².

В 1955 г. XIV отрядом ЮТАКЭ (организованным совместно с ЛОИИМК) исследованы керамические печи на поселениях Аучин-депе, Чурнок, Северном Уч-депе³. Наиболее ранней из них является печь на поселении позднебронзового века — Аучин-депе.

Вся сохранившаяся часть печи устроена в специальном котловане, стены которого тщательно промазаны раствором глины с саманом (прием, хорошо известный в древнем гончарстве)⁴. Печь в плане прямоугольная; внутренняя часть топки разделена на 2 отсека продольной стенкой с небольшим желобком сверху (рис. 25). На эту стенку опираются поставленные на ребро кирпичи, которые, соединяясь с противоположным рядом кирпичей, опирающихся на боковые стенки печи, образуют свод. В своде 3 пары сквозных отверстий, выходящих в желобчатое углубление и у верхнего края боковых стен печи. Добавочные, но меньших размеров, отверстия-продухи сделаны в углах, вдоль северной стенки.

На основании анализа остатков керамической продукции печь на Аучин-депе можно отнести ко второй половине II тысячелетия до н. э. Обнаруженная керамика сделана на гончарном круге, глина тщательно отмучена, без следов каких-либо примесей, и очень эластична. Некоторые сосуды имеют довольно тонкую моделировку профиля.

Печь удастся реконструировать в общих чертах и проследить некоторые моменты производственного процесса. Через топочное устье топка загружалась дровами. Горячий воздух, проходя через отверстия-продухи, попа-

¹ В. И. Сарияниди. Керамические печи городищ древнего Мерва. Сборник студенческих работ САГУ, серия V. Ташкент, 1953, стр. 53.

² М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V. Ашхабад, 1955, стр. 242.

³ В работах принимал участие автор настоящей статьи.

⁴ Г. И. Ионе. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура. МКА, II, Баку, 1951, стр. 61.

дал в обжигательную камеру, т. е. второй ярус печи. Под обжигательной камеры для большей прочности опирался на продольную стенку, сооруженную внутри топки. Такие стенки, выполнявшие функции устоев пода верхней камеры, очень часто применялись в керамических печах римского типа, но более позднего времени⁵. Несохранившаяся обжигательная камера (как можно предполагать на основании аналогий) была перекрыта сводом, снабженным загрузочным лазом и дымовытяжным отверстием. Желобчатое углубление в продольной стенке, возможно, играло роль вытяжного канала, который открывался небольшим отверстием в противоположной топочному устью стене⁶. Подобный канал был сделан в печи № 3 древнего Мингечаура⁷. В желобке могла ставиться для обжига наиболее мелкая и хрупкая посуда.

Более широко изучены печи середины I тысячелетия до н. э. К ним относятся 2 печи на Чурноке и две, раскопанные на Северном Уч-депе. К ним примыкают ранее раскопанные гончарные горны на поселении Тахирбай 2 (1953 г.) и Кушбеги (1954 г.).

Печи на Чурноке расположены рядом. По конструктивным принципам они повторяют друг друга и отличаются лишь размерами. В печи № 1 (рис. 26—1) центральную часть составляет топка в виде вырытого в земле колодца, обмазанного внутри раствором глины с саманом. В верхней части топки радиально расходятся каналы, сложенные из сырцовых брусков глины с глиняной промазкой; сверху они прикрыты целыми кирпичами (40 × 20 × 10 см). Секторы между каналами засыпаны рыхлой землей. От верхнего края топки до горизонта отверстий каналов идет глиняная с саманом обмазка в несколько слоев, где были найдены фрагменты кирпичей с лекальной выкружкой, служивших, надо думать, для прикрытия топки сверху во время обжига. Горячий воздух через каналы поднимался вверх и попадал в обжигательную камеру, которая, вероятно, имела купольную форму. В куполе были проделаны вытяжное и загрузочное отверстия.

Специальное отверстие около топки предназначалось для добавочного отвода горячих газов в каналы и уменьшения потерь полезного жара. Следует думать, что дровами загружался и оформленный своеобразной арочкой топочный канал, что было отмечено также в других печах⁸.

Вторая раскопанная печь — больших размеров (диаметр — 4,5 м, глубина топки — 2,75 м). Обращает на себя внимание различная ориентировка топочных отверстий, что, по-видимому, связано с направлением господствующих ветров. Таким образом, в различные периоды могли функционировать печи с направленным в подветренную сторону устьем. Этим, надо думать, опровергается высказанное в литературе соображение, что

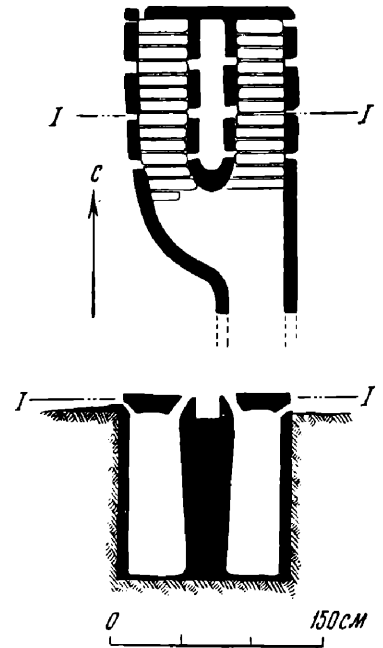

Рис. 25. Керамические печи древней Маргианы. План и разрезы печи на поселении Аучин-депе.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. М.—Л., 1934, стр. 55.

⁶ Ср. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 348.

⁷ Г. И. Ионс. Указ. соч., стр. 44.

⁸ Там же, стр. 40; А. Л. Якобсон. Гончарные печи средневекового Херсонеса. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 55.

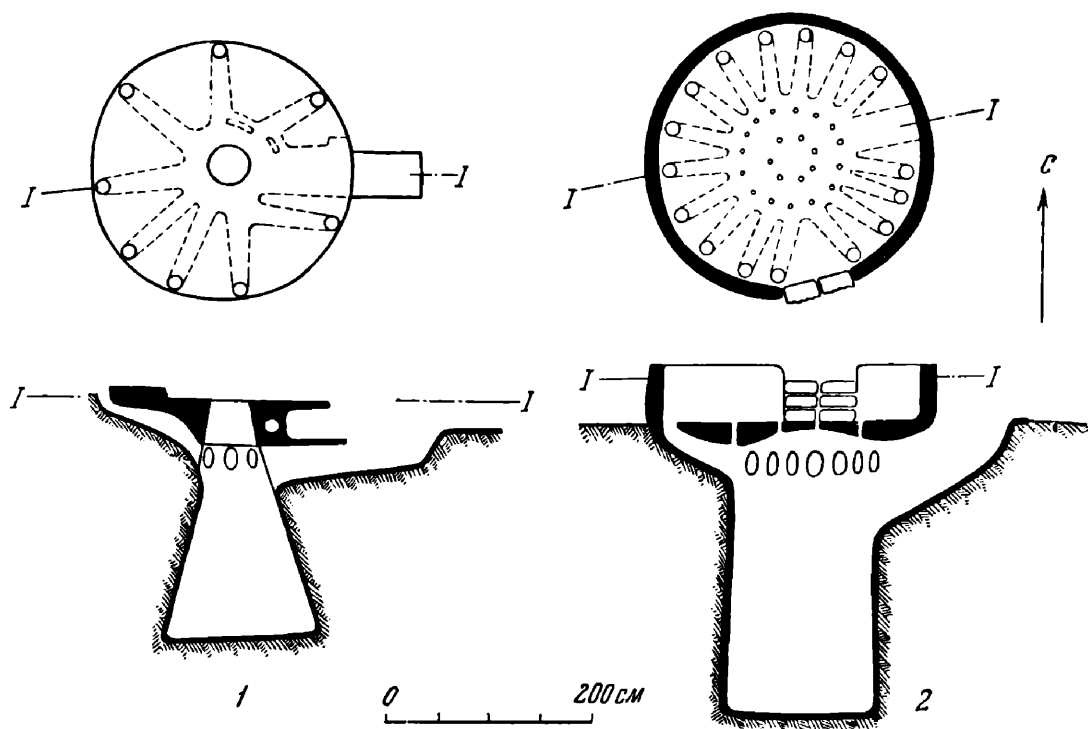

Рис. 26. Керамические печи древней Маргианы.
1 — печь № 1 на поселении Чурнок; 2 — печь на поселении Уч-депе.

во время сильных ветров печи не действовали⁹. Оба горна относятся к середине I тысячелетия до н. э.

На Северном Уч-депе были раскопаны 2 печи. Меньшая была лучшей сохранности. Стенки ее обжигательной камеры уцелели на высоту до 0,6 м (рис. 26 — 2). Центральную часть сооружения составляет вырытая в земле топка, от которой в стороны отходят каналы, выложенные из кусков жженого кирпича. Непосредственно над топкой двумя концентрическими кругами расположены продухи, а по краю пода верхней камеры выходят отверстия жаропроводящих каналов. Отверстия заложены шаровидными комками глины, что регулировало подачу горячего воздуха в обжигательную камеру¹⁰, а продухи — своеобразными глиняными кольцами, мятыми от руки (рис. 27 — 1—6).

Находки таких колец отмечены еще в 1952 г. М. Е. Массоном при обследовании древнемаргианских поселений¹¹. Как удалось установить, глиняные кольца служили подставками для небольших сосудов в момент обжига. К печному инвентарю следует также отнести мятые комки глины со следами-оттисками венчиков. Высушенные заготовки ставились вверх дном и для большей устойчивости вжимались в комок мягкой глины¹².

Второй ярус печи был перекрыт купольным сводом. В южной его части сохранилась нижняя половина загрузочного лаза — проема, заложенного 3 рядами кирпичей (36 × ? × 12 см; 32 × ? × 12 см). У топочного устья обнаружен большой фрагмент хума, возможно, служивший для прикрытия жерла топки¹³. В печи, непосредственно в самой топке, происходило

⁹ Г. И. Ионе. Указ. соч., стр. 40.

¹⁰ Е. С. Радченко. Кустарный промысел и ремесло. Труды Художественно-исторического краеведческого музея в г. Воскресенске, вып. IV, б/м и б/г, стр. 36.

¹¹ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 242.

¹² В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 90—94.

¹³ Там же, стр. 65.

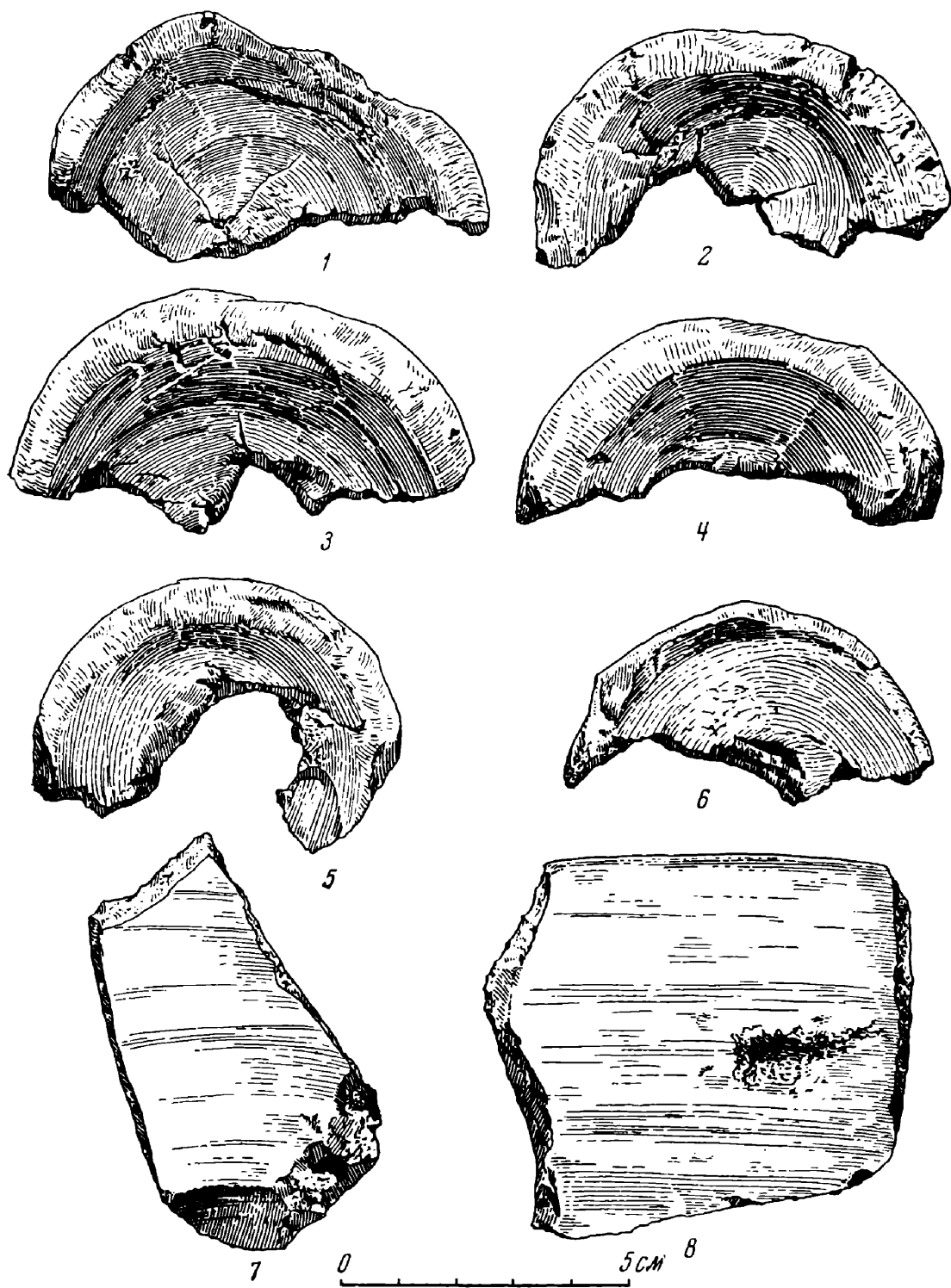

Рис. 27. Глиняные кольца (1—6) и фрагменты необожженной посуды (7, 8) с поселения Уч-депе.

выжигание ганча, что засвидетельствовано и в керамических печах античного Хорезма. Среди находок встречается только мелкая посуда: чаши, банкообразные и кубкообразные сосуды, широко представленные на поселении Яз-депе в слоях Яз-III¹⁴.

Вторая печь — намного больших размеров. В ней изготовлялись хумы, хумчи, крупные котлы, сформованные без гончарного круга, и т. д.

Обнаруженные в нижних слоях керамических отвалов фрагменты сосудов типа Яз-II позволяют отнести период функционирования печей к VI—V вв. до н. э.

В дополнение следует указать, что все исследованные печи, судя по остаткам, находимым в топках, топились саксаулом. Печи такой конструкции не имеют аналогий, если не считать очень краткого упоминания о раскопанной на Донецком городище печи с сетью каналов внутри пода, но она относится к более позднему времени¹⁵. Конструктивные особенности исследованных печей дают возможность отметить некоторые черты гончарного производства древней Маргианы в общей связи с развитием древневосточных ремесл.

Древние, прямоугольные в плане, печи с выступающими боковыми лопаточками раскопаны в Ниппуре и Уруке¹⁶.

В Южной Туркмении, на поселении бронзового века Намазга-депе, в последние годы вскрыты печи нескольких типов — круглые, грушевидные и прямоугольные в плане. Круглая печь с опорным столбом в центре и продухами в полу обнаружена в слоях Намазга V (первая половина II тысячелетия до н. э.). К этому же типу двухъярусных печей относятся круглые и грушевидные, найденные в гончарном «квартале» Намазга V¹⁷.

Прямоугольная, хорошей сохранности печь типа урукской, опубликованная Б. А. Куфтиным¹⁸, относится к периоду Намазга VI (конец II тысячелетия до н. э.). Подобные прямоугольные печи известны в правобережном Мингечауре и на Мунчак-тепе в Узбекистане. В. Ф. Гайдукевич генетически возводит их к печам Ниппура и Урука¹⁹, хотя было высказано малообоснованное предположение об автохтонности мингечаурских печей²⁰. Обнаружение в Намазга-депе сходных прямоугольных печей, относящихся ко II тысячелетию до н. э., убедительно свидетельствует о правильности первого мнения. Представляется, что печь на Аучин-депе является дальнейшим развитием этого типа, когда в топке возводится продольная подпорная стенка. Прекрасное подтверждение этому дает вскрытая на Намазга-депе овальная в плане печь, где от расположенного в центре топки опорного столба тянется своеобразная перемычка до противоположной стенки печи.

Похожие — круглые и эллипсоидные с поперечной стенкой — печи широко представлены в римских провинциях Германии, Англии и Франции. Не вызывает сомнения, что прототипом римских печей были печи типа вскрытых на Аучин-депе как более ранние, что лишний раз подтверждает гипотезу В. Ф. Гайдукевича о заимствовании римского типа печей с Востока. Особенно четко прослеживается это заимствование при срав-

¹⁴ В. М. Массон. Древнемаргианское поселение Яз-депе. ИАН Туркм. ССР, 1955, № 3, рис. 3.

¹⁵ О. Федоровский. Археологічні розкопи в околицях Харкова. Хроніка археології та мистецтва, ч. 1. Київ, 1930, стр. 6, 7.

¹⁶ Н. V. Hilprecht. Die Ausgrabungen im Bel Tempel zu Nippur. Leipzig, 1903, стр. 21, 22.

¹⁷ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 241.

¹⁸ Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». ИАН Туркм. ССР, 1954, № 1, стр. 25.

¹⁹ В. Ф. Гайдукевич. Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 82.

²⁰ Г. И. Ионе. Указ. соч., стр. 55, 56.

нении круглых намазгинских печей с керченской и фанагорийской. Круглые, с опорным столбом, печи намазгинского типа, восходящие к III тысячелетию до н. э., для Двуречья пока неизвестны. Полностью решить вопрос о происхождении их можно будет только после более широкого изучения гончарного производства на древнем Востоке и в первую очередь — в Двуречье. Во всяком случае, на Намазга-депе одновременно существуют и круглые, и прямоугольные печи.

Печи типа Чурнок—Уч-депе могут рассматриваться как дальнейшая, более прогрессивная трансформация круглых намазгинских. Сложные по конструктивному устройству, с максимальным использованием горячего воздуха, они представляют собой последующий этап развития техники среднеазиатского гончарства. Культурные взаимосвязи римлян с Востоком осуществлялись в основном через Переднюю Азию, а отсутствие подобных печей в римских провинциях указывает, по-видимому, на местный вариант развития древнего гончарства.

Нередко печи располагаются попарно — большая и малая, что указывает на некоторую дифференциацию процесса производства. В более примитивных печах Мингечаура для этой цели конструировались специальные отделения, где производился обжиг более мелкой посуды.

Обобщая известные в настоящее время данные о гончарном производстве древней Маргианы, следует признать, что разделение труда, видимо, наметилось уже во второй половине II тысячелетия до н. э. (Аучин-депе, поселение Тахирбай 2). Этот вывод подтверждается тем, что почти вся продукция сделана на гончарном круге, причем использовался круг быстрого вращения. Показательно также многообразие форм изготовлявшихся сосудов со специализацией выделки по назначению.

Продукция керамических горнов I тысячелетия до н. э. была связана с товарным производством, ограниченным рамками внутривременного объединения²¹. Так, продукция из печей Уч-депе в порядке меновой торговли попадала на все три холма поселений.

Интересно, что «столичное» поселение этого оазиса (Яз-депе) сохранило сравнительно малое количество керамических печей, которые не могли удовлетворить даже минимальные потребности в посуде. Если на Аучин-депе концентрация печей на близлежащем такыре около поселения может рассматриваться как частный случай (противопожарная мера), то пункт с горнами на Уч-депе можно считать уже как бы зародышем больших ремесленных кварталов античных и средневековых городов Востока.

---

²¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, 1937, стр. 139.

Б. Э. ГАМБУРГ и Н. Г. ГОРБУНОВА

АК-ТАМСКИЙ МОГИЛЬНИК

За последние 25 лет в Ферганской долине стал известен ряд памятников и отдельных находок, относящихся ко второй половине I тысячелетия до н. э.¹ Однако ни на одном из открытых памятников не были проведены стационарные работы, что не давало возможности говорить в целом о культуре населения Ферганы второй половины I тысячелетия до н. э. Вопрос этот может быть поставлен в настоящее время в связи с раскопками Ак-Тамского могильника².

В 9 км к югу от г. Ферганы, между кишлаками Бурбалык и Аим, в широтном направлении проходит вторая полоса адыров (первая полоса — предгорные адыры). На этих галечниковых адырах, покрытых сравнительно тонким, лёссовым слоем со скупой растительностью, зафиксированы многочисленные могильники, относящиеся к различным хронологическим периодам.

Исследованный нами могильник расположен вдоль обрыва адыра над селениями Ак-Там и Дамкуль. Аналогичные могильники открыты в районе селения Суфан на краю той же линии адыров и восточнее, в 3 км к югу от кишлака Валик, на увалах предгорий³.

В Ак-Тамском могильнике есть курганы с каменными и земляными насыпями. Под земляными насыпями выявлены известные в Фергане погребения в катакомбных камерах, датируемые исследователями первой половиной I тысячелетия н. э.

¹ Первые сообщения о памятниках этого периода появились в связи с работами археологической экспедиции ГАИМК [Б. А. Латынин. Отчет о работах (Фергана). Археологические работы на новостройках, II, Известия ГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 120—157]. Первоначальная датировка материалов с городища Эйлатан, предложенная Б. А. Латыниным, была позднее пересмотрена автором в связи с открытием новых памятников [см. тезисы доклада, сделанного на пленуме ИИМК в 1955 г., посвященном итогам полевых археологических исследований института в 1954 г. (секция Средней Азии)]. Памятники того же времени открыты во время работ на Большом, Южном и Северном ферганских каналах. Мы имеем в виду керамику с поселений на строительных участках 7—10 и инвентарь из погребения на пикете 48 строительного участка 21 на трассе БФК (Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Труды Института истории и археологии Академии наук Узб. ССР, т. IV, 1951, стр. 23, 24, 35, 46); сосуды из погребений у селений Чек и Касканьяр (Т. Г. Оболдуева. Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале. Известия Узб. ФАН СССР, 1940, № 10, стр. 30), а также отдельные погребения из Кувинского могильника (В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Известия Узб. ФАН СССР, 1940, № 10). К этой же группе памятников относится Тюлейкенский могильник (А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 190).

² Проведены в 1954—1955 гг. Ферганским областным краеведческим музеем.

³ Все три могильника были открыты любителем-краеведом П. Т. Коноплей.

Основным объектом исследования явились курганы с насыпями из гальки: 1) округлые в плане, диаметром 3—5 м и высотой до 0,5 м («малые»; см., например, рис. 28—3) и 2) вытянутые в направлении с севера на юг, размерами от 5 × 3 м до 67 × 4 м, высотой до 0,6 м («длинные»; рис. 28—1). Могильник состоит из 2 крупных групп, расположенных в 1—1,5 км друг от друга. Из 40 «малых» и 12 «длинных» курганов 26 «малых» и 3 «длинных» находятся в южной части.

Из 52 курганов с каменными насыпями раскопано 27; в них вскрыты 52 могильные ямы. В 20 «малых» курганах — по одной могильной яме, в 7 «длинных» обнаружено под насыпью от 3 до 9 ям. Конструкция погребального сооружения во всех курганах одинакова: могильная яма глубиной от 0,3 до 0,9 м, засыпанная крупной галькой вперемежку с землей. Контуры ямы легко прослеживаются по каменной засыпи, начинающейся почти от самого костяка. Размеры ям варьируют в пределах от 1,4 × 0,4 м до 2,6 × 1,5 м. Погребальный обряд однотипен: вытянутое на спине трупоположение, головой на запад; только в одном кургане (№ 64) с 3 могильными ямами, расположенными одна над другой, 2 костяка из трех были ориентированы головой на север. В большинстве могил под головами (реже — под ногами) погребенных найдены овальные уплощенные гальки — своеобразные каменные «подушки». Посуду обычно ставили на уступе ям — «полочке», к югу от головы.

Количество погребенных в одной яме различно — от одного до четырех. Наряду с парными и тройными захоронениями отмечены случаи расположения костяков ярусами. Иногда у ног одного костяка брошены в беспорядке кости другого, что свидетельствует о вторичных захоронениях. В табл. 1 приведены различные варианты погребений.

Т а б л и ц а 1

Количество погребенных в могилах	«Малые» курганы	«Длинные» курганы	Всего
Индивидуальные погребения	6	14	20
Два взрослых рядом .	—	3	3
Один взрослый с одним или несколькими детьми .	3	2	5
Два взрослых с одним ребенком .	—	1	1
Два или три взрослых один над другим (ярусное погребение) .	3	4	7
Один взрослый и разбросанные кости второго скелета в ногах .	3	5	8
Один взрослый и разбросанные кости двух скелетов в ногах .	—	1	1
Два взрослых рядом и разбросанные кости скелета в ногах .	1	—	1
Два взрослых один над другим и кости скелета в беспорядке в ногах	—	2	2
Два взрослых с ребенком и кости скелета в беспорядке в ногах	1	—	1

При определении антропологического материала (крайне бедного в связи с плохой сохранностью костей) выявлено следующее сочетание погребенных⁴: женщина с ребенком (№ 38)⁵; 2 женщины рядом

⁴ Определение В. В. Гинзбурга.

⁵ Здесь и далее в скобках указаны номера курганов и погребений в них.

(№ 75 — 3); мужчина и в ногах у него в беспорядке кости двух женских скелетов (№ 31 — 3); мужчина, под ним костяк взрослого (пол не определен) и в ногах кости скелета ребенка (№ 75 — 1); мужчина, в ногах в беспорядке скелет взрослого (пол не определен; № 2); взрослый и разбросанные кости скелета мужчины в ногах (№ 34); 3 индивидуальных женских захоронения, из них два — старческого возраста (№ 75 — 4, № 30, № 33 — 3).

Анализ табл. 1 и антропологические данные позволяют говорить о семейных захоронениях.

Сооружение «длинного» кургана не было одновременным. Это прослеживается и по неравномерному расположению могильных ям, и по отклонениям их в ориентации в пределах 15° под одной насыпью. Насыпь создавалась постепенной подсыпкой или возникла в результате слияния близко расположенных надмогильных сооружений.

Типичным примером является курган № 76 (рис. 28 — 1). Он расположен в центре северной группы и ориентирован длинной осью с севера на юг. Длина — 18 м, ширина — 4 м, средняя высота — 0,6 м. Под насыпью вскрыто 8 могильных ям, расположенных на расстоянии от 0,3 до 1,5 м.

1. Яма ($2,1 \times 0,9$ м) обнаружена на глубине 0,55 м; в ней находились 2 скелета взрослых. На левом плече костяка, лежавшего севернее, — скелет ребенка, на груди которого оказались каменная спиралевидная пронизка (рис. 29 — 24) и маленькая пастовая бусина (бисер). Под левой ступней взрослого, лежавшего севернее, найден бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы скифского типа (рис. 29 — 9). В юго-западном углу ямы в стенной нише обнаружены 2 лепных сосуда, один в другом. Нижний — полусферическая миска со слегка уплощенным дном и узкой, плоской закраиной (высота — 7,5 см, диаметр — 20 см). По светлomu тесту снаружи нанесена желтоватая обмазка (рис. 30 — 8). В миске стояла полусферическая чаша со следами красной краски снаружи (высота — 8,5 см, диаметр — 11,5 см).

2. В яме размером $2,1 \times 0,75$ м на глубине 0,65 м обнаружено одиночное захоронение взрослого. Череп и голенные кости лежали на каменных «подушках». На «полочке» к югу от головы — 2 сосуда, один в другом. Нижний — плоскодонная лепная миска с резко расходящимися бортами (высота — 7 см, диаметр — 18 см). По красной глине снаружи — белая обмазка с росписью красной краской. Узор состоял из больших линейных треугольников и полукружий между ними (рис. 31 — 6). В миске находилась полусферическая лепная чаша со слегка загибающимися внутрь краями (высота — 9 см, диаметр — 11 см), покрытая черной краской с последующим лощением. В нижней миске найдены ребра барана, рядом с миской — обломки маленького железного ножа.

3. На глубине 0,75 м в яме размером $2,2 \times 1$ м вскрыт скелет взрослого. Под головой и под ногами были каменные «подушки». В ногах, в беспорядке — кости и череп второго костяка. На тазе слева — миниатюрное глиняное пряслице (рис. 29 — 26). На запястье и пальце левой руки — железный браслет и кольцо, около шейных позвонков — железная булавка. При костяке найдено каменное острие. На «полочке», к югу от плеча, стояли две лепные полусферические чаши со слегка загибающимися внутрь краями (высота — 7 и 8 см, диаметр обеих чаш — 11 см). Одна из них покрыта черной краской с лощением; на второй чаше по двусторонней желто-белой окраске (снаружи, в верхней части) нанесена красной краской роспись в виде пояса треугольников с сетчатой штриховкой и свисающими от края полукружиями (рис. 31 — 5).

4. В яме ($2,25 \times 1,15$ м) на глубине 0,8 м лежал скелет взрослого. Под нижней челюстью — железная булавка (длина — 7 см); на груди — срезанная раковина «каури» (рис. 29 — 17) и бусина из белой пасты.

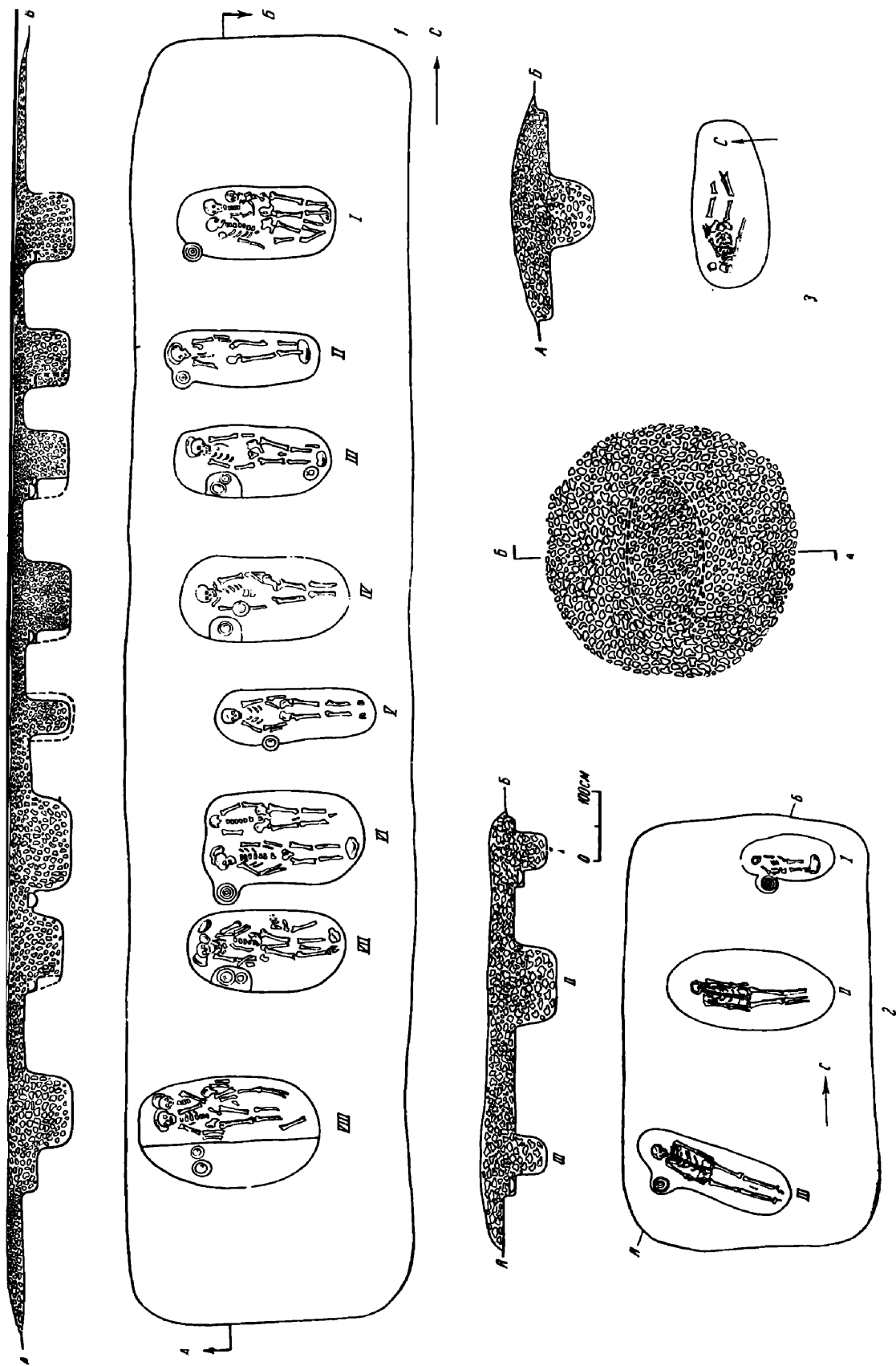

Рис. 28. Планы и разрезы курганов могильника Ак-Там.
 1 — курган № 76 («славыный»); 2 — курган № 33; 3 — курган № 26 («малый»).

На «полочке» стояла полусферическая лепная чаша с двусторонним светло-желтым покрытием и частичным лощением (высота — 8 см, диаметр — 12 см). На правом локте погребенного обнаружена полусферическая миска со слегка уплощенным дном и низкими бортами (высота — 7,5 см, диаметр — 18 см); на ее наружной поверхности заметны следы растрескавшейся светло-желтой обмазки с лощением.

5. В яме размером $2,2 \times 0,7$ м на глубине 0,65 м найден скелет взрослого. На правом предплечье — каменная шашкообразная поделка (пуговица ? Рис. 29 — 28). В засыпи обнаружена глубокая лепная полусферическая чаша с двусторонней черной окраской и лощением (высота — 9 см, диаметр — 12 см). На «полочке» — лепная миска с уплощенным дном и низкими бортами (высота — 5,5 см, диаметр — 16,5 см; рис. 30 — 10).

6. Яма была размером $2,2 \times 1,15$ м. В ней на глубине 0,65 м вскрыты 2 скелета взрослых, положенных рядом. Под черепом и ступнями костяка, лежавшего южнее, — каменные «подушки». С обеих сторон черепа — по серебряной серьге в виде несомкнутого кольца из проволоки (рис. 29 — 11). На шее лежали 8 белых пастовых круглых плоских бус-бисерин. На левом запястье — фрагменты железного браслета. На скелете, лежавшем севернее, найдены 4 овальные бусины из синего стекла, 3 пастовые бисеринки и между колен — каменное острие с кусочком сточенного графита (рис. 29 — 23). В углублении между 6 и 7-й ямами стояли — один в другом — 2 сосуда: верхний — лепная полусферическая чаша с загибающимися внутрь краями и двусторонним покрытием красной краской (высота — 8 см, диаметр — 11 см); нижний — лепная миска со слегка уплощенным дном и плоской закраиной, также покрытая красной краской (высота — 8 см, диаметр — 20,5 см).

7. На глубине 0,9 м в яме размером $2,2 \times 1,1$ м лежал скелет взрослого; под черепом — 2 маленькие каменные «подушки», к северу от него — третья. Непосредственно под верхним скелетом обнаружены кости еще одного, череп которого находился в ногах верхнего. При верхнем скелете обнаружены: между правым плечом и ребрами — наременная костяная пряжка с отверстиями для прикрепления, украшенная циркульным орнаментом (рис. 29 — 12); 2 костяные трубочки (рис. 29 — 15, 16) и альчик; у левого бедра — оселок (рис. 29 — 19) и миниатюрная каменная пластинка. На «полочке» обнаружены 2 сосуда: лепная полусферическая миска со следами двусторонней красной окраски (высота — 7 см, диаметр — 20 см); в миске — кости барана и небольшой ножик, а рядом с ней — плоскодонный горшок, сделанный на гончарном круге. Шейка прямая, вертикальная, устье широкое (высота — 10 см, диаметр — 15 см). Тесто светлое; обжиг хороший, ровный.

8. В яме размером $2,4 \times 1,3$ м на глубине 0,9 м находились рядом 2 скелета взрослых. Черепа обоих — на каменных «подушках». Кости скелета, лежавшего севернее, слегка сдвинуты; у него на груди найдено глиняное коническое пряслице. У таза скелета, лежавшего южнее, обнаружены железные булавка и пряжка с вертикальным шпеньком. На большой «полке», которая шла вдоль могильной ямы, у правого плеча скелета, лежавшего южнее, оказались 2 плоскодонные миски с широким, плоским бортиком по краю, сделанные на гончарном круге (высота первой — 10,5 см, диаметр — 23 см, рис. 30 — 16; высота второй — 7,5 см, диаметр — 16,5 см).

Фрагменты, найденные в засыпи кургана, повторяют формы сосудов из погребений. Это обломки 7 лепных чаш и 2 мисок, станковой миски с прочерченными по тулову двумя кольцевыми углублениями, лепного узкогорлого горшка с росписью по горловине и тулову в виде заштрихованных треугольников и косой сетки (рис. 30 — 27), фрагменты двух станковых горшков и часть уплощенного дна сосуда с отпечатками ткани. Узкогорлый горшок (рис. 30 — 29) встречен только в засыпи.

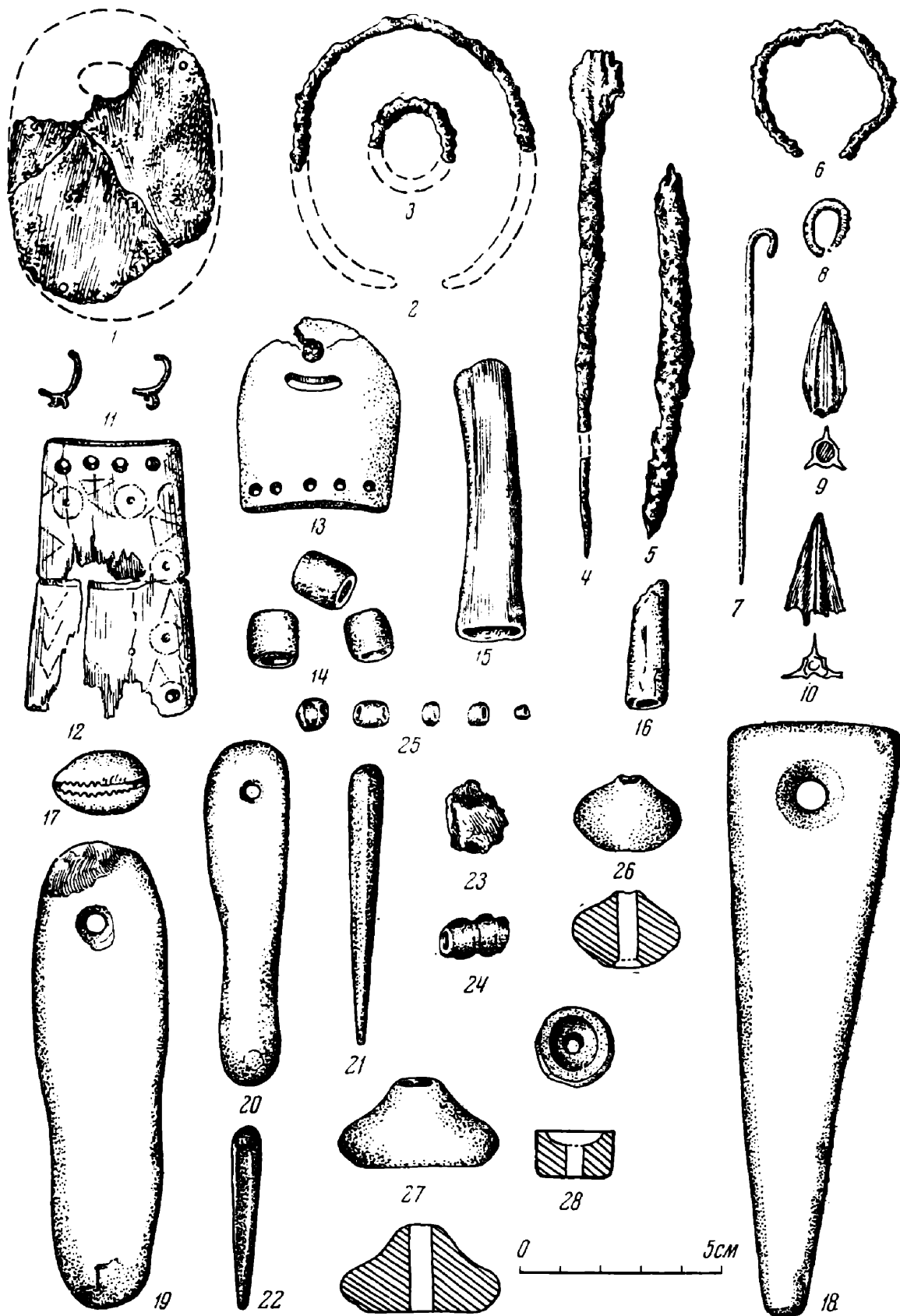

Рис. 29. Вещи из погребений могильника Ак-Там.

1 — железная пластинка; 2, 3, 6 — железные браслеты; 4, 5 — железные булавки; 7 — бронзовая булавка; 8 — бронзовая подвеска; 9, 10 — бронзовые наконечники стрел; 11 — серебряные серьги; 12, 13 — костяные пряжки; 14 — бусы костяные; 15, 16 — костяные трубочки; 17 — раковина каури; 18—20 — оселки; 21, 22 — косметические палочки; 23 — кусочек графита; 24 — пронизка; 25 — бусы; 26, 27 — глиняные пряслица; 28 — каменная поделка.

В южной группе отмечены курганы, занимающие, по-видимому, промежуточное положение между «длинными» и «малыми». Таков курган № 33; его насыпь (длина — 6 м, ширина — 4 м, высота — 0,3 м) вытянута с севера на юг. Общая конструкция аналогична устройству кургана № 76. Под насыпью обнаружены 3 могильные ямы, ориентированные с запада на восток, причем яма № 3 несколько смещена (рис. 28 — 2).

1. Яма размером 0,6 × 0,25 м вскрыта на глубине 0,45 м. В ней обнаружен костяк ребенка, лежавший на спине; ноги слегка подогнуты и положены на каменную «подушку». На «полочке» около правого предплечья — 2 сосуда, один в другом. Верхний сосуд — лепная полусферическая чаша со слегка уплощенным дном, бракованная (высота — 8 см, диаметр — 11 см; рис. 31 — 4). По беловатому фону поверхности нанесена красная роспись в виде пояса из заштрихованных треугольников (вершинами вниз), ограниченного двумя линиями. Нижний сосуд — лепная полусферическая, асимметричная миска (высота — 6 см, диаметр — 17 см). Чуть ниже края проведена неровная линия красной краской.

2. В яме (2,3 × 1,1 м) на глубине 0,6 м вскрыт костяк взрослого. Между правой рукой и ребрами лежал узкий однолезвийный железный нож. В засыпи ямы обнаружены фрагменты лепной полусферической глубокой асимметричной чаши (высота — 8 см, диаметр — 11 см).

3. Яма размером 2,3 × 0,6 м обнаружена на глубине 0,45 м. В ней находился скелет женщины старческого возраста. Между колен — заостренная каменная палочка с кусочком сточенного графита; у правого плеча, на «полочке» — 2 сосуда, один в другом. Верхний сосуд представлял собой лепную полусферическую чашу (высота — 7 см, диаметр — 11 см), по беловатому фону которой красной краской нанесена роспись из двух поясов заштрихованных треугольников; нижний сосуд — лепная миска с уплощенным дном, расходящимися краями и плоским бортиком, с двух сторон покрытая красной краской (высота — 6 см, диаметр — 19 см).

В качестве характерного примера малых курганов отметим курган № 26 (диаметр — 3 м, высота — 0,25 м). Под насыпью находилась одна могильная яма (2,2 × 1 м), вытянутая с запада на восток (рис. 28 — 3). На глубине 0,7 м лежал костяк взрослого; ноги были слегка подогнуты; череп — на каменной «подушке». На шее слева обнаружены 2 булавки: одна — железная, с утолщением на конце, другая — из бронзовой проволоки с острым и загнутым крючком концами (рис. 29 — 4, 7); под нижней челюстью — 19 пастовых бус-бисерин.

К северу от головы лежал на боку небольшой плоскодонный горшок с вертикальной шейкой и широким устьем, сделанный на гончарном круге (высота — 9 см; диаметры: устья — 10,5 см, дна — 5 см). Тесто светлое, обжиг ровный, высокотемпературный (рис. 30 — 23, а).

Инвентарь из описанных курганов характерен для всего могильника. Наиболее обильна керамика; в 52 могильных ямах найдено 84 сосуда. Кроме того, в насыпях курганов и в засыпи могильных ям встречено большое количество черепков.

Керамика делится на 2 группы: вылепленную от руки и сделанную на гончарном круге, причем первая явно преобладает, составляя $\frac{2}{3}$ собранного материала. Следует отметить, что лепная посуда чаще встречается в «длинных» курганах — и в погребениях, и в виде фрагментов в засыпи, тогда как в «малых» преобладает станковая посуда (в 32 могильных ямах «длинных» курганов — 46 лепных и 10 станковых сосудов, в 20 «малых» — 12 лепных и 16 станковых). Формы сосудов внутри групп довольно однообразны; сосуды отличаются размерами и отделкой.

Для лепной посуды основными формами являются полусферические миски и чаши со слегка загнутыми внутрь краями (рис. 30 — 1, 7). Реже встречаются миски, а иногда и чаши с уплощенным или плоским дном

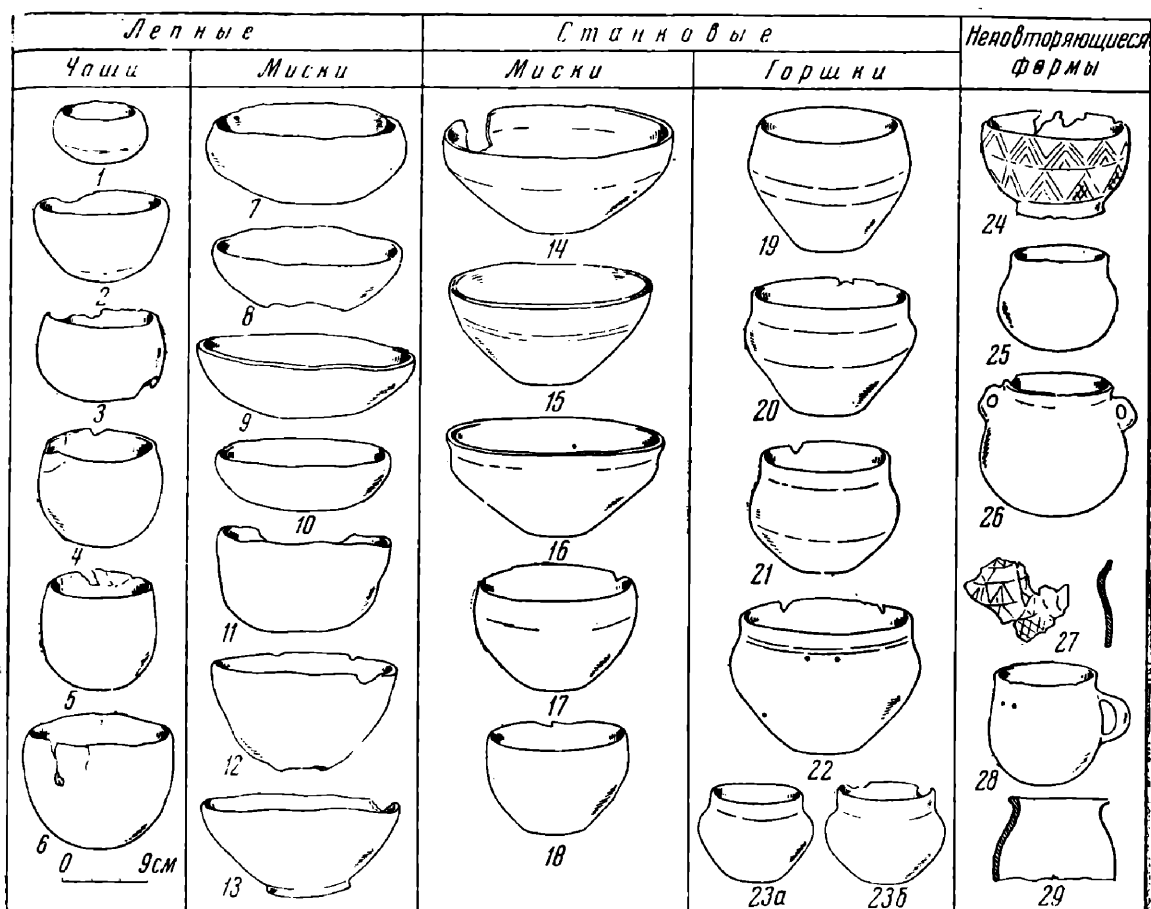

Рис. 30. Типы керамики из Ак-Тамского могильника (1—29).

(рис. 30 — 3, 8—13). У большинства мисок край горизонтальный, плоский. Средние размеры чаш: высота — 6—9 см, диаметр — 9—12 см; размеры мисок: высота — 6—9 см, диаметр — 18—22 см. Встречаются формы промежуточные (рис. 30 — 6). Большая часть сосудов сделана из глиняной массы без примесей. Обжиг слабый, черепок в изломе двуцветный; реже встречаются хорошо обожженные изделия. По технике отделки сосуды этой группы делятся на 3 типа: сосуды с серым в изломе черепком, покрытые черной краской; сосуды, сплошь покрытые красной краской, и сосуды с росписью темно-красной краской по беловатому фону. На всех сосудах видны следы лощения. Основной элемент росписи — треугольник, заштрихованный, контурный или сплошь закрасенный; иногда наносился орнамент в виде косой сетки, дугообразных линий, «лестницы». Сосуды, как правило, покрыты росписью в один или два пояса (рис. 31). Имеются фрагменты с отпечатками ткани на внутренней стороне.

В группе лепной керамики можно отметить и уникальные формы: глубокую чашку на дисковидном поддоне, сплошь покрытую росписью; круглодонный горшок с двумя петлевидными ручками, сделанный на матерчатом шаблоне, и небольшой горшок с прямым венчиком (рис. 30 — 24—26).

В группе станковой керамики ведущие формы представлены глубокими плоскодонными мисками (рис. 30 — 14—16) с широким бортиком (иногда с круговым углублением по нему) и горшками с прямым или отогнутым венчиком (рис. 30 — 20—23). Размеры мисок: высота — 9—11 см, диаметр — 20—23 см. Горшки делятся на малые (высота — 8—10 см, диаметр устья — 9—11 см) и большие (высота — 10—14 см, диаметр устья —

14—18 см). В этой группе также можно выделить формы промежуточные, переходные между мисками и горшками (рис. 30—17—19); необычен сосуд в виде кружки с большой вертикальной ручкой (рис. 30—28).

Для лепной посуды характерны асимметричность, грубый, неровный черепок, слабый, неравномерный обжиг и небрежная отделка. Станковая посуда резко отличается от лепной симметрией, превосходно отмученным тестом, тонким ровным черепком и высокотемпературным равномерным обжигом. В этой группе встречаются сосуды, покрытые белым ангобом, а иногда красной краской. Судя по качеству этой керамики, трудно допустить мысль о ее домашнем производстве; следует предположить появление гончаров-ремесленников.

Нельзя не отметить несомненную близость между формами сосудов обеих групп. Особенно ярко это прослеживается на мисках. Намечается типологический ряд развития форм сосудов от полусферических чаш и мисок к мискам плоскодонным (лепным и станковым) и дальше — к станковым широкогорлым горшкам (рис. 30—1, 23). Последние в этом ряду — узкогорлые горшки (рис. 30—27, 29), непосредственные предшественники горшков из более поздних подбойных и катакомбных погребений Ферганы. Миски, в свою очередь, в дальнейшем передают форму широко распространенным в могильниках и поселениях Ферганы рубежа нашей эры красноангобированным мискам с характерным перегибом стенок.

К группе керамических изделий относятся и небольшие конические пряслица (диаметр — 3—4 см; рис. 29—27).

Остальной инвентарь могильника весьма беден. Это в основном мелкие предметы быта и украшения. Чаще всего встречаются изделия из железа: узкие однолезвийные ножички, кольца, круглые в сечении браслеты с несомкнутыми концами (рис. 29—2, 3, 6), булавки с шишкообразными утолщениями на конце, служившие в качестве застежки ворота одежды. Кроме того, найдены железная пряжка с вертикальным шпеньком, железная полукруглая бляшка с неподвижным язычком и железная овальная пластинка, по краям которой сделаны отверстия для прикрепления (от панциря? рис. 29—1). Значительно реже встречаются бронзовые изделия: два трехлопастных втульчатых наконечника стрел, причем у одного лопасти овальные, у другого — прямые (рис. 29—9, 10); булавки, браслет с несомкнутыми концами, небольшая подковообразная подвеска с рифленой поверхностью (рис. 29—8). В одном из погребений обнаружены серебряные серьги. Изделия из кости представлены двумя пряжками, бусами и трубочками. Одна из пряжек плоская с большим отверстием на закругленном конце и мелкими — вдоль основания. Над большим отверстием — вертикальный железный шпенек (рис. 29—13). Цилиндрические (со срезанными и отшлифованными краями) бусы из трубчатых костей обычно находились у запястья (рис. 29—14). Кроме костяных, во многих случаях встречены плоские круглые и бочонковидные бусы из белой и синей пасты, реже — мелкие призматические сердоликовые (рис. 29—25), а также просверленные и срезанные раковины «каури». Среди каменных изделий — оселки различных форм, с отверстиями для подвешивания (рис. 29—18—20), косметические палочки с заостренным концом (вместе с ними иногда встречались небольшие сточенные кусочки графита; рис. 29—21, 22), каменные пронизка и подвеска (рис. 29—24, 28).

Попытаемся решить вопрос о датировке могильника.

Обряд захоронения в грунтовых ямах под невысокой округлой каменной насыпью и, видимо, аналогичный описываемым нами «длинный» курган Каракольского могильника⁶ позволяют связывать Ак-Тамский могиль-

⁶ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки... стр. 27—40, рис. 22—1, 24, стр. 181, 190, 193—207, 304; его же. Труды Семиреченской археологической

Рис. 31. Расписная керамика из Ак-Тамского могильника.

ник с памятниками сако-усуньского времени, т. е. с VI—I вв. до н. э. Важнейшим материалом для датировки могильника являются бронзовые наконечники стрел скифского типа, характерные для V—III вв. до н. э. Полусферические лепные миски и чаши, типичные для Ак-Тама, широко известны по раскопкам могильников на Тянь-Шане, Алае, Памире, в Семиречье⁷, Ташкентском оазисе⁸ и Ферганской долине⁹. Исследователи датировали эти находки в пределах второй половины I тысячелетия до н. э.

Особое место в вопросе о датировке занимает расписная керамика. Роспись посуды известна в Ферганской долине с эпохи бронзы¹⁰. Керамика Ак-Тамского могильника свидетельствует о продолжении этой традиции в более позднее время, но по технике росписи и изготовления, а также по формам она сильно отличается от чустской и дальверзинской керамики. Отсутствует характерная для этих поселений форма бокала и черная роспись по красному фону. Качество росписи явно ухудшается, краски менее прочны, роспись наносится небрежно. Несколько изменяется и орнамент, ведущим мотивом которого становится треугольник. Однако уже на Чустском поселении можно встретить отдельные сосуды, напоминающие ак-тамскую керамику, — это миски, покрытые красной росписью по светлому фону. Таким образом, ак-тамская керамика является естественным продолжением линии развития керамики из Чуста. Дальнейшее развитие этой традиции можно проследить в керамике с Шурабашатского городища, относящейся, вероятно, к следующему хронологическому этапу и отличающейся от ак-тамской большим разнообразием форм и лучшим качеством отделки¹¹. Отдельные расписные сосуды известны на более поздних памятниках (городище Мунчак-тепе, Кувинский, Гурмиронский, Джангаильский¹² и Карабулакский могильники). Наконец, мы встречаем роспись несколько иного облика на сосудах из средневековых поселений Ферганы (Кайковат-тепе, Узгенское городище, Ахсыкет и др.)¹³.

Параллельно с техникой росписи сосудов, в Ферганской долине в середине второй половины I тысячелетия до н. э. появилась техника процарапанного орнамента, что прослеживается по находкам из Тюлейкенского могильника (сочетание прорезных треугольников с последующей их окраской)¹⁴. Дальнейшее развитие эта техника получила в процарапанном орнаменте на станковой посуде без последующей росписи, но с ангобированием. Сосуды этого типа часто встречаются в катакомбных и подбойных

экспедиции. «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, стр. 67, 69, сводная классификационная таблица — рис. 5; М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3.

⁷ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки... МИА, 26.

⁸ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Известия Узб. ФАН СССР, 1940, № 9.

⁹ Т. Г. Оболдуева. Указ. работы.

¹⁰ М. Э. Воронцов. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук Узб. ССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Труды Музея истории Узб. ССР, вып. II, стр. 53—56; В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. (Раскопки 1953 г.). СЭ, 1954, № 3, стр. 69; е го же. Археологические работы в Южной Киргизии. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 75.

¹¹ Выражаем благодарность Ю. А. Заднепровскому, ознакомившему нас с материалом.

¹² О Мунчак-тепе см. В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 92—109. О могильниках см. С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954, стр. 131—147; Ю. Д. Баруздин. Карабулакский могильник. (Раскопки 1954 г.). Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР, вып. II, 1956.

¹³ Материалы находятся в фондах Ферганского областного музея.

¹⁴ О том, насколько широко был распространен этот способ украшения посуды, свидетельствуют находки на городищах раннекангуйского времени древнего Хорезма. — С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 86, рис. 21, 22, табл. I.

погребениях, а также на поселениях и городищах рубежа и первых веков нашей эры.

Прямые аналогии расписной керамике Ак-Тама мы находим на Алае в Шартском могильнике¹⁵, датированном VI—V вв. до н. э., в керамике с городища Эйлата¹⁶, а также в чаше, найденной гидрологом И. А. Анбоек в районе этого городища¹⁷.

Особо следует отметить керамику, сделанную на матерчатом шаблоне, которая обнаружена в могильнике. Ее очень немного — один сосуд и несколько фрагментов. Сосуды с отпечатками ткани на внутренней стороне известны по раскопкам могильника в Киргизии¹⁸, поселения Каунчи-тепа¹⁹ и поселения на овраге Бургулюк (Ташкентский оазис)²⁰, а также из находок около сел. Чек и Касканьяр (Ферганская долина)²¹. За последние годы стали широко известны находки подобной керамики на поселениях эпохи бронзы²². Следовательно, это давно бытовавшая техника изготовления посуды, существовавшая в течение всего I тысячелетия до н. э.; таким образом, наличие тканевых отпечатков на посуде не может служить основанием для абсолютной датировки. Однако для сочетания ряда признаков — тканевых отпечатков и полусферической формы чаш и мисок (иногда с заметным уплощением дна) — наиболее точной представляется абсолютная дата VI—IV вв. до н. э., предложенная А. И. Тереножкиным²³.

Прямые аналогии керамике, сделанной на круге, имеются только на городище Эйлата и в Дараут-курганском некрополе на Алае²⁴.

Дополнительным материалом для датировки могильника служат конические прясла, сменившиеся впоследствии биконическими, ангобирванными, характерными для подбойных и катакомбных захоронений и для поселений Ферганы рубежа нашей эры, а также каменные острия, несколько видоизменившиеся впоследствии.

Приведенные аналогии определяют хронологические рамки: V—IV вв. до н. э.—I в. до н. э. Но архаичность обряда захоронения («длинные» курганы), типичная для раннего периода форма наконечников стрел и явное преобладание лепной крашеной и расписной керамики, — с учетом развитых гончарных форм, — позволяют датировать Ак-Тамский могильник V—III вв. до н. э. Находки украшений из железа, наряду с бронзовыми наконечниками стрел, подтверждают эту дату. Явное преобладание железных украшений не дает возможности датировать могильник более ранним временем.

Изучение материалов Ак-Тамского могильника позволяет поставить ряд вопросов, связанных с характеристикой определенных групп населения Ферганской долины второй половины I тысячелетия до н. э. «Длинные» курганы представляются нам погребениями большой патриархальной семьи. Параллельно появились и индивидуальные семейные захоронения в «малых» курганах.

Одной из ведущих форм хозяйства у ак-тамцев, несомненно, было скотоводство, в частности овцеводство, что прослеживается по многочисленным находкам костей мелкого рогатого скота в погребениях. Развитое

¹⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 199, 200.

¹⁶ Б. А. Латынин. Указ. соч.

¹⁷ Хранится в Государственном Эрмитаже.

¹⁸ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Указ. соч.

¹⁹ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа. (Раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.

²⁰ А. И. Тереножкин. Указ. соч.

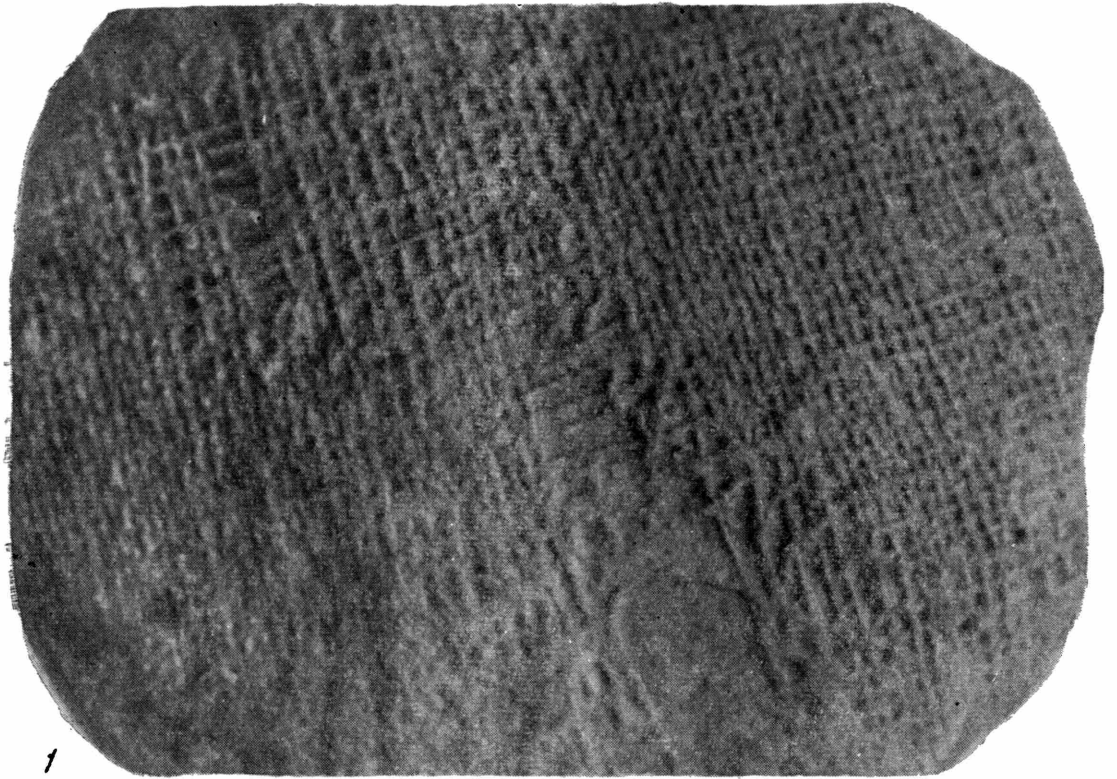
²¹ Т. Г. Оболдуева. Археологические наблюдения..., стр. 30.

²² М. Э. Воронец. Указ. соч.; ср. Алексеевское поселение (Казахстан).

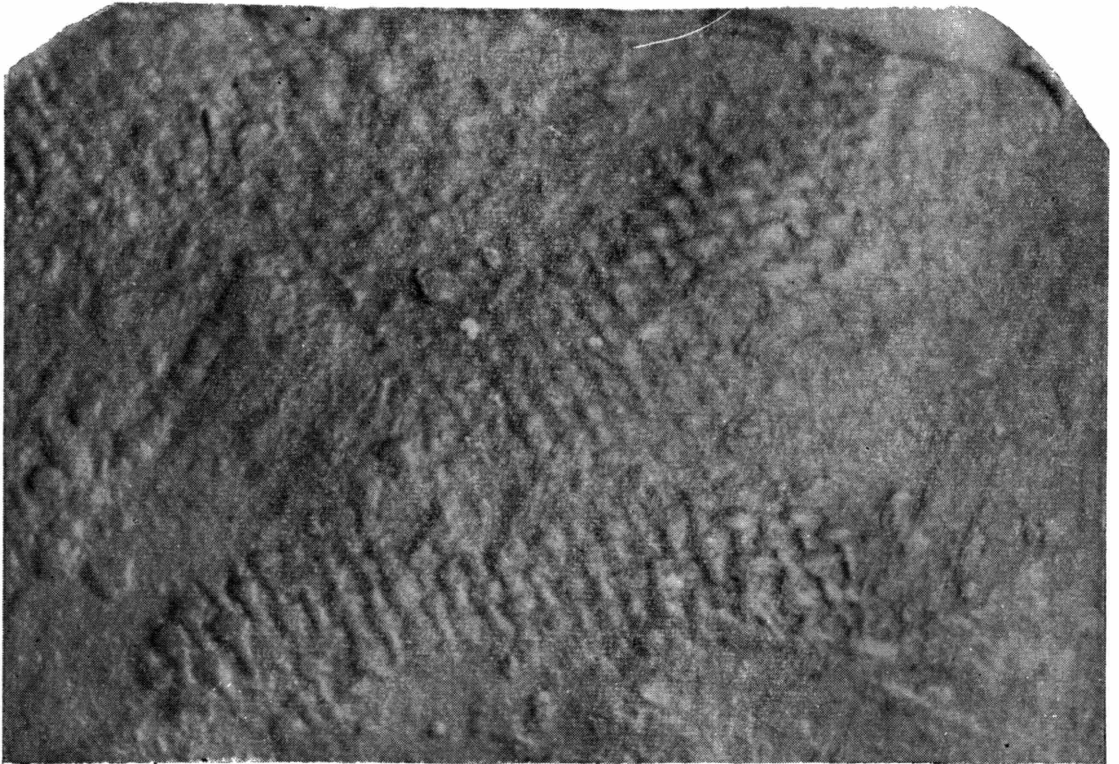
²³ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. Автореферат кандидатской диссертации. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 155, ср. рис. 69, XVII.

²⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 98, рис. 79—1.

1

2

Рис. 32. Отпечатки ткани на сосудах (1—2). Слепки.

скотоводство (овцеводство) может быть косвенно подтверждено местоположением могильника: его близостью к водным источникам, болотистым низинам с богатым травостоем и к предгорным адырам невысокого хребта Катран-тау с их богатыми пастбищами. Естественно предположить существование отгонного скотоводства, которое в известной мере обусловило взаимосвязи Ферганы и Алая и, возможно, способствовало продвижению туда части ферганских племен. Только этим можно объяснить общность элементов культур населения Ферганы и Алая, многократно прослеженную в памятниках и отмеченную в археологической литературе²⁵. Наблюдается эта общность, главным образом, в керамике. Объясняется ли это продвижением ферганцев в горы или просто тесной связью долинных и горных племен, — явным остается то, что ремесленным центром в тот период для Алая была Фергана.

Можно говорить о развитии некоторых ремесл. Выше уже отмечалась специализация гончарного ремесла, выделение его из домашнего производства, что видно по качеству и наметившейся стандартизации форм станковой посуды.

Т а б л и ц а 2

Ткань полотняного переплетения	Количество нитей	
	на 1 см по основе	на 1 см по утку
Образец 1	15	10
2	10	10
3	8	6
4	8	8
5	9	7

Находки в погребениях пряслиц неоспоримо свидетельствуют о ткачестве. Дополнительный материал о ткачестве дают отпечатки тканей на сосудах (рис. 32). Толщина нитей в тканях варьировала от 0,3 до 0,25 мм. Для формовки сосудов на шаблоне употреблялись ткани с жестким рельефом, дающие резкие, четкие отпечатки, не характерные для хлопчатобумажных тканей.

Вероятнее всего, использовались в качестве сырья шерсть и волокна лубяных культур. Во всех отпечатках отмечается простейшее полотняное переплетение нитей. Как правило, ткань очень редкая.

Из табл. 2 видно, что разница в плотности тканей была очень невелика; мало отличались ткани и по внешнему виду. Их можно сравнить по плотности и диаметру нити с современными тарными тканями (мешковинной, упаковочной сорочкой). Для изготовления таких тканей мог использоваться простейший горизонтальный ткацкий станок.

Материалы Ак-Тамского могильника позволяют уточнить датировку ранней расписной керамики Ферганы, выделив 3 периода в ее развитии: чувсткий — конец II тысячелетия — начало I тысячелетия до н. э.; актамский (эйлатанский) — VI—III вв. до н. э.; шурабашатский (ориентировочно III—I вв. до н. э.).

Видимо, могильник оставлен местным ферганским населением, культура которого до сих пор была известна по частичным раскопкам поселений и отдельным находкам. Культура этих племен, несомненно, является результатом развития и естественным продолжением культуры населения Ферганы эпохи бронзы. Однако окончательные выводы возможны лишь при массовом вскрытии могильников этого периода на всей территории долины и после раскопок синхронных им поселений. Только это позволит уточнить локализацию отдельных племен, известных по данным письменных источников.

²⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки.

В. В. ГИНЗБУРГ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ВУАДИЛЬСКОГО
И АК-ТАМСКОГО МОГИЛЬНИКОВ

В интереснейших могильниках Южной Ферганы — Вуадильском, эпохи поздней бронзы, и Ак-Тамском, усуньского времени, исследованных в 1954—1955 гг. Н. Г. Горбуновой и Б. З. Гамбургом, — костные останки погребенных сохранились очень плохо. Однако они особо интересны, так как это первые антропологические материалы с территории Ферганской долины, относящиеся к такому раннему времени. Лучше изучены антропологические материалы из могильников Ферганской долины I тысячелетия н. э.

Могильник Вуадиль, расположенный в 25 км к югу от Ферганы, датируется поздним этапом бронзы, т. е. X—VIII вв. до н. э.¹ К сожалению, из нескольких черепов лишь один оказался в относительно хорошей сохранности — из кургана № 37. Подробную характеристику этого черепа мы приводили ранее². Здесь коротко отметим, что он принадлежал женщине зрелого возраста и относится к долихокранному европеоидному, точнее, протоевропеоидному типу, несколько напоминая черепа носителей афанасьевской культуры Южной Сибири и Алтая.

Из кургана № 29 удалось сохранить фрагменты женского черепа старческого возраста, по которым хорошо определяется европеоидный расовый тип.

Череп из южного погребения кургана № 31 принадлежал, по-видимому, женщине зрелого возраста. К сожалению, череп распался на мелкие фрагменты, почти недоступные изучению; однако до разрушения удалось измерить его продольный и поперечный диаметры (180 и 142 мм), из чего можно заключить о мезокранной форме черепной коробки (черепной указатель — 78,9).

Череп женщины зрелого возраста из кургана № 35 также разрушился. Предварительные измерения продольного (190 мм) и поперечного (140 мм) диаметров черепной коробки показали, что она — долихокранной формы (черепной указатель — 73,7).

Нужно отметить альвеолярный прогнатизм, выявленный на женских черепах из курганов № 29 и 37.

Вот все, что мы пока знаем о черепах из Вуадильского могильника. К этому добавим, что череп из скорченного погребения эпохи бронзы в Чусте на севере Ферганской долины (раскопки В. И. Спришевского

¹ Н. Г. Горбунова и Б. З. Гамбург. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956.

² В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, М., 1956.

в 1955 г.), изученный В. Я. Зезенковой, о чем она любезно сообщила нам, также относится к типичным долихокранным европеоидным типам. У нас начинает складываться определенное представление об антропологическом типе населения Ферганской долины в эпоху бронзы: оно обладало европеоидным долихо-мезокранным типом.

Антропологические материалы из могильника Ак-Там³, датируемого сако-усуньским временем (V—III вв. до н. э.) и расположенного также неподалеку от Ферганы, доставлены в большом количестве, но, к сожалению, плохо сохранились; однако и в таком виде они весьма интересны как первые относящиеся к этой эпохе.

Приводим характеристику черепов, насколько можно было их определить.

К у р г а н № 2. Череп мужчины (?) возмужалого возраста. Лицо узкое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости, со средне глубокими клыковыми ямками и средне или значительно выступающим носом. Надбровные дуги развиты слабо. Антропологический тип — европеоидный.

К у р г а н № 30. Череп женщины старческого возраста. Лицо узкое (122 мм?), средне высокое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости, со средне глубокими клыковыми ямками и значительно выступающим носом. К этому можно добавить средне развитые надпереносье и надбровные дуги. Альвеолярный прогнатизм. Антропологический тип — европеоидный.

К у р г а н № 31. В могильной яме 3 обнаружены:

1. В основном погребении — череп мужчины зрелого возраста, возможно, брахикранного типа, со средне развитыми надпереносьем и надбровными дугами, значительно выступающим в горизонтальной плоскости лицом с глубокими клыковыми ямками. Антропологический тип — европеоидный.

2. Костяк — в ногах основного погребения, справа. Череп женщины зрелого возраста с прямым лбом, слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Клыковые ямки — средней глубины. Возможно, что череп — европеоидного типа.

3. Костяк — в ногах основного погребения, слева. Череп женщины (?) зрелого возраста. Черепная коробка, по-видимому, брахикранного типа. Лоб прямой, со средне развитыми дугами. Лицо, средне выступающее в горизонтальной плоскости. Нижний край грушевидного отверстия антропинный. Передненосовая ость выступает значительно (4). Возможно, что череп относится к европеоидному типу.

К у р г а н № 34. Череп костяка, лежавшего в ногах основного захоронения, принадлежал мужчине зрелого возраста и сохранился лучше других. Черепная коробка высокая, эллипсоидной, резко долихокранной формы (черепной указатель — 67,5), со средне наклонным лбом и средне развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо узкое (127 мм?), средне высокое (72 мм), средне выступающее в горизонтальной плоскости (130°), со средне глубокими клыковыми ямками, низкими глазницами и средне выступающим (но с высокими корнем и спинкой) носом (25°). Антропологический тип — европеоидный, близкий к средиземноморскому, хотя последнему не свойственны низкие глазницы.

К у р г а н № 38. Захоронение женщины зрелого возраста с двумя детьми на груди. Черепная коробка подвергнута прижизненной деформации и имеет конусообразную форму. Лоб со средне выраженным надпереносьем и слабо выступающими надбровными дугами. Лицо — на границе узких и средне широких (130 мм?), средне высокое (73 мм), значительно

³ См. статью Б. Э. Гамбурга и Н. Г. Горбуновой «Ак-Тамский могильник» в настоящем сборнике.

выступающее в горизонтальной плоскости, с мало углубленной клыковой ямкой. Нос выступает средне (26° ?), хотя для женщины эта величина значительна. Нижний край грушевидного отверстия антропинный; передне-носовая ость развита средне. Антропологический тип — европеоидный, несколько сглаженный, напоминает кенкольские черепа. Это сходство еще усугубляется деформированной черепной коробкой.

Курган № 75 (могильная яма 4). Женщина зрелого возраста. Черепная коробка, по-видимому, брахикранного типа со средне выраженными надпереносьем и надбровными дугами. Лицо узкое, низкое. Альвеолярный прогнатизм. Антропологический тип — европеоидный.

Таким образом, население юга Ферганской долины в сако-усуньское время характеризовалось европеоидным расовым типом в основном, по-видимому, с мезо-брахикранной формой черепной коробки и узким лицом, со средне или значительно выступающим носом и нерезко выраженными надпереносьем и надбровными дугами.

Фрагментарность материалов не дает еще возможности судить о месте этих черепов в систематике. Не исключена возможность, что они непосредственно восходят к мезо-долихокранному типу населения Ферганы в бронзовую эпоху, подвергшемуся брахикефализации. Возможно, что это переходная стадия к типу Среднеазиатского междуречья, на которой еще не выражены наслоения других типов. Наличие одновременно и долихокранного черепа имеет аналогии также в других сериях сако-усуньского и даже более позднего времени на территории Семиречья и Междуречья Средней Азии, являясь, по-видимому, пережитком некогда более распространенного в южной части Средней Азии антропологического типа.

Находка в кургане № 38 деформированного черепа с характерными особенностями кенкольского типа ставит перед исследователями новые вопросы, которые могут быть решены только при получении дополнительных материалов.

Л. П. ЗЯБЛИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ИССЫК-КУЛЕ

Объектами исследований на Иссык-Куле в 1955 г. были могильник и оседло-земледельческое поселение в урочище Койсу (на северном берегу), оседло-земледельческое поселение в устье р. Большой Джергалчак (в 6 км восточнее ущелья Барскаун) и могильник Кара-Шаар (против одноименной деревни в 25—28 км от г. Рыбачье по южному берегу).

Могильник Кара-Шаар расположен на гребнях северных отрогов хребта Терской-Алатау, сильно изрезанных глубокими оврагами. Он включает громадное количество курганов и занимает обширную территорию, протянувшуюся почти на 3,5 км. Большинство курганов расположено в меридиональных цепочках; на многих из них нет следов ограбления, а их насыпи сравнительно невелики. К западу от отдельных курганов, в непосредственной близости от них (на расстоянии 3—10 м) хорошо видны плоские каменные выкладки овальной формы, до 2 м в длину и до 1,5 м в ширину. Уже внешний осмотр могильника позволил видеть в нем новый, еще не описанный в литературе тип погребений, а меридиональные цепочки и кольцевые каменные выкладки у основания насыпей подсказывали усуньскую принадлежность курганов. Все эти обстоятельства и определили наш интерес к могильнику и решение провести раскопки.

Вскрыто 12 курганов. Их внешний вид типичен для большинства насыпей могильника, а размеры едва ли не являются наименьшими. Диаметр колебался от 3 до 6 м, при высоте от 0,3 до 0,95 м. Почти на всех курганах можно было видеть кольцевую выкладку у основания; иногда она была скрыта насыпью. Сама насыпь состояла из смеси не очень крупного камня, щебня и земли, хотя внешняя поверхность оставляла впечатление почти однородного камня.

Под насыпью открывалась могила. Она была перекрыта опиравшимися на стенки крупным камнем или деревянными бревнышками, травой, ветками, камышом. Бревнышки не составляли сплошного покрытия, а располагались «вразрядку» («заборчиком»). Стенки тщательно укреплены хорошей кладкой булыжного камня или каменными плитами, что придавало могиле вид каменного ящика (рис. 33).

Костяки лежали на земляном дне могилы вытянуто, на спине, ориентированы головой на юго-запад (в 6 случаях), на север (в 4 случаях), на северо-восток и запад (по одному погребению). Иногда под ними заметны следы растительного покрова или подстилки. Как правило, каждый курган включал одно погребение, и только в одном случае было еще впускное, без вещей. Основные погребения также чрезвычайно бедны — из 12 курганов (13 погребений) только в трех были вещи, в том числе 3 сосуда и серьга (рис. 34 — 1—3).

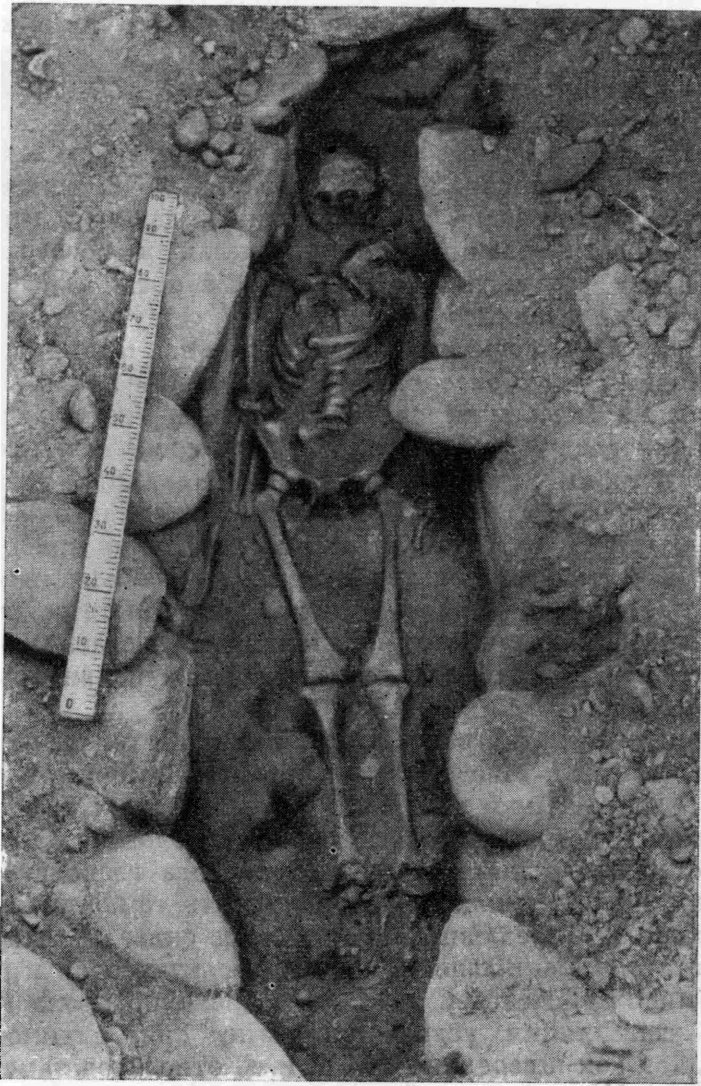

Рис. 33. Кара-Шаар, курган № 1. Могила с каменной обкладкой стенок.

Бедность инвентаря заставляет обратить особое внимание на обряд погребения, начиная с общей планировки могильника до деталей устройства курганов, могил и пр.

Около курганов находились плоские овальные каменные оградки. Мы раскопали 6 оградок, и только в одной найдены обломки сосуда. Оградки, несомненно, имели поминальное назначение. Это были огороженные камнем участки земли близ могил, куда клались или зарывались в землю приношения умершим. Подобный обычай хорошо известен у древних тюрок. Их поминальные оградки имеют, конечно, другое расположение, планировку, внешнее оформление в виде каменных изваяний и балбалов. Никаких следов балбалов около поминальных оградок могильника Кара-Шаар нет, различна и планировка; однако важен сам факт их существования в какой-то период жизни усуней.

Найденные вещи — сосуды и серьга — могут быть отнесены ко времени раннего средневековья, точнее, — к V—VII вв. н. э. Техника изготовления сосудов и некоторые мелкие особенности формы имеют черты древнеусуньские, но в то же время мы видим элементы, характерные для раннего средневековья. Технические особенности изготовления серьги,

а также и форма сближают ее с многочисленными серьгами так называемого аланского типа.

Усуньская принадлежность могильника Кара-Шаар несомненна. Это вытекает уже из расположения курганов и могил.

М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, открывшие усуньскую археологическую культуру¹, установили существование двух типов могильников (так называемые буранинский и чильпекский), датировав их первыми веками до нашей эры. Первый тип они отнесли к погребениям богатых усуней, второй — к погребениям усуньской бедноты или рабов. Но уже А. Н. Бернштам справедливо заметил, что между буранинским и чильпекским типами могил существует не социальная разница, а хронологическая, т. е. первый тип более ранний, а второй — поздний².

Кара-Шаарский могильник является третьим типом усуньских могил, характеризующим следующий за чильпекским хронологический этап. Этот новый этап в истории усуней складывался под влиянием тюркских орд, которые попеременно завоевывали Семиречье, начиная с VI в. н. э. Проникновение тюркского элемента в Семиречье можно предполагать и до VI в. н. э. Обитание на одной территории древнейших насельников края с пришельцами — тюрками привело к тому, что в быте усуней начали укореняться некоторые заимствованные у пришлого населения черты. Претерпел изменение обряд погребения усуней, и у них появились поминальные оградки.

Существование усуньского населения в эпоху тюркского завоевания не является неожиданным. Письменные китайские источники знают в числе обитателей Семиречья, кроме тюрок-пришельцев, также и усуней. Китайские известия об усунях со времен гуннских походов не обрываются сразу, а гложут постепенно в течение первого периода господства тюрок. Прекращение известий об усунях можно объяснить тем, что китайцы больше внимания обращали на реальные политические силы на севере и считались с ними. Завоеватели Семиречья заслоняли политической и военной активностью древнейших обитателей края. Одновременно проходила медленная, но упорная ассимиляция усуней тюрками; она, видимо, закончилась к VII в. н. э., так как к середине VII в. н. э. относится замечательное свидетельство Янь Шы-гу, китайского историка, принимавшего участие (627—650 гг.) в составлении истории дома Суй: «Усуньцы обликом весьма отличны от других иностранцев Западного края. Ныне тюрки с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян, суть потомки их»³. Кстати сказать, по предварительному сообщению Г. Ф. Дебеца, физический тип людей, погребенных в могилах Кара-Шаара, отличается европеоидными чертами, и, по-видимому, мы можем полностью перенести на погребенных характеристику, которую дал Янь Шы-гу.

Кроме могильника, в этом же районе, но в 1 км восточнее, на селище собрана керамика, очень похожая по технике изготовления на раннесредневековые, — возможно, также усуньские, — сосуды. Культурный слой, видимо, был постепенно смыт потоками воды, текущей с гор.

Интересные поселения сельского типа открыты нами в ряде пунктов побережья Иссык-Куля. На двух из них заложены раскопы. Культурный слой не очень обилен находками, что, впрочем, отмечается на всех селищах. Характер найденного материала, остатки домов и других хозяйственных построек позволяют считать такие поселения оседло-земледельче-

¹ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 162—179.

² А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 39, 40.

³ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 190, примечание 1.

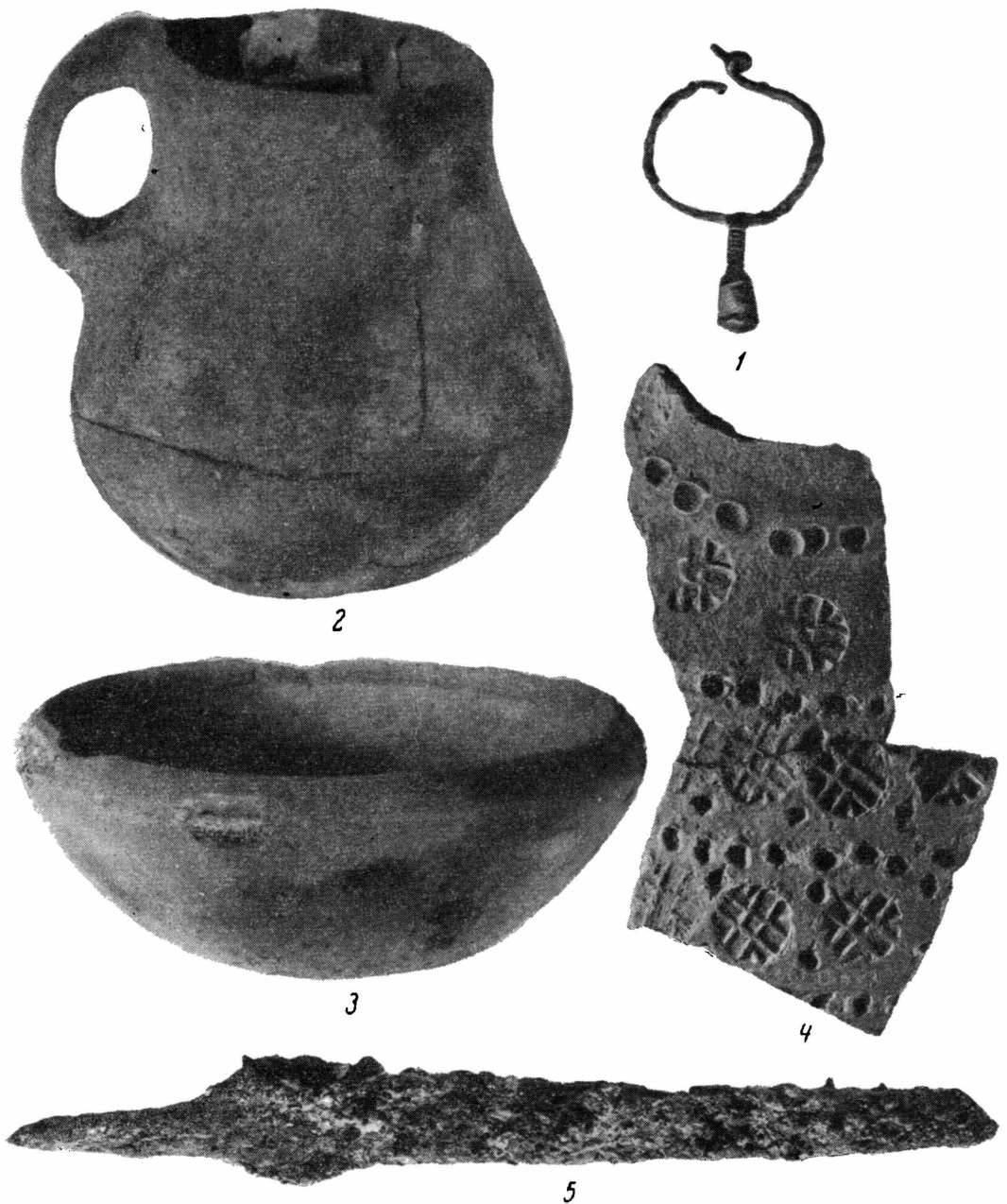

Рис. 34. Вещи из могильников Кара-Шаар и Койсу.

1 — бронзовая серьга (Кара-Шаар, курган № 6); 2, 3 — глиняные сосуды (Кара-Шаар, курган № 8); 4 — фрагмент сосуда (поселение Койсу 1); 5 — железный ножик (могильник Койсу, курган № 3).

скими. Время их существования — X—XI вв. Среди немногих обломков орнаментированных сосудов есть с отпечатками штампа (розетки, сетка в кружке) и линейно-волнистыми узорами (рис. 34—4).

Оба поселения — Койсу I и Большой Джергалчак — имеют следующие особенности. Жилые и хозяйственные помещения построены с использованием природного валунного камня, из которого сооружались нижние части стен, а верх и крыша строились с использованием глины, дерева и, наверное, войлока и шкур.

На конусе выноса р. Койсу (в 56—58 км от г. Рыбачий по северному берегу) расположено больше десятка жилых комплексов. Они занимают обширную территорию, равную примерно 30—33 кв. км. Между отдельными комплексами на Койсу расположены или участки древней пашни,

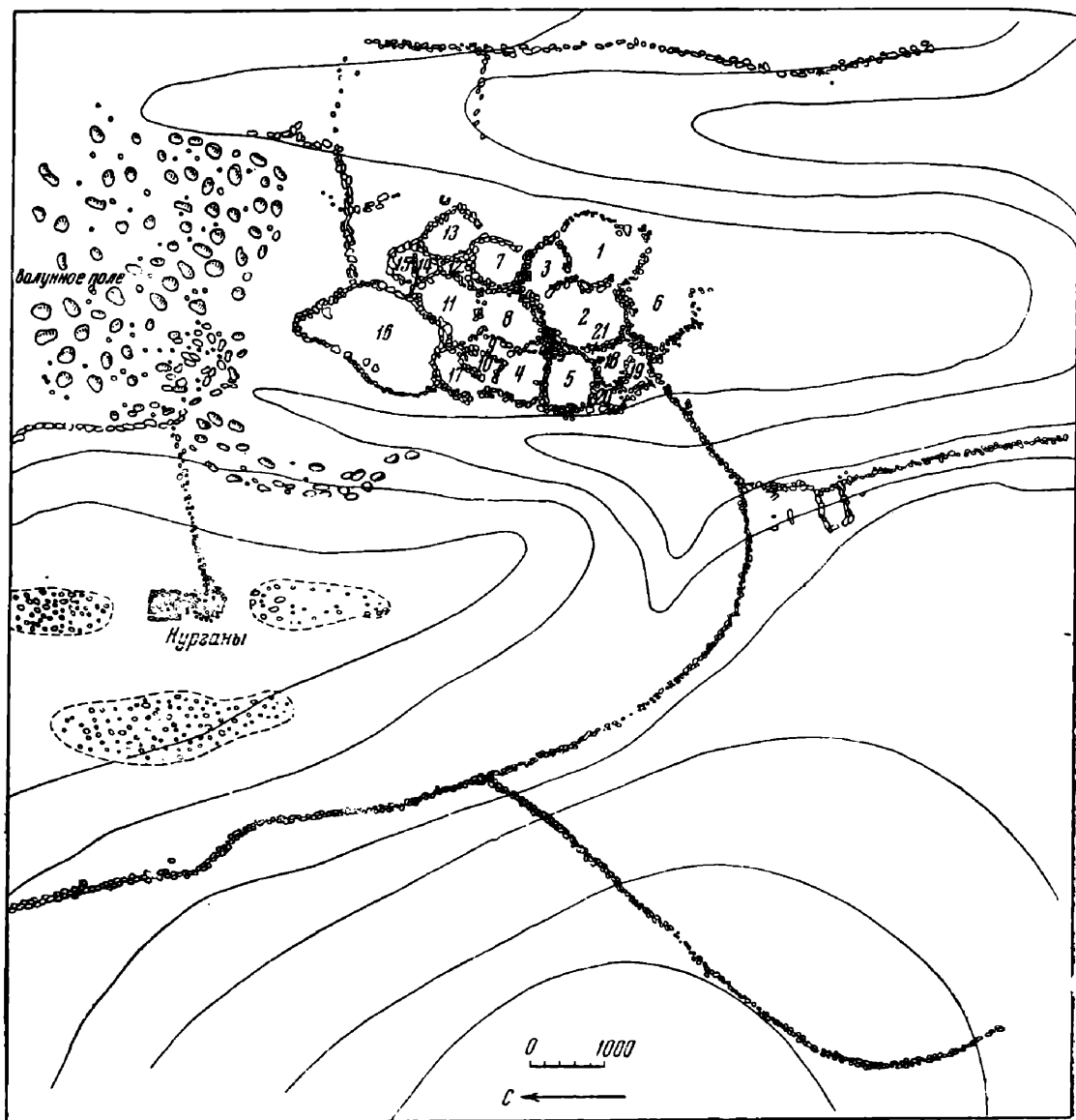

Рис. 35. План поселения Койсу I. Жилой и хозяйственный комплексы с участками древней пашни.

огражденные по меже рядами нарочито поставленных крупных валунов и грядами наложенного камня, или участками с беспорядочным нагромождением валунов, столь характерных для громадных конусов выноса.

Наличие участков древней пашни несомненно. Они тщательно очищены от валунов и камня (снесены на межу). Кое-где можно заметить неглубокие канавки, оставшиеся от арыков. Незамкнутый периметр многих участков исключает понимание их как загонов для скота; к тому же каменные межи не очень высокие и не могли служить оградой. Для загонов не требовалась столь тщательная очистка территории от крупных камней. Кроме того, — и это очень важно, — участки различных размеров и очертаний, примыкая друг к другу, примыкали также к жилым комплексам, группировались вокруг них.

На поселении Койсу I мы раскопали одно хозяйственное сооружение и два жилых. Всего помещений — 21 и некоторые из них, особенно смежные, имеют переходы (или дверные проемы; рис. 35).

Стены состояли из одного или двух рядов крупных валунов, вплотную поставленных друг к другу. На крупные валуны накладывался более мелкий булыжный камень. На одном из комплексов высота стен равнялась

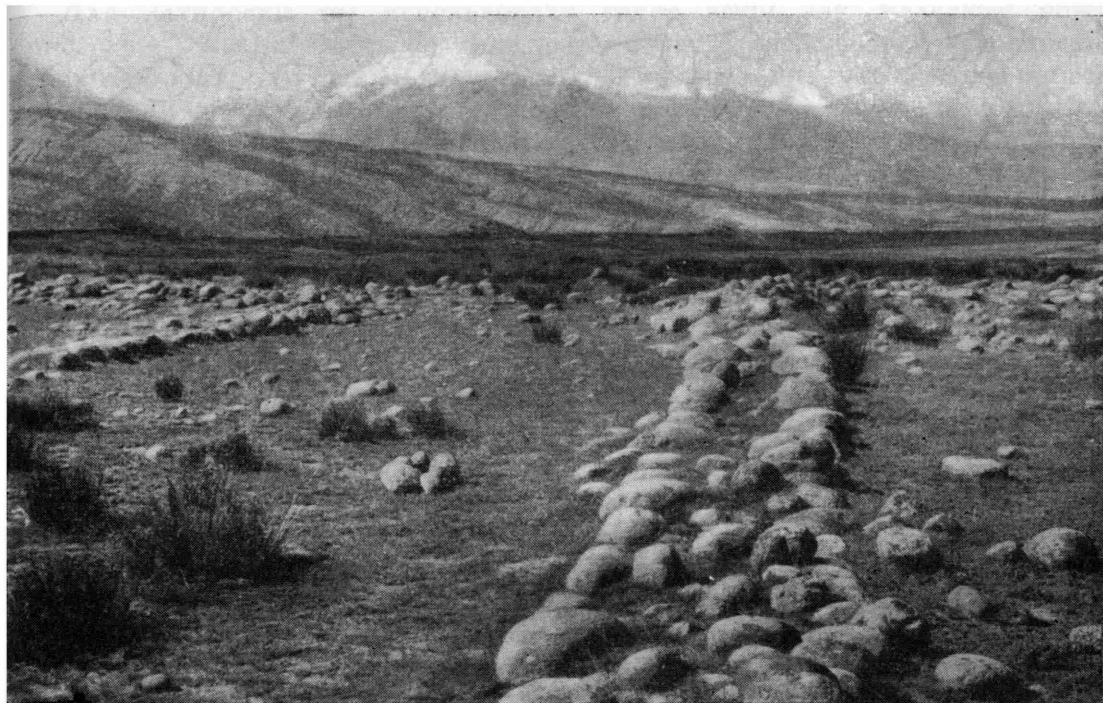

Рис. 36. Улица на поселении Большой Джергалчак.

росту человека. Камень, по-видимому, обмазывался и скреплялся глиной, подобно тому как это делается и сейчас в сельском строительстве. Выход из помещения всегда четко заметен в виде перерыва стенной кладки. В плане помещения чаще всего прямоугольные, иногда с округлыми углами.

Очень хорошо план и конструкция помещений выделяются на поселении у устья р. Большой Джергалчак (в 6 км восточнее ущелья Барскаун). Поселение это компактно расположено и правильно спланировано (рис. 36). Видны улицы, проезды; сохранился даже отрезок дороги, по которой проезжали древние путешественники — купцы и паломники, посещавшие южный берег Иссык-Куля.

К поселению примыкают сравнительно небольшие участки древней пашни, хорошо очищенные от валунов и камня. При этом камень здесь же сложен в кучи, которые первоначально нами были приняты за курганы; однако при раскопках их не обнаружено погребений, хотя в набросках встречалась средневековая глиняная посуда, сделанная на круге. В границах поселения также заметны следы пашен или садов, к которым ведут неглубокие теперь канавки арыков.

На поселении Большой Джергалчак заложен ряд шурфов и полностью раскопано одно помещение сравнительно небольших размеров (2,8 × 4,5 м). Стены его сооружены иначе, чем в Койсу I — два ряда крупных камней, между которыми сделана забутовка из глины и мелкого камня. В раскопе встретилось скопление углей, золы; найдены кости животных, обломки сосудов, в частности со штампованным и линейно-волнистым орнаментом, и один целый маленький сосудик. Из подъемного материала следует отметить обломок жернова на поселении Койсу I и куски жженных кирпичей у Большого Джергалчака.

Поселение Большой Джергалчак, по-видимому, упоминается в арабо-персидских географических сочинениях. Кудама (X в.) сообщает, что Верхний Барсхан (он у него назван Нушджан) состоит из 4 больших и 5 малых городов. В одном из этих городов находился тюркский гарнизон. Якут (XII—XIII вв.) пишет о 4 больших и 4 малых городах.

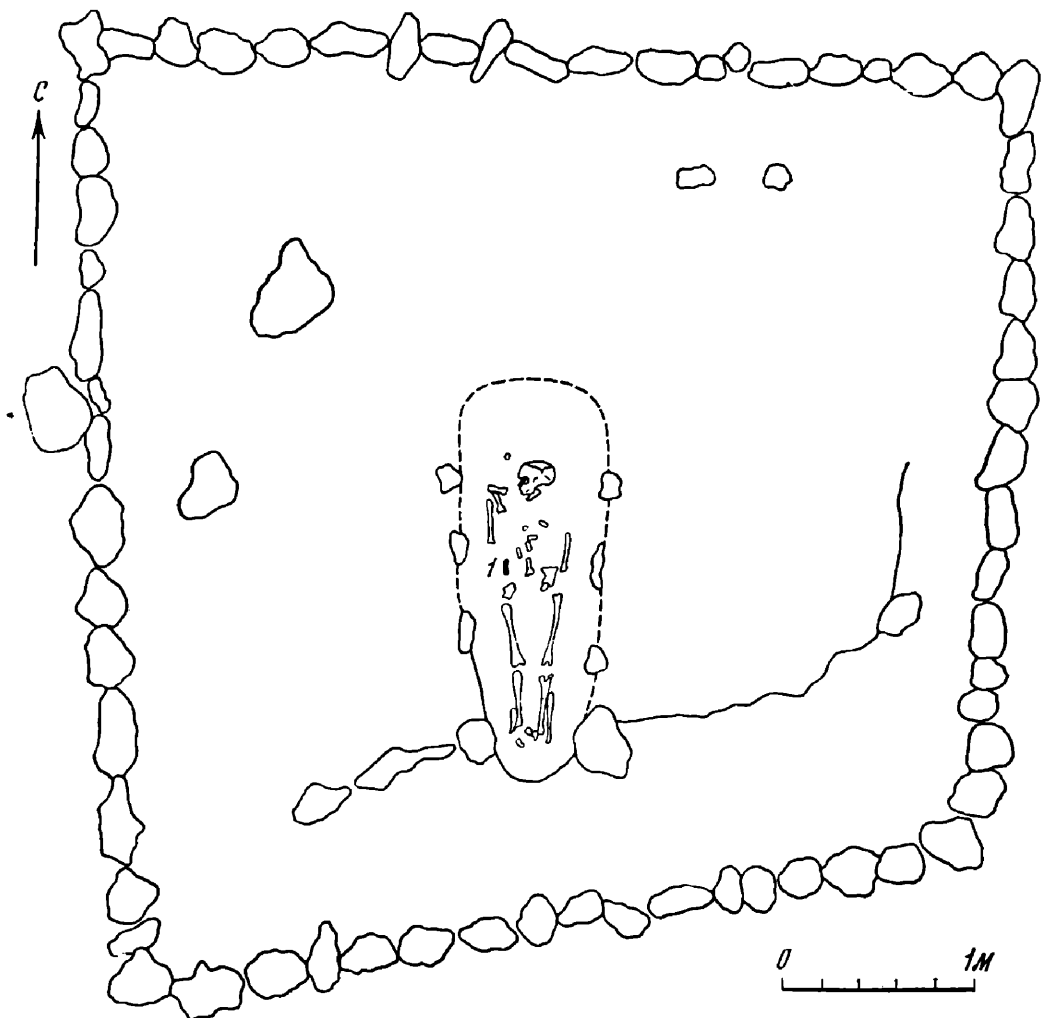

Рис. 37. Могильник Койсу. План прямоугольного кургана № 12.

1 — место находки амулета.

Как известно, Верхний Барсхан представлял собой целую область. В современной топонимике его имя сохранилось в названии ущелья и села Барскаун. Исследованное поселение в средние века было, видимо, одним из малых населенных пунктов Барсхана.

Для датировки древних пашен и поселения Койсу I (а следовательно, и Большого Джергалчака как памятника однотипного) немаловажное значение имеет то, что здесь встречаются курганы. Раскопка курганов должна была подкрепить датировку и участков древней пашни, на которых они расположены, и поселений. Мы раскопали 20 таких курганов. Их внешний вид весьма характерен. Они прямоугольной формы, в основании хорошо видно прямоугольное обрамление из более крупных валунов (рис. 37). По углам, а иногда в середине каждой из сторон поставлены особо большие камни. Один из раскопанных в 1954 г. курганов имел внутреннюю перегородку. Насыпи состоят из камня в смеси с землей и обычно хорошо задернованы.

Могила по стенкам были иногда укреплены каменными плитами. Все погребения, кроме одного, весьма бедные, часто без вещей или с такими вещами, которые для датировки трудно использовать (пряслица, сурьмяницы, оселки и др.). Преобладает северная и восточная ориентировка с отклонениями, но встречается также южная и западная. Сосудов нет ни в одном погребении.

Для датировки мы использовали такие вещи, как железные ножи (рис. 34 — 5). Они очень поздних форм и часто встречаются в позднекочевнических курганах даже золотоордынского времени. Ножи, относящиеся ко времени до X—XI вв., например из раскопок на Ак-Бешимском городище, резко отличаются от найденных нами. Обломок ножа, обнаруженный при раскопках поселения Койсу I, сходен с ак-бешимскими ножами, но отличается от ножа из кургана. Это обстоятельство уже подсказывает время прямоугольных курганов на Койсу. Нельзя не учитывать также общую бедность погребений, что является характерным в развитии погребального обряда вообще и в Семиречье в частности. Возможны, конечно, исключения, но они всякий раз требуют особого объяснения. Мы же имеем дело с 18 «бедными» погребениями на Койсу и, кроме того, с двумя десятками таких же погребений из Долинки (раскопки 1954 г.).

Резюмируя высказанные соображения о дате курганов Койсу, мы считаем возможным отнести их ко времени после гибели поселения, т. е. с конца XI в. до XIII в., если не позднее.

Прямоугольная форма кургана с каменной оградкой у его основания требует объяснения. При этом нужно обязательно учитывать физический тип погребенных. По предварительному определению Г. Ф. Дебеца, это европеоиды.

Откуда происходит прямоугольная ограда у курганов типа Койсу и Долинка? Представляется, что в этом сооружении виден древнейший обычай обрамлять участок земли, на котором расположен курган, прямоугольной каменной выкладкой, аналогичной той, которая существовала на могильнике Берккара II в Джамбульской области⁴. Выкладка вокруг кургана постепенно сужалась, пока, наконец, не слилась с самой насыпью, придав ей прямоугольную форму. Разве не так обстояло дело с кольцевыми выкладками сакских и раннеусуньских курганов, которые, постепенно сужаясь, составили кольцевое обрамление подножия курганного холма или даже самой могилы?⁵

Консервативность некоторых черт погребального обряда сохранила их до расцвета средневековья и документирует неизменность, несменяемость основного населения Семиречья, несмотря на бурные нашествия монголоидных тюркских, а потом монгольских орд, происходившие с VI по XIII в. Разумеется, параллельно с такими могилами существуют чисто тюркские по обряду погребения. На Койсу раскопан курган (№ 16), в котором вскрыто типично тюркское по обряду и вещам погребение.

Сейчас важно обратить внимание на устойчивость древнейшего этнического элемента в Семиречье с тем, чтобы не сбросить его со счетов при решении генеральной задачи, поставленной перед Киргизской экспедицией, — собрать материал для объяснения происхождения киргизского народа.

---

⁴ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, стр. 145, табл. XCV, 7.

⁵ Нам кажется несомненным, что и кольцевое, и прямоугольное обрамление могил в Семиречье и на Тянь-Шане продолжает глубокие андроновские традиции.

Л. И. РЕМПЕЛЬ

НЕКРОПОЛЬ ДРЕВНЕГО ТАРАЗА

Интересные археологические находки, освещающие культурно-историческое прошлое городов Южного Казахстана, были сделаны в г. Джамбуле летом 1950 г. при земляных работах на территории так называемого Мучного базара.

Первые археологические материалы на этой территории обнаружены еще в 1904 г. В. А. Каллауром: астодан (глиняная урна, оссуарий), выпуклая крышка которого украшена ручкой в виде петли; несколько хумов (корчаг), где, как и в астодане, оказались расчлененные человеческие кости¹. В 1927 г. здесь же произвел археологические работы М. Е. Массон, обнаруживший зороастрийские и несторианские погребения².

В последующие годы эти находки были полузабыты; главное внимание при раскопках 1939—1940 гг. уделялось шахристану древнего Тараза и некрополю на возвышенности Тик-Турмас, лежащей к юго-западу от города. На Тик-Турмасы встречены захоронения расчлененных человеческих костей, сложенных в отдельные кучки, а также в хумах. Захоронения признаны зороастрийскими и датированы VIII—IX вв. н. э.³

Находки 1950 г. на территории бывшего Мучного базара позволили заключить, что некрополь древнего Тараза дает наиболее интересные материалы и в том числе неизвестные на других аналогичных памятниках Южного Казахстана и Семиречья. Мучной базар в г. Джамбуле расположен западнее шахристана Тараза — на возвышенности, господствующей над значительной частью современного города, где некогда находились загородные замки и сады. Земляными работами 1950 г. верхняя часть бугра срезана почти на 2 м, причем на глубину в 0,5 м шел плотный слой галечника, прорезанного кое-где мусорными ямами. Под ним лежал слой более рыхлого галечника, прослоенного остатками сырцовых кладок на глубину до 1,6 м; ниже следовал снова более или менее плотный галечник, прослоенный песком.

Археологические находки сделаны в слое, содержащем остатки сырцовых кладок, выложенных в полкирпича. Культурных отложений, типичных для жилых кварталов, не обнаружено. Сооружения из сырца представляют собой остатки склепиков, или наусов, а найденные хумы, астоданы и отдельные сосуды связаны, очевидно, с погребальным культом.

¹ Астодан поступил через В. А. Каллаура в Ташкентский музей; см. протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, 1907, стр. 36, 37.

² И. И. Умняков. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Среднекомстариса, т. III. Ташкент, 1928, стр. 263—269.

³ Г. И. Пацевич. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасы (Джамбул). ИАН Каз. ССР, серия археологическая, вып. 1, 1948, стр. 98.

Рис. 38. Оссуарии древнего Тараза и скульптурные украшения.

1 — оссуарий № 1; 2 — оссуарии № 2 (спереди) и № 3; 3 — головка старика на крышке оссуария № 2; 4 — головка старика на крышке оссуария № 3.

Захоронения в терракотовых астоdanaх самые древние. На глубине от 1,2 до 1,6 м от поверхности обнаружено 5 астоdanов, более или менее целых, и много фрагментов. Наиболее глубоко залегающий астодан вылеплен от руки и почти прямоуголен (рис. 38 — 1). Размеры его — 53×40 см, при высоте (с крышкой) в 41 см. Стенки наклонены внутрь и закруглены в углах, переходя кверху в высокую овально-сферическую крышку. Крышка плотно прилегает к корпусу, так как первоначально составляла одно целое со стенками и была срезана ножом до обжига. Изваяние, обычно помещавшееся на крышке, не сохранилось; сверху имеется круглое отверстие диаметром 1,5 см. По стенкам ниже крышки проходит опоясывающий лепной жгут; поверхность крышки и стенок выше жгута украшена прочерченным до обжига свободным рисунком в виде вертикальных линий и округлых стеблей, образующих в целом ветвистый узор. Этот узор напоминает роспись стен на городище Красная Речка (Киргизия), датированную находками тюркешских монет VIII—IX вв. н. э.

Наиболее интересны две налепные человеческие фигурки, расположенные на лицевой стенке оссуария (рис. 39 — 1—3). Фигурки эти (высотой 16,5 см) стоят в рост; они в длинных одеяниях, гладких выше пояса и орнаментированных «в елочку» на полах. Руки скрещены на груди, кисти рук скрыты. Лица округлые, с тяжелым подбородком, носы плоские и удлиненные, рот маленький. Характерен горизонтально прочерченный разрез глаз

с припухлостью, скрывающей глазное яблоко и зрачок. В ушах — массивные грушевидные подвески; головы не покрыты, волосы уложены короткими прядями.

Лепка лица и общий облик фигурок несколько напоминают сирийско-несторианскую и отчасти буддийскую иконографию Семиречья и Китайского Туркестана, хотя и не имеют прямых аналогий.

Композиция человеческих фигур, стоящих фронтально, в рост, скрестив руки на груди, хорошо известна по некоторым произведениям восточного серебра, особенно VI—VIII вв. н. э. Слуги царей и ангелы-хранители у престолов божества изображались там иногда со скрещенными на груди руками⁴.

Фигуры в позах «служения» можно видеть на астодане, который хранится в Музее истории Академии наук Узбекской ССР в Ташкенте и датируется А. А. Потаповым VI—VII вв. н. э.⁵ В тех же позах изображены крылатые демоны на фрагментах астоданов из Самарканда (из коллекции Б. Н. Кастальского в Государственном Эрмитаже). Лицам на них придано то благожелательное (или бесстрастное), то враждебное (или отталкивающее) выражение. Такие изображения на стенках астодана олицетворяли, по-видимому, как на то указывал еще К. А. Инностранцев, «фравашей»⁶.

«Фравашаи» выступали в древней мифологии народов Средней Азии в роли ангелов-хранителей, т. е. существ доброжелательных, или демонов, т. е. существ, враждебных человеку. В Авесте «фравашаи» представлены то в образах воинов-хранителей, то в виде парящей птицы, изображающей душу умершего, то в виде крылатого демона. «Фравашаи» считались защитниками земледельцев, обитавших в оазисах и боготворивших воды, небесные и земные⁷.

«Фравашаи» требовали жертвоприношений — «мяса в руке». Такое требование отвечало культу предков, элементы которого входили составной частью в культ «фравашей».

На астодане из Тараза человеческие фигурки изображены без крыльев, со скрещенными на груди руками; здесь они — не ангелы или демоны, а слуги-охранители. Такая функция духа-охранителя не была присуща лишь земледельческим районам Средней Азии; она известна и в древнем Казахстане, где вне всякой связи с зороастризмом, еще на ранней стадии развития кочевого общества слуги-невольники должны были сопутствовать умершему знатному лицу и погребались с ним, иногда в одном захоронении (например, в Кенкольском могильнике на Таласе)⁸.

Вокруг астодана обнаружены глиняные кувшинчики, содержавшие остатки пищи, очевидно, жертвоприношения «душам предков», или «фравашам». Кувшинчики двух типов: три глиняных неполивных (высота — 12 см) с грушевидным туловом, высоким горлом и сильно отогнутой ручкой; два других — низкие (высота — 8,5 см), со сферическим туловом, перехваченным выпуклым поясом, и низким без венчика широким горлом, ручка — кольцевидная. Первые кувшинчики близки по форме серебряному

⁴ См., например, изображение Хосрова I Ануширвана (531—578 гг.) на Кунгурском блюде, хранящемся в Государственном Эрмитаже (И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935, табл. 13; Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XXXVII, 66 и др.).

⁵ А. А. Потапов. Рельефы древней Согдианы как исторический источник. ВДИ, 1938, № 2 (3), рис. 6.

⁶ К. А. Инностранцев. К истории домусульманской культуры Средней Азии. ЗВРАО, т. XXIV, 1917, стр. 138. Изображения крылатых демонов на астоданах см. фототаблицы Б. Н. Кастальского в Самаркандском музее — «Самаркандская терракота домусульманского периода», табл. II, 1; XIII, 3.

⁷ Авеста, яшт XIII. (Перевод Ф. Мищенко).

⁸ Сохранение указанного обычая в отдельных случаях и у тюрок отмечается в рассказе Земарха о погребении с хаканом Дизабулом 4 гунских пленных (Менандр Протектор, 247).

Рис. 39. Скульптурные фигурки (1, 2) на лицевой стороне оссуария № 1.
Деталь фигурки (3).

кувшину из с. Покровского Фрунзенской области⁹, хотя и несколько грубее по изготовлению; вторые по форме сходны с золотыми и серебряными кувшинчиками (с орхоно-енисейскими надписями) из кургана № 2 Чаатаса на Енисее, датируемые С. В. Киселевым VII—VIII вв. н. э.¹⁰ Кувшинчики второго вида из Таразского некрополя отличаются от сосудов среднего Енисея более низкой горловиной и отсутствием поддона.

Еще больше сходства обнаруживается у таразских кувшинчиков этого рода с некоторыми сосудами с Алтая, например серебряным кувшинчиком,

⁹ В. М. Городецкий. Серебряные сосуды из курганов села Покровского, Пишпекского уезда. Известия Средазкомстариса, 1925, № 1.

¹⁰ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1949, табл. LV, 3 и LVI, 2.

найденным у с. Туяхта, в кургане алтайской знати VI—VIII вв. н. э.¹¹ С. В. Киселев находит, что эта форма сосуда встречается на каменных изваяниях Алтая, изображающих предков или убитых врагов и датированных Л. А. Евтюховой VI—VIII вв. н. э.¹² Схожие, но более грубые формы таких кувшинчиков известны у ранних кочевников Ташкентского оазиса, но сосудики из Тараза технически более совершенны.

Второй астодан найден на глубине 1,5 м. Он прямоугольный в основании (размеры — 53 × 35 см, высота — 37 см), с плоским, слегка вогнутым внутрь дном; углы и стенки закругляются кверху и переходят в овальную крышку, увенчанную скульптурной головкой. Астодан стоял длинной осью в направлении с востока на запад. Посреди стенки, обращенной на юг, помещено изображение двустворчатой двери, сделанной жгутовидным налепом (рис. 38 — 2). Лицо головки, венчающей крышку, обращено, наоборот, к северу. Крышка плотно пригнана к неровным стенкам; она составляла с ними первоначально, видимо, одно целое и была срезана еще в сыром виде ножом.

Скульптурная головка на крышке (высотой 6,5 см; рис. 38 — 3) изображает старика со скорбным выражением лица. Голова его непокрыта; гладкая клиновидная борода вытянута и прочерчена волнистыми линиями; изогнутые брови также прочерчены линией; глаза выпуклые, выполнены налепом; схематически намечен небольшой рот с опущенными углами. В астодане обнаружены хорошо сохранившийся череп и аккуратно уложенные кости почти полного скелета.

Третий астодан (с глубины около 1,3 м) — почти прямоугольный в плане, с закругленными углами и овально-сферической крышкой. Размеры его — 56 × 34 см, высота с крышкой — 45 см; по верхнему краю проходит налеп в виде жгута; на одной из продольных сторон двумя вертикальными отрезками жгутов ограничен прямоугольник, в центре которого сделано отверстие диаметром около 1 см. Прямоугольник заполнен плохо сохранившимся «елочным» орнаментом в виде полусимметричных веток; над ветками располагаются значки $\wedge$; под ветками — неясные волнистые линии и оттиски около десятка клейм, имеющих вид восьмилепестковых розеток, вписанных в двойные кружки с заключающимися в них перлами.

Крышку астодана венчает грубо вылепленная от руки головка старика (высота — 6,5 см; рис. 38 — 4). У него лопатообразная борода с разделенными прямыми прядками, вдавленные пальцем глазные впадины с дырочками вместо глаз; маленькие дырочки ноздрей, оттопыренные уши, вдавленный рот. На темени оттиснута такая же, как и на стенке астодана, восьмилепестковая розетка, окруженная перлами. Стиль исполнения головки в общем тот же, что и терракотовых фигурок из Сукулук (Киргизия).

Скульптурные головки стариков на крышках таразских астоданов весьма интересны в связи с общим вопросом о назначении подобных изображений на оссуариях. В Среднеазиатском Междуречье на крышах астоданов известны изображения человеческой головы в венце или в крылатом шлеме; на хранящемся в ГИМ астодане изображена человеческая голова с клиновидной бородой, а на тейлякском астодане из Самаркандского музея — безбородая голова в шлеме с устрашающими чертами лица или маски.

В собрании Джамбульского археологического пункта Института истории и археологии Академии наук Казахской ССР хранится головка еще с одного таразского астодана, изображающая в грубых чертах ушастого человека, на плечах которого выделяются налепы — узкие жгуто-

¹¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1949, табл. ЛII, 5.

¹² Там же, стр. 306; Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Северного Алтая. Труды ГИМ, вып. XVI, стр. 128—130.

образные валики-змейки (рис. 40). Глаза сделаны наклепными кружочками, а зрачки проткнуты палочкой. Едва ли мы ошибемся, признав в этой грубой головке устрашающий образ Зохака с растущими из его плеч, согласно известной легенде, змеями. Изображение Зохака было помещено на крышке астодана, очевидно, с целью отвращения злых духов. Не совсем ясным остается смысловое значение фигурок старцев на двух других таразских астоданах. Если одна из них, более грубая и отгаливавшая, тоже может быть трактована как изображение Зохака (представлявшегося часто стариком), то вторую следует, скорее, считать изображением если не самого усопшего, то вообще предка рода или племени, ибо древний культ предков пережиточно сохранялся на юге Казахстана и до недавних пор в образах почитаемых «Баба́» и «Ата́». Головки «царя» или «воина» — в тех случаях, когда они не передают образа владыки царства мертвых — Зохака, — следует, может быть, рассматривать как элементы других заупокойных культов, с которыми связано уподобление умершего «царю» или «богу».

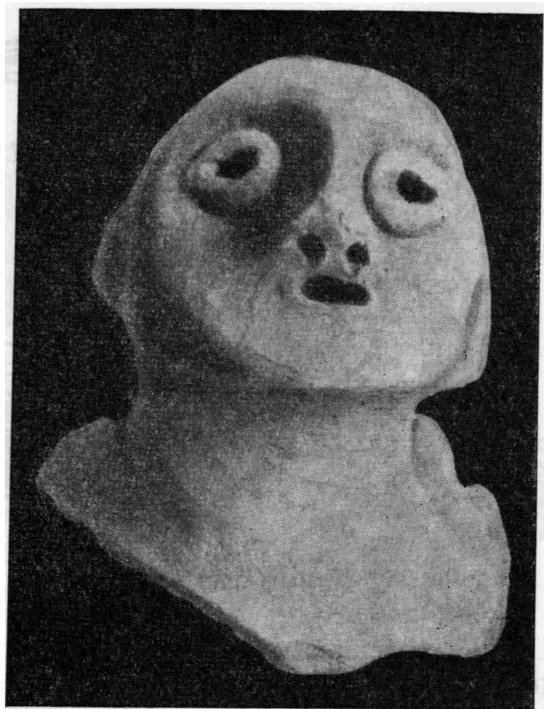

Рис. 40. Головка на крышке оссуария из Тараза. (Из собрания Джамбульского археологического пункта Института истории и археологии Академии наук Казахской ССР).

Четвертый и пятый астоданы (с глубины 1,2 м) менее интересны и не прибавляют данных к рассматриваемому нами вопросу. Оба они округло-прямоугольной формы, с выпуклой крышечкой и ручкой в виде утолщения, без скульптурных украшений, но с наклепами в виде жгута, охватывающего стенки примерно посередине. Астоданы эти близки по форме известным оссуариям с городищ Красная Речка (Киргизия) и Той-Тюбе (район Ташкента).

Помимо астоданов, извлечено несколько хумов с человеческими костями. Наиболее интересны два из них (рис. 41 — 2, 4). Один стоял наклонно на глубине 0,6 м у края мусорной ямы, прорезавшей слой с остатками тонких сырцовых стенок, среди которых и помещался хум; кости в нем были сдвинуты набок, черепа не оказалось. Части скелета лежали под слоем провалившихся в сосуд камней, разбивших оригинальную глиняную миску с узким донцем и высокими отлогими бортами, прикрывавшую горловину. Края миски сглажены ножом от руки; наружная поверхность гладкая, внутренняя — с полосчатым лощением; поддон плоский, с приставшим к нему песком. На плечиках хума с трех сторон оттиснуты расположенные треугольниками круглые рельефные клейма диаметром 2,5 см, между которыми, в промежутках, имеется еще по одному дополнительному клейму (всего 12 клейм). На клеймах изображена фигура сидящего на задних лапах льва, поднявшего высоко перед собой правую переднюю лапу (рис. 41 — 3).

Второй хум украшен только тремя клеймами (несколько меньшими), расположенными треугольником на одной стороне. На них изображена собака с острой мордой, широко торчащими ушами и длинным изгибающимся кверху хвостом (рис. 41 — 1).

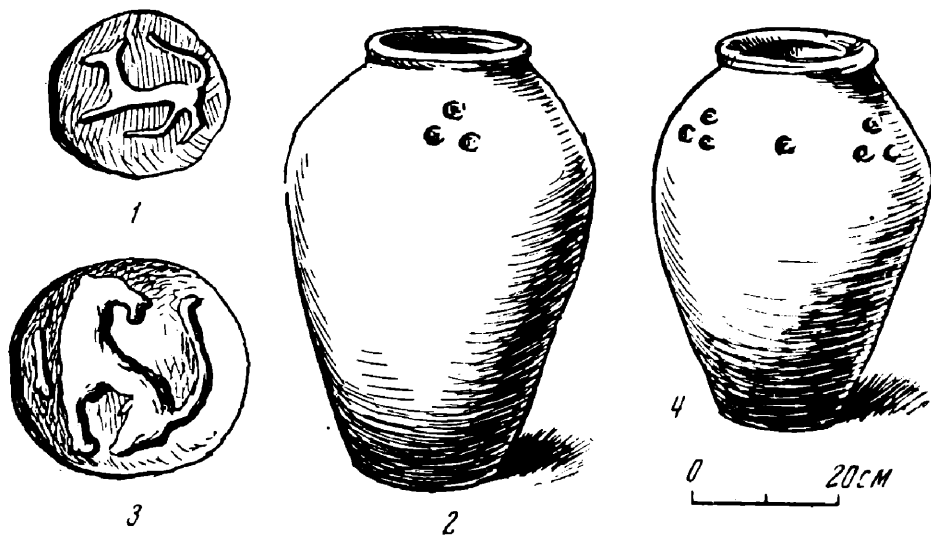

Рис. 41. Хумы (2, 4) из Таразского некрополя и клейма на них (1, 3).

Изображения льва на астоданах традиционны. На астодане, хранящемся в ГИМ и доставленном из Самарканда, львы, сидящие на задних лапах, помещены по сторонам прорезанной на стенке оссуария двери¹³. Традиция изображений львов на памятниках средневекового Востока берет начало еще в глубокой древности. Это распространенный мотив в искусстве, связанный, в частности, с культом солнца — Митры¹⁴. Схематические изображения солнечного диска, его атрибутов и символов помещались на астоданах, а позднее — на стенках сменивших их хумов. Фигура льва с поднятой лапой весьма типична для геральдического стиля памятников раннего средневековья и была распространена на сосудах X—XIII вв. по всему Востоку. Однако на описываемом хуме фигура льва лишена орнаментальных украшений, характерных для штампов X—XII вв., в виде, например, трилистника на конце хвоста. Хотя это изображение, возможно, и связано в какой-то мере с искусством и культурами, распространенными на территории Мавераннахра, но имеет свои, местные корни в памятниках сако-скифской культуры (ср., например, бронзовую бляху из Сукулука)¹⁵. То же следует сказать и об изображении собаки. Известно, что в погребальном культе зороастрийцев собака почиталась благородным животным-охранителем. Изображение головы собаки помещено на крышке одного из астоданов, обнаруженных Я. Г. Гулямовым в Той-Тюбе (Ташкентский музей).

Среди местного населения, — особенно среди выходцев из степи, даже знакомых с зороастризмом или воспринявших некоторые его обряды, связанные с земледельческими культурами, — сохранились, по-видимому, и свои представления, для которых характерен сказочно-мифологический образ собаки. Во всяком случае, изображение на хуме из Тараза следует считать не заимствованным, а глубоко традиционным, имеющим свои прототипы в местном древнем искусстве (ср., например, изображение припавшего на передние лапы животного на щитке золотого перстня-печатки из усуньских могильников Киргизии)¹⁶.

¹³ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. т. III. СПб., 1890, рис. 29.

¹⁴ А. А. Ромаскевич. Изваяния и изображения львов в Иране. Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М.—Л., 1935, стр. 209.

¹⁵ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943, табл. III, рис. 19.

¹⁶ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 167, рис. 12.

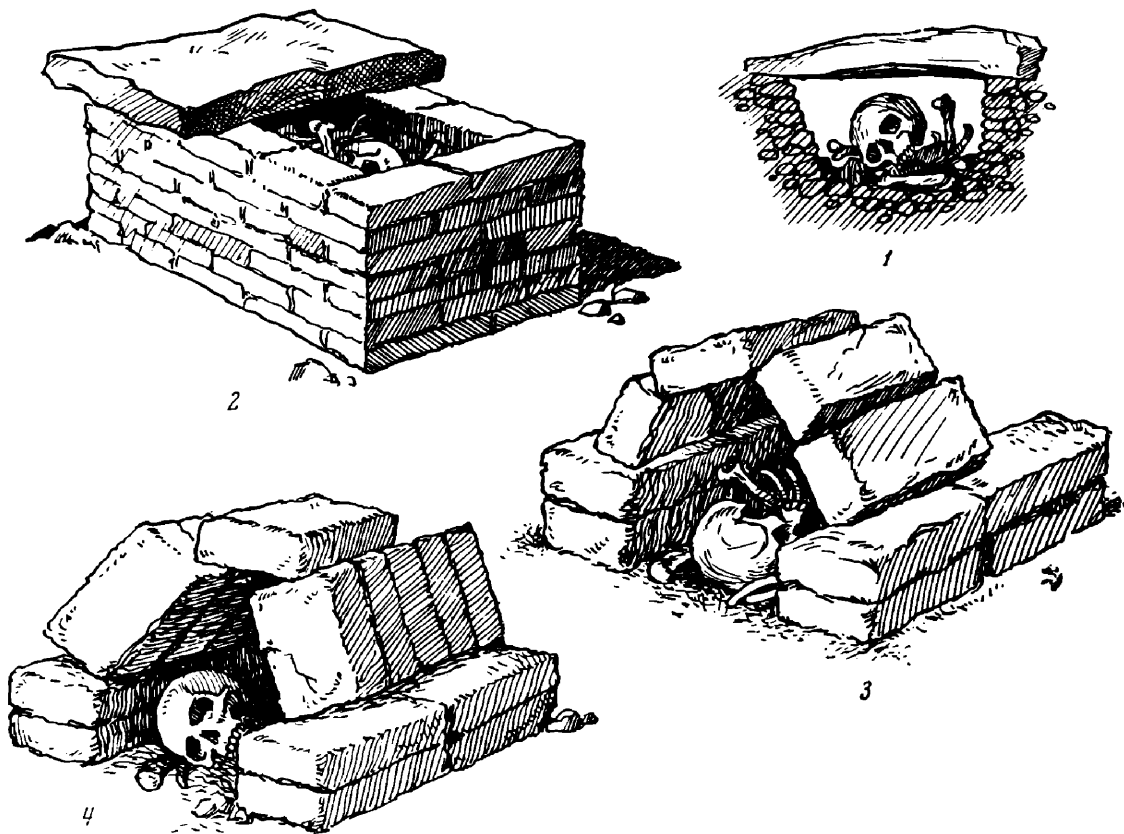

Рис. 42. Таразский некрополь. Типы захоронений.

1 — ямка под каменной плитой; 2 — камера из жженого кирпича; 3, 4 — склепки из сырцового кирпича.

Астоданы (за исключением № 1) и хумы с костями лежали в некрополе на территории Мучного базара в одном слое с захоронениями в склепках и ящиках, сложенных в полкирпича из сырца. Сооружения эти представляли собой, очевидно, наусы, где могли помещаться астоданы. Однако существовали наусы или небольшие камеры для положения костей без астоданов или хумов. Внутренний размер таких камер (40 × 80 см) свидетельствует о том, что они служили не для труположения, а для сохранения костей, как в оссуариях и хумах. Конструкция сооружений разнообразна. Наиболее простое захоронение костей — в вырытой в галечнике ямке диаметром 0,6—0,8 м; кости складывались кучкой и засыпались галькой. В некоторых случаях такие ямки перекрыты каменными плитами (рис. 42—1). Более сложные погребальные сооружения имеют вид маленькой камеры или ящика, сложенного в полкирпича (размером 20 × 40 × 10 см) в 3—4 ряда. Перекрытие выведено из целых сырцовых кирпичей, образуя иногда форму трапеции (два кирпича положены на ребро наклонно и перекрыты плашмя третьим). Некоторые камеры крыты сводиками трапециевидной формы, которые выложены наклонными отрезками, а затем — рядом кирпичей плашмя (рис. 42—3, 4).

Кроме ящиков из сырцового кирпича, нами обнаружена камера, сложенная из жженого кирпича, размером 27 × 15 × 4 см, прикрытая большой каменной плитой. Размеры ящика: снаружи — 100 × 55 × 35 см, внутри — 68 × 30 см (рис. 42—2).

Все эти разнообразные виды захоронений, встречающиеся в некрополе древнего Тараза, особенно интересны при сопоставлении их с известными зороастрийскими текстами, в которых описываются наусы как «недоступные для собаки, волка, для дождевых вод: имеющие средства сделают его

из определенного материала, а не имеющие выставлят кости на земле, сухой подстилке или подушке на свет и солнце». Многообразные формы захоронений в некрополе древнего Тараза в общем подтверждают эти тексты. Способ захоронения костей и различия в погребальных устройствах зависели, видимо, от классовой принадлежности или состоятельности умершего. Однако следует отметить и хронологические различия. Погребения в ящиках из сырцового или жженого кирпича соответствуют сравнительно позднему времени, когда жженный кирпич получил широкое применение в строительстве зданий, но старые формы культа и погребальные обычаи продолжали еще бытовать.

Найденные в древнем некрополе Тараза астоданы и сопровождавшие их сосуды с пищей датируются нами VII—IX вв. н. э. Кажется вполне убедительным выдвинутое Г. А. Пугаченковой сравнение астоданов-оссуариев с курганообразными сырцовыми надмогильными сооружениями (отмеченными М. Е. Массоном в Чирчик-Ангренском районе), восходящими к курганообразным надмогильным сооружениям древних среднеазиатских тюрок и впоследствии сохранившимися у киргизов и казахов в форме конических усыпальниц¹⁷.

В карлукский период (IX—X вв.) обычай захоронения костей в астоданах был вытеснен в Таразе захоронением их в хумах и склепиках. Такой обряд захоронения продолжал существовать в городах Таласской и Чуйской долин значительно дольше, чем в Мавераннахре, и не был уже специальной отличительной чертой согдийского населения, как на юге.

Еще в 1927 г., обнаружив в Аулие-Ата (Джамбул) на территории того же древнего некрополя Тараза сложенные из сырца склепики без торцовых стенок, М. Е. Массон назвал их «щелевидными могилами несториан». Несторианское кладбище, по его наблюдениям, «наползало» здесь на более древний зороастрийский некрополь. Однако, как это допускал А. Я. Борисов в отношении захоронения омытых и очищенных костей в астоданах и хумах, такой заупокойный обряд мог существовать не только среди согдийского населения Средней Азии и не только среди зороастрийцев¹⁸. В частности, можно допустить, что в карлукское время захоронение очищенных костей в хумах и склепиках существовало в Таразе среди местного городского, — в том числе и тюркоязычного, — населения, а также среди известной части местных приверженцев христианской секты несториан.

Изображения креста, известные в Согде на астоданах¹⁹, отмечены в Таразе и на хуме IX—X вв. н. э., содержащем очищенные человеческие кости²⁰.

Зороастризм и несторианство не имели здесь в древности прочной основы, и присущая им внешняя обрядность глубоко не затрагивала народных обычаев и верований, связанных больше с шаманизмом и местными культами. Только этим можно объяснить смешение разных заупокойных культов (зороастризма, несторианства, шаманизма), отмеченное в древнем Таразе на основании изучения археологических памятников VII—X вв. н. э.

---

¹⁷ Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. Труды ИИА АН Узб. ССР, т. II, 1950, стр. 44.

¹⁸ А. Я. Борисов. К истолкованию изображений на Биянайманских оссуариях. ТОВЭ. т. II, 1940.

¹⁹ Изображения «несторианского» креста на астоданах-оссуариях отмечены в указанной выше статье Г. А. Пугаченковой и воспроизведены там же на рис. 1, 9, 16.

²⁰ Найден в г. Джамбуле на территории Центрального парка культуры и отдыха в 1939 г.

Г. И. ПАЦЕВИЧ

ПЕЧЬ ДЛЯ ОБЖИГА КИРПИЧА В ДРЕВНЕМ ГОРОДЕ
САРАЙЧИКЕ

Во время работ Западно-Казахстанской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР в 1950 г. на территории древнего города Сарайчика вскрыты остатки гончарной печи. Печь обнаружена у юго-западного края территории развалин города, в верхней части отвесного среза правого берега р. Урала, где из грунта на глубине 2,1 м от поверхности выступала наружу часть дугообразной кирпичной арки, оштукатуренной и сильно обожженной снаружи. При расчистке сооружения оно оказалось частью довольно большой прямоугольной в плане гончарной печи, длинными сторонами ориентированной почти точно с севера на юг. В настоящее время сохранилось несколько полуциркулярных арок, верхняя сторона которых имела форму горизонтальной площадки. Арки сооружены из сырцового кирпича-плитки размером $36-37 \times 36-37 \times 7-8$ см, уложенного в один кирпич, на ребро, на глиняном растворе. Верхняя горизонтальная площадка арки образована путем закладки пазух сводов таким же сырцовым кирпичом, уложенным плашмя (рис. 43 — I, II). Сохранились 6 арок полных и одна (наружная) неполная.

Арки расположены в ряд, параллельно одна другой, с промежутками в 13—20 см, а между последней аркой и оштукатуренной задней (южной) стенкой оставлен промежуток шириной всего 8 см. Снаружи арки, а также боковые стенки промежутков между ними покрыты 4—5-слойной глиняной (с примесью рубленой соломы или камыша) обмазкой толщиной до 3 см. Толщина арок с обмазкой — от 42 до 45 см. Обмазка и наружные края сырцовых кирпичей, из которых сложены арки, сильно обожжены; растительная примесь выгорела, благодаря чему обмазка получила пористую структуру.

Высота сохранившихся 6 арок от середины канавообразно углубленного пода до средней части их — 1,65 м, а до уровня основания арок — 1,2 м. Ширина пролета между нижними концами арок, у их основания, не одинаковая: 1-й арки — 2,75 м, 2-й — 2,51 м, 3-й — 2,42 м, 4-й — 2,4 м, 5-й — 2,4 м и 6-й (последней) — 2,35 м, т. е. они постепенно сужаются.

Таким образом, ряд расположенных параллельно одна другой арок образовал длинную, с полусферическим сводом, топочную камеру, а ряд верхних горизонтальных площадок — под обжигательной камеры; промежутки между арками представляли собой ряд узких, щелевидной формы, поперечных жаропроводящих каналов, шедших более или менее параллельно на всю ширину и высоту огневой камеры. По этим щелям горячие газы проникали из топки в камеру обжига (рис. 43 — I, III).

Общая длина сохранившейся части огневой камеры — около 4 м (западная сторона — 4,4 м и восточная — 3,7 м). Какова была длина всей печи и как было сооружено чело, или топочное устье ее, — установить нельзя, так как весь северный конец сооружения снесен рекой.

Углубленная часть пода топки была заполнена сильно уплотненной золой. Слой ее имел линзовидную форму; толщина в середине достигала 0,45 м. Исследование золы показало, что в качестве топлива служили камыш, солома или курай. Огневая камера была заполнена доверху фрагментами сильно пережженной глиняной обмазки, смешанной с грунтом.

Средняя, наиболее тонкая часть арок в результате длительного воздействия высокой температуры оказалась настолько слабой, что сразу же, как только камеру очистили от заполнявшего грунта, обрушилась. Остатков специально сложенных стен камеры обжига не обнаружено, но выявлены слабо выраженные очертания прямоугольного котлована размером, по площади несколько большим (с запада на восток — 3,12 м), чем расположенная ниже огневая камера. Боковые и задняя стенки котлована в некоторых местах оказались задымленными. Из этого можно заключить, что камера обжига больше чем наполовину (по высоте) была опущена в грунт, причем в этой части стен специальной кирпичной кладки, по-видимому, не было; земля просто обмазана глиной, как это сделано на задней стенке огневой камеры. Задымленность в некоторых местах, видимо, объясняется просачиванием дыма через случайные трещины в обмазке, покрывавшей стены камеры, а большое количество фрагментов пережженной обмазки в топке — тем, что она проникла сюда через жаропроводящие каналы при разрушении стен камеры обжига.

Таким образом, в результате раскопок установлено, что печь была двухъярусной, причем нижняя часть служила огневой (топочной) камерой, а верхняя — обжигательной.

Печь сооружена в специально вырытом котловане. Не только топка, но и значительная часть камеры обжига углублены в грунт. Все арки топки были сооружены без фундамента, непосредственно на уплотненном грунте. Устойчивость отдельных частей достигалась тем, что вся конструкция была впущена в грунт. Сооружение печи глубоко в грунте значительно сокращало непроизводительную потерю тепла и обеспечивало равномерность охлаждения.

Верхняя, выступавшая наружу часть камеры обжига, нужно думать, была сооружена из кирпича и имела вид несколько вытянутой с севера на юг пирамиды или короба (рис. 43 — V). Такое завершение свода наиболее приемлемо, ибо устройство горизонтального свода возможно лишь при наличии металлических балок или, в крайнем случае, при использовании обжигаемой продукции в качестве опоры, что едва ли целесообразно, так как часть продукции должна была идти в брак.

К топочному устью вела, по-видимому, особая траншея, прорезанная в грунте с северной, разрушенной водой, стороны печи до глубины пода огневой камеры. Такого рода траншеи зафиксированы в печах средневекового Херсонеса, раскопанных в 1940 г. А. Л. Якобсоном¹.

Имелась ли впереди огневой особая камера, в которой сжигалось топливо, как это отмечено Г. И. Ионе в раскопанных им гончарных печах Мингечаура² (Азербайджан), — не установлено. Но, по нашему мнению, сарайчиковская печь в такой камере не нуждалась, потому что при сжигании топлива внутри самой огневой камеры полностью достигалось равномерное распределение жара; это едва ли достижимо при сжигании топлива

¹ А. Л. Якобсон. Гончарные печи средневекового Херсонеса. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 53—62.

² Г. И. Ионе. Гончарные печи древнего Мингечаура. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 42—54.

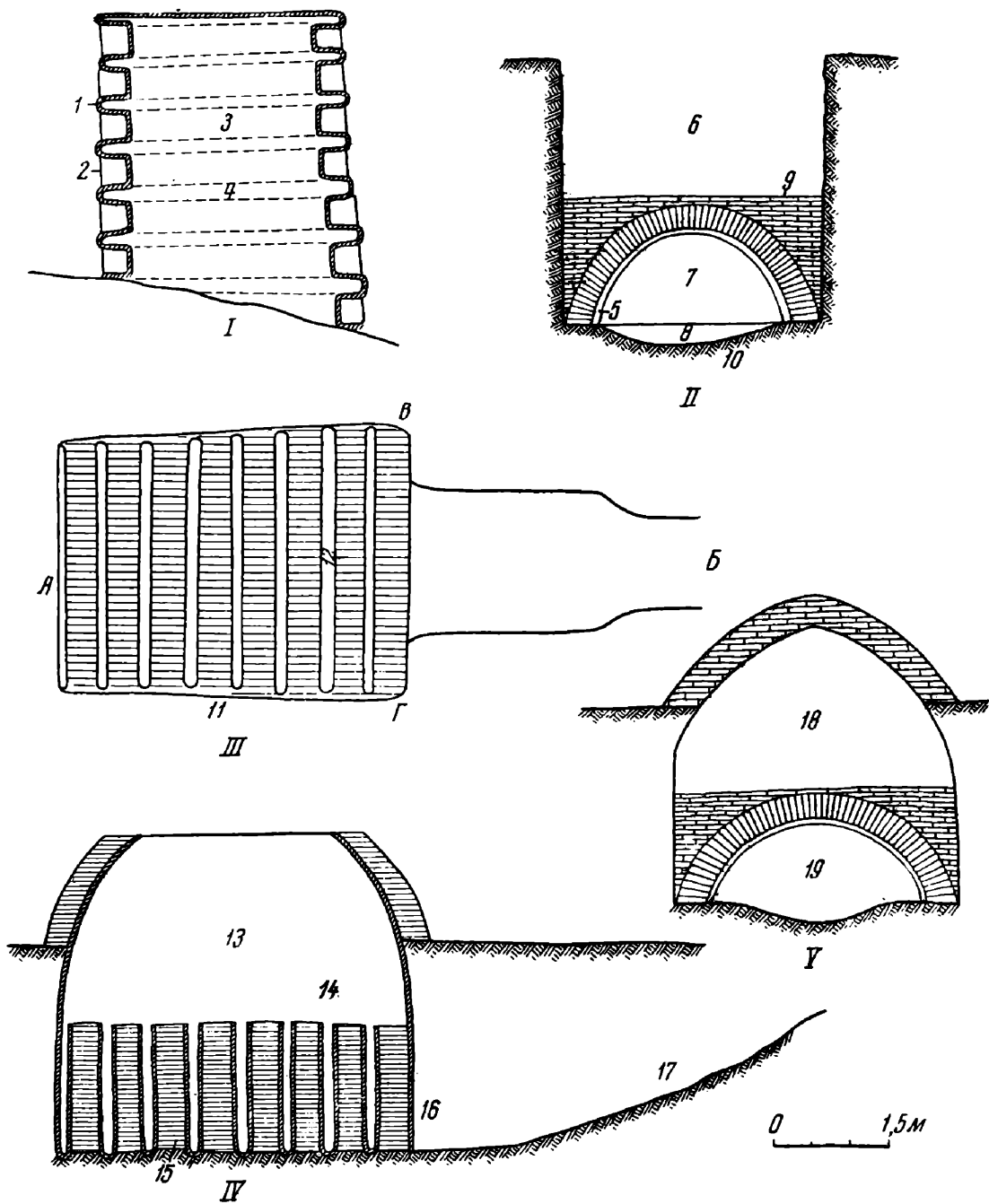

Рис. 43. План и разрезы печи для обжига кирпича.

I — план сохранившейся части сооружения; *II* — разрез сохранившейся части сооружения; *III* — план печи; *IV* — разрез печи по *АВ*; *V* — разрез печи по *ВГ* (*III—V* — реконструкция); 1, 5 — многослойная обмазка; 2 — сырцовая кирпичная кладка; 3, 15 — арка; 4, 12, 14 — жаровой канал — продух; 6, 13, 18 — камера обжига; 7, 16, 19 — топочная (или огневая) камера; 8 — слой золь; 9, 11 — под камеры обжига; 10 — под огневой камеры; 17 — спуск к топке.

в особой камере, ибо в таком случае наиболее сильный жар должен был поступать в ближайшие к ней жаропроводные каналы и лишь незначительная часть тепла направлялась бы в отдаленные каналы.

Камера обжига загружалась продукцией, по-видимому, через специально оставленное в верхней части свода отверстие, которое затем, по загрузке камеры, закладывалось.

При расчистке печи — внутри и возле нее — не обнаружено почти никаких находок, за исключением нескольких совершенно не характерных небольших фрагментов исключительно неполивной керамики.

Судя по массивности арок огневой камеры, которые могли выдержать большую нагрузку, печь, видимо, предназначалась для обжига кирпичной плитки. Сравнительно небольшая ширина жаропроводных каналов позволяла производить обжиг и мелкой посуды. К сожалению, полное отсутствие остатков посуды или кирпича внутри топки и камеры обжига лишает возможности точно установить назначение печи. Что же касается времени сооружения, то, несмотря на полное отсутствие датирующего материала, мы считаем возможным отнести печь к XIII—XIV вв., так как раскопками на территории городища Сарайчика, безусловно, установлено, что оно однослойное и датируется в основном XIII—XIV вв. Печь, расположенная в культурном слое, может относиться лишь к указанному периоду.

Три гончарные печи, близкие по конструкции изучаемой нами, раскопаны в 1940 г. А. Л. Якобсоном³. Они датируются исследователем XI—XII вв. на основании добытого при раскопках керамического материала и по расположению в культурных слоях средневекового Херсонеса, причем принцип устройства подобных печей А. Л. Якобсон считает заимствованным у античных позднееримских печей. Этому же мнению придерживается Г. И. Ионе⁴. Такой же конструкции двухъярусная гончарная печь была раскопана в 1943 г. В. Ф. Гайдукевичем на городище Мунчак-тепе⁵ (левый берег верхнего течения р. Сыр-Дарьи). Печь Мунчак-тепе, на основании собранного при раскопках керамического материала, датируется I—II вв. н. э. В. Ф. Гайдукевич считает ее конструкцию происходящей из стран древнего Двуречья, откуда, по его мнению, она была заимствована римлянами.

Широкое территориальное распространение гончарных печей подобной конструкции (Двуречье, Римская империя, Болгария, Причерноморье, Азербайджан, Казахстан и Средняя Азия) и существование их в течение длительного периода (с II тысячелетия до н. э. до XIII—XIV вв. н. э.) едва ли можно объяснить простым заимствованием. Такая конструкция печей, по нашему мнению, как наиболее экономичная и пригодная для обжига не только посуды, но и тяжеловесной продукции — кирпича, черепицы и т. д., вырабатывалась самостоятельно в разных странах на базе более примитивных одноярусных или двухъярусных печей с горизонтальной перегородкой, образующей под камеры обжига; последняя конструкция, вполне пригодная для обжига сравнительно небольшого количества средней и мелкой посуды, оказалась совершенно неприменимой при обжиге тяжеловесной продукции: кирпича, черепицы, крупных толстостенных сосудов и т. п.

Почти всем обследованным до настоящего времени печам описанного нами типа присущи свои особенности; так, например, херсонесские печи были овальной формы и с небольшим числом опорных арок; мингечаурские — прямоугольной формы и с особой топочной камерой, расположенной не с узкой стороны, а в середине широкой стороны, причем одна из этих печей — с двумя продольными топочными каналами вместо одного, и т. д. Это может быть объяснено самостоятельным развитием подобной конструкции на местах.

³ А. Л. Якобсон. Указ. соч.

⁴ Г. И. Ионе. Указ. соч.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 77—82.

А. А. ИЕССЕН

РАБОТЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1953 году

В 1953 г. приступила к работе Азербайджанская археологическая экспедиция, организованная по инициативе Академии наук Азербайджанской ССР Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР и Институтом истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР. Задачей ее является изучение археологических памятников Кура-Араксинского междуречья, игравшего большую роль в истории Азербайджана и всего Закавказья. В 1953 г. основным объектом исследования было городище Орен-кала в Мильской степи, где начаты систематические стационарные работы. Наряду с раскопками на этом памятнике должно было начаться обследование междуречья с целью постепенного расширения работ, распространения их на смежные районы Азербайджана.

Прежде чем перейти к характеристике материалов, собранных экспедицией, следует коротко остановиться на природных условиях района. Мильско-Карабахская степь расположена между Курой на северо-востоке и Араксом на юго-востоке; с юго-запада она ограничена предгорьями Малого Кавказа (рис. 44). Южная часть степи носит название Мильской, тогда как под Карабахской обычно понимают либо весь указанный выше район, включая и Мильскую степь, либо же только ее северную часть, расположенную севернее р. Каркар-чай.

В геологическом отношении эта территория представляет собой очень молодое образование. Еще в начале четвертичного периода она была занята заливом Каспийского моря и лишь постепенно освобождалась от воды. По мере отступления Каспия формировался современный геоморфологический облик района, сохранивший в восточной части отчетливые остатки ряда последовательных генераций дельтовых образований Аракса¹.

В 1953 г. экспедиция не смогла развернуть широких обследований; основные усилия были сосредоточены на изучении городища Орен-кала. Тем не менее был осмотрен ряд памятников в районе от Барды на севере до Аракса на юге, главным образом, в полосе, прилегающей к древнему каналу Гяур-арх. Следует сказать, что к наиболее ранним находкам, сделанным экспедицией, относятся осколки обсидиана, к сожалению, малохарактерные и не поддающиеся точной датировке. Они встречены на гривистых грядках, расположенных к юго-востоку от Ждановска, и на некоторых древних поселениях типа тепе, где обнаружена и лепная керамика.

Подъемный материал с осмотренных холмов — тепе — в большинстве случаев относится к эпохе средневековья, но основную массу находок

¹ В. Р. Волобуев. Устройство поверхности Мильской степи. Доклады Академии наук Азерб. ССР, 1948, № 3.

составляет ранняя керамика I тысячелетия и частично, может быть, еще II тысячелетия до н. э.

Интересны расположенные на указанной территории курганы: в районе селений Гиндарх и Агджабеды (насыпи малых и средних размеров), отдельные курганы в западной части Мильской степи. Однако наиболее интересны громадные, иногда гигантские курганы, рассеянные единицами по всей осмотренной полосе. К их числу относятся 3 кургана группы Уч-тапа, два — у сел. Баят, курган Султан-буд севернее Гиндарха, Кара-кепек (высотой около 40 м) у г. Карягина и курган у сел. Афатлу, датируемые, вероятнее всего, первой половиной или серединой I тысячелетия до н. э. Ни один подобный курган еще не подвергался изучению, но о такой датировке их позволяет думать то обстоятельство, что и в других степных районах нашей страны наиболее крупные надгробные насыпи относятся к этому времени, когда резко усилившаяся социальная дифференциация отразилась в подчеркнутом выделении погребений представителей племенной знати, в появлении так называемых «царских» курганов.

Вместе с тем вполне вероятно, что скифские кочевые племена, в VII в. до н. э. проникавшие через Кавказ в Переднюю Азию, проходили через Мильско-Карабахскую и Муганскую степи и, может быть, вместе с некоторыми местными племенами были первыми кочевниками, использовавшими эти степи в качестве своих зимних пастбищ.

К более позднему времени — около рубежа нашей эры — относятся кувшинные погребения, обнаруженные в разное время в ряде пунктов, но экспедицией в 1953 г. не изучавшиеся.

Эпохой средневековья датируется ряд укрепленных и неукрепленных поселений, свидетельствующих о достаточно густом оседлом населении в пределах осмотренной полосы. Сюда относится городище Кала-тапа на Каркар-чае, городище у сел. Баят, деформированное крепостными сооружениями XVIII в., построенными Панах-ханом Карабахским в 1748 г. Еще одно городище находится южнее Орен-кала, в сел. Тазакенд (бывший 7-й хутор Мильского совхоза). Здесь найдена большая каменная база от деревянной колонны, изданная И. П. Щеблыкиным². К востоку от городища на обширной площади встречаются обломки керамики, свидетельствующие о существовании здесь большого поселения раннесредневекового времени. К числу неукрепленных, по-видимому, поселений относится поселение, расположенное к юго-западу от Сарай-тепе, давшее обильные находки керамики XII—XIII вв.

Особого внимания заслуживает изучение древней оросительной системы Мильской степи, чрезвычайно затрудненное громадным размахом современных ирригационных работ.

Основной объект работ экспедиции — городище Орен-кала — расположен в Мильской степи в 33—35 км по прямой от Аракса, по правую сторону древнего канала Гяур-арх. Это остатки крупного города — самого большого во всем районе между Бардой и Араксом.

Городище имеет вид опьясанного широким рвом и разрушенными стенами прямоугольника со сторонами длиной от 595 до 610 м; оно ориентировано углами почти точно по странам света (рис. 45). Внутри большого прямоугольника, в восточной его части, выделен рвами и стенами малый со сторонами длиной от 365 до 400 м. Площадь большого прямоугольника внутри рва составляет свыше 36 га, обвод стен — 2410 м; малый прямоугольник занимает 14 га, а обвод его стен имеет протяжение 1525 м (из них 760 м совпадают со стенами большого обвода). Внутренний ров значительно уже наружного.

² И. П. Щеблыкин. Части старых колонн, найденные в районе Орен-кала и Нак. АССР. Доклады Академии наук Азерб. ССР, 1946, № 6, стр. 255.

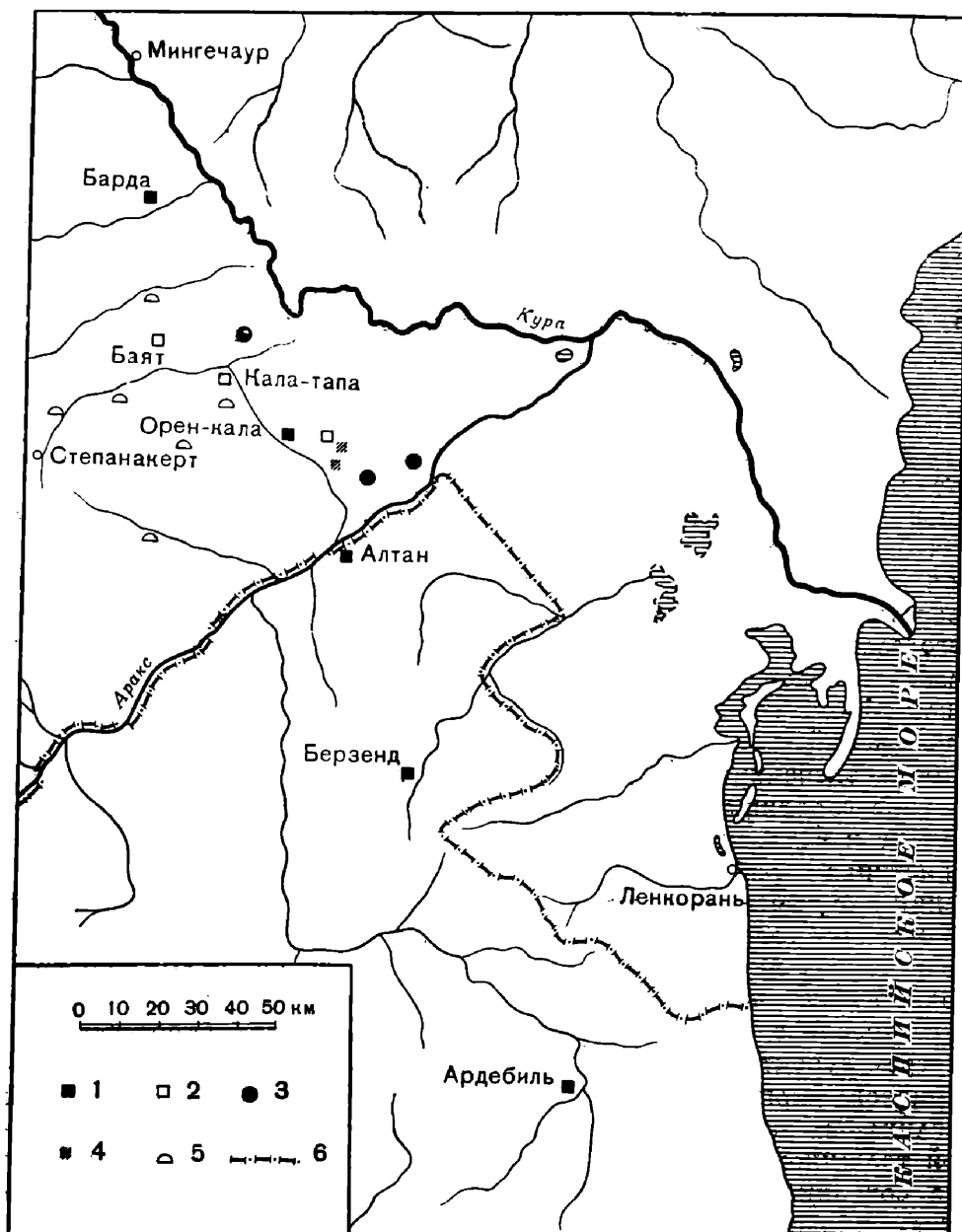

Рис. 44. Схема размещения некоторых археологических памятников в южной части Азербайджанской ССР и на сопредельной зарубежной территории.

1 — средневековые города; 2 — малые городища и укрепления; 3 — тепе; 4 — открытые поселения; 5 — крупные курганы; 6 — государственная граница СССР.

Вне крепости культурный слой древнего города незначителен, за исключением юго-западной стороны, где к городищу примыкают опоясанные рвами, но не стенами, дополнительные участки, заселенные в древности; еще дальше культурный слой уходит за современный канал им. Орджоникидзе, на данном участке несколько отступивший к востоку от древней трассы Гяур-арха, которой он в основном следует. За древним каналом находится небольшое прямоугольное укрепление с 4 угловыми башнями и сторонами длиной около 100 м. Здесь же разбросаны небольшие холмики — остатки надгробных построек и других сооружений. Один из таких холмов, расположенный примерно в 2,5 км к западу от городища, относится к развалинам древнего минарета или башни, еще частично сохранившейся

в 1849 г.³, но уже совершенно разрушенной к началу 80-х годов⁴. От этого минарета «Миль» и происходит название Мильской степи. Подобные холмики в небольшом числе окружают городище и с остальных сторон, но основная масса их сосредоточена на юго-западе, где, видимо, располагались главные кладбища города.

В дальнейшем малый прямоугольник мы будем условно называть малым городом, а площадь, окруженную большим обводом стен и рвов, — большим городом.

Археологические работы на городище впервые были осуществлены в 1933 г. Мильской экспедицией, работавшей под руководством И. И. Мещанинова⁵. Тогда малый прямоугольник был назван I городом, остальная часть большого — II городом, а холмы на юго-западной стороне — III городом. Проведенные раскопки разведочного характера не позволили разрешить вопрос о хронологическом соотношении I и II городов, причем были предположены две возможности: или малый город разросся до размеров большого, или же, наоборот, первоначально большая крепость в какой-то момент была заменена малой.

Вопрос этот успешно разрешен экспедицией 1951 г., работавшей под руководством И. М. Джафарзаде⁶. Раскоп, заложенный на выходе внутреннего северо-западного рва малого города в наружный ров, отчетливо показал, что рвом была разрезана стена, первоначально опоясывавшая большой город. Таким образом, верным оказалось второе из высказанных предположений.

Работы экспедиции 1953 г. на Орен-кала включали: 1) наружное обследование городища, 2) топографическую съемку, 3) раскопки на городской стене и 4) раскопки внутри малого города.

Приступая к работам, экспедиция расчистила раскоп 1951 г. для ознакомления с открытыми тогда остатками городской стены; затем раскоп был продолжен на северо-запад для изучения стены большого города. Она открыта донизу на протяжении 15 м от края раскопа 1951 г., причем 13 м приходилось на участок, не затронутый склоном внутреннего рва, перерезавшего древнюю стену. Обнаруженные остатки стены относятся не менее чем к трем строительным периодам (рис. 46). Древнейшая стена сложена из сырцового кирпича большого размера (49 × 49 × 14 см). Кладка скреплена глиняным раствором, а с наружной стороны покрыта глиняной обмазкой толщиной около 3 см. В юго-восточной части вскрытого участка кладка сохранилась на высоту в 25 рядов кирпичей, являясь непосредственным продолжением стены, вскрытой в 1951 г. и сохранившейся в склонах разрезавшего ее внутреннего рва малого города.

Толщина стены была определена при раскопках 1951 г. на противоположной стороне рва в 6 м. В более позднее время древняя стена на этом участке была обновлена или укреплена, по крайней мере, дважды. Ко второму строительному периоду следует отнести кладку из обожженных кирпичей в 15 рядов по высоте и в 1,33 м по ширине стены (размер кирпичей — 27 × 27 × 5 см и 28 × 28 × 6 см), нависавшую над передним краем первоначальной стены и лежавшую частью на мусорном слое завала или подсыпки, впереди древней сырцовой кладки. На этом цоколе покоился

---

³ M. N. Khanikoff. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. Journal Asiatique, XX, 1862, стр. 71, 72.

⁴ С. Вейссенгоф. Сведения о Мильской степи. Известия Кавказского общества истории и археологии, т. I, вып. 2. Тифлис, 1884, стр. 64—69.

⁵ И. И. Мещанинов. Краткий осведомительный отчет о работе Мильской экспедиции 1933 года. Труды Аз. ФАН СССР, XXV, Баку, 1936, стр. 5—30.

⁶ И. Джафарзаде. Археологические раскопки городища Орен-кала в 1951 г. Труды Института истории и философии Академии наук Азерб. ССР, IV, Баку, 1954, стр. 109—135.

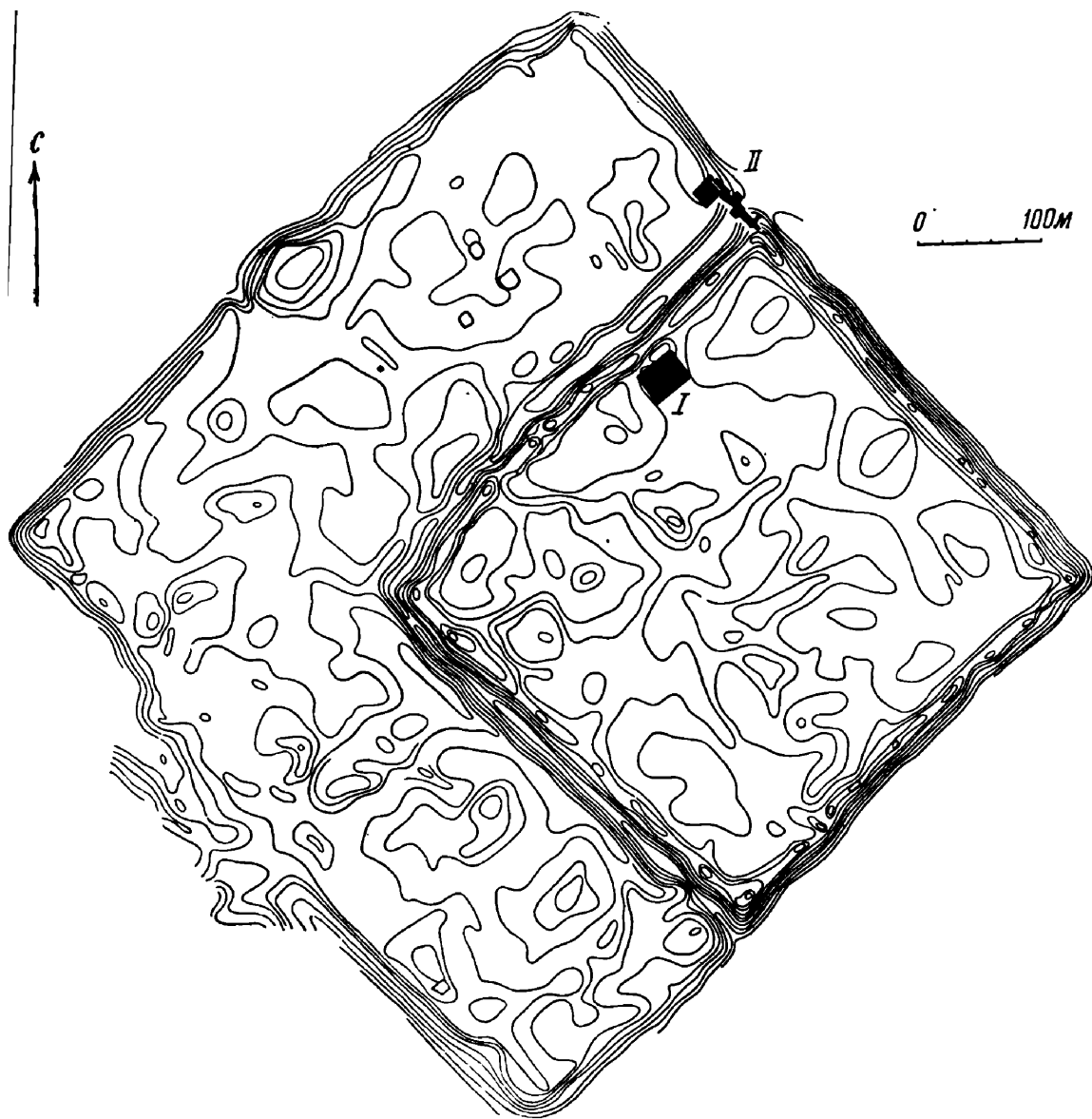

Рис. 45. План городища Орен-кала.

I — раскоп на малом городе; *II* — раскоп на городской стене.

массив глинобитной кладки с прослойками по 7 рядов сырцовых кирпичей размером $32 \times 32 \times 7$ см. К этому же периоду, по-видимому, относится и полукруглая башня, остатки которой обнаружены далее к северо-западу. Башня снаружи облицована обожженным кирпичом в $2\frac{1}{2}$ ряда, внутреннее заполнение ее — глинобитное. Открытый нами башенный выступ, расположенный на расстоянии около 12 м от края большой башни на древней стене, остатки которой были обнаружены во рву в 1951 г., явно свидетельствует о переустройстве системы обороны, а не только о местном ремонте стены.

Наконец, к позднему, третьему строительному периоду относится дополнительная облицовка стены и башенного выступа обожженным кирпичом в 4 ряда по ширине (размером от $24 \times 24 \times 5$ см до $26 \times 26 \times 5$ см), положенным без перевязки с облицовкой предыдущего периода. В верхней части внутренние ряды облицовки состояли не из обожженных, а из сырцовых кирпичей размером от $26 \times 26 \times 5$ см до $28 \times 28 \times 5,5$ см.

Сохранившаяся общая высота стены на исследованном участке достигает 5 м. Кладка из обожженного кирпича в верхних частях выбрана в недавнее время с целью добычи строительного материала. Лежащий впереди фасадной стороны завал насыщен обожженными кирпичами, что свидетельствует о значительно большей высоте стен в древности.

Осенью 1953 г. был заложен раскоп площадью 285 кв. м на верхней площадке городища, прилегающей к открытому участку стены, с целью вскрыть стену на всю ее толщину и расчистить внутреннюю сторону. Работу в 1953 г. закончить не удалось, так как в верхних слоях на стене оказались остатки жилищ, изучение которых потребовало времени. Здесь обнаружены многочисленные кладки, принадлежащие небольшим жилым помещениям, тондыры (печи для выпечки хлебных лепешек) и впущенные в массив стены хозяйственные ямы. Многочисленные находки керамики позволяют бесспорно отнести время существования жилищ к XII в. и началу XIII в. К тому же периоду относится и клад преимущественно ильдегизидских монет (около 220 экземпляров), найденный в тондыре в одном из помещений.

Таким образом, не позже начала XII в. оборонительная стена большого города утратила военное значение, верхняя часть ее была разрушена, и на ней стали сооружаться жилища. Следовательно, тогда уже были проведены внутренние рвы, и крепостные сооружения существовали только в малом городе. Точнее определить время выделения малого города пока не представляется возможным. Упомянутые выше три строительных периода городской стены, следовательно, относятся ко времени до XII в. Для датировки древнейшей стены из сырцового кирпича пока есть лишь немногие прямые указания. Так, в одной из мусорных ям, расположенных на древней стене, обнаружена керамика IX в. н. э. (черепки с росписью ангобом), позволяющая считать, что стена на данном участке в IX в. (или даже ранее) была разрушена. Находки такой же керамики в кладке второго строительного периода свидетельствуют, что стена была восстановлена, вероятно, также еще в IX или X в. Подтверждается это находками таких же черепков (IX в.) в сохранившейся сырцовой кладке третьего строительного периода. Выделение малого города, следовательно, произошло после IX в., но ранее XII в. Дальнейшие наблюдения, вероятно, позволят уточнить эту пока еще очень приблизительную датировку.

Раскоп (1008 кв. м) внутри малого города заложен у северо-западной его стены с целью получить на достаточно большой площади полный разрез культурных наслоений городища и определить исходную стратиграфическую схему для датировки отдельных строительных горизонтов и категорий находок.

В самых общих чертах раскоп дал следующие результаты. Почти на самой поверхности в восточной половине раскопа обнаружены кладки из вторично использованного кирпича, целого и битого, сложенные очень небрежно и располагавшиеся вне зависимости от планировки более ранних сооружений. К сожалению, эти незначительные остатки последнего периода жизни города (по крайней мере, на данном участке) не дали датирующего материала.

Нижележащий слой относился к XII в. и началу XIII в. н. э. Он включал много остатков сооружений, построенных с применением обожженного кирпича. Сооружения прослеживались почти на всей площади раскопа, за исключением его юго-западного угла. Слой насыщен материалом, особенно обломками керамики. В ряде мест отмечены явные следы пожара. К сожалению, многие сооружения сохранились плохо, так как стены возводились лишь отчасти из обожженного кирпича, который, кроме того, выбирался для последующих построек верхнего слоя. Сырцовая кладка и глинобитные стены сохранились, разумеется, хуже кирпичных. Больше уце-

дели вымостки из обожженного кирпича, широко применявшиеся при устройстве полов внутри зданий, а также для хозяйственных дворигов. Планировка участка в целом еще неясна, так как раскоп недостаточно велик и должен быть расширен, по крайней мере, до стены малого города, проходящей в среднем в 15 м от северо-западного края раскопа.

Небольшое помещение, частично раскрытое у юго-западной стенки раскопа, было заполнено громадным количеством обломков прекрасной поливной и фаянсовой посуды. По-видимому, здесь помещалась кладовая, где хранились многочисленные сосуды. На площади в несколько квадратных метров здесь найдены черепки примерно 30 фаянсовых и нескольких десятков поливных сосудов.

В другом помещении (несколько севернее предыдущего), погибшем от огня, обнаружены обгорелые остатки мешков, державшие зерна ячменя и пшеницы. Здесь, совершенно очевидно, была продуктовая кладовая. Около жилых помещений, на дворигах, вскрыты тондыры; по-видимому, у каждого жилища был свой тондыр.

Во многих местах найдены единичные монеты, а на полу одного из помещений у юго-восточной стенки раскопа обнаружен клад из 57 ильдегидских медных монет конца XII в. и начала XIII в. Эта находка позволяет говорить о внезапном оставлении помещения.

Слой XII—начала XIII в. свидетельствует о чрезвычайно интенсивном строительстве в течение этого времени. Во многих местах различимы разные строительные периоды, относящиеся к тому же относительно короткому промежутку времени.

В числе сооружений отметим часть водопровода из 5 гончарных труб, обрезанную с обоих концов при позднейшем строительстве. Но особенно интересны колодцы, число которых достигает 20, частью засыпанные, частью же незаполненные; ствол их был около 0,7 м в диаметре. Некоторые колодцы на уровне грунтовых вод дали хорошую воду и, очевидно, в древности использовались для водоснабжения, другие — имели поглощательное назначение. Колодцы не одновременны. Часть их относится к последнему периоду жизни на этом участке городища, т. е. ко времени XII—начала XIII в.; другая часть использовалась в несколько более

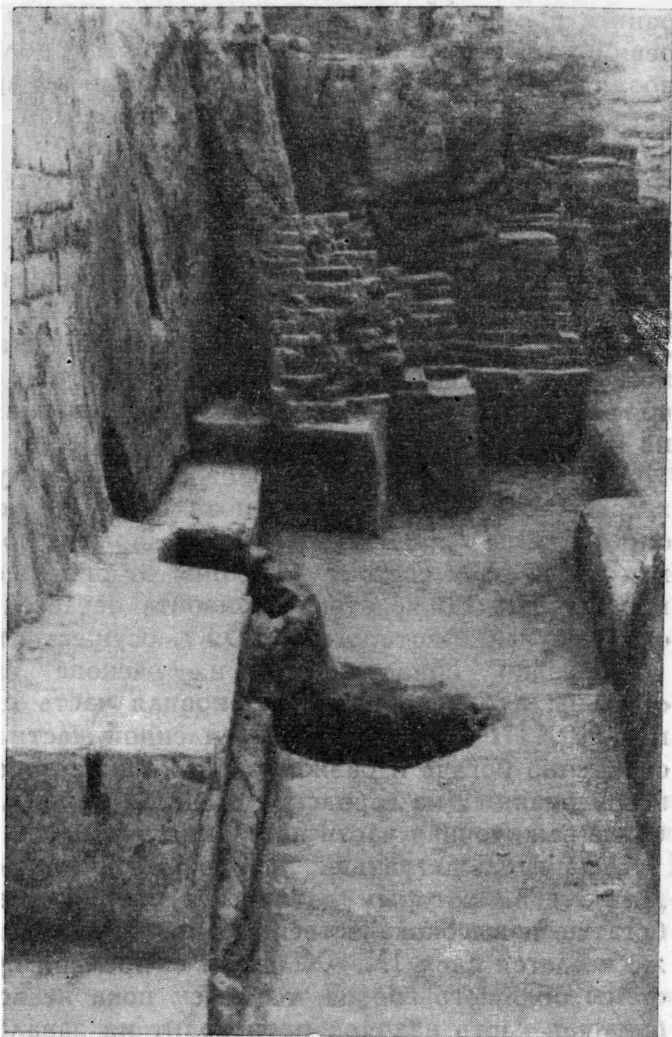

Рис. 46. Городская стена Орен-кала. Кладка трех строительных периодов.

раннее время. Некоторые из колодцев были без засыпки перекрыты деревянными брусками, поверх которых положена кирпичная вымостка позднейшего пола. Под одним из зданий обнаружены подземные ходы, или лазы, ведущие с четырех сторон к большой яме диаметром около 1,5 м, впущенной в материк.

В юго-западной части раскопа обнаружены остатки несколько более древнего сооружения, относящегося к XI в. Это было здание бани, архитектурно богато оформленное. Здесь найдены кирпичные полы трех небольших полуподвальных помещений со звездчатыми отверстиями для стока воды в середине (рис. 47). Сохранились кирпичные сидения. Нижние части стен сложены орнаментальной кладкой из поставленных на ребро кирпичей. От верхних частей стен сохранилось множество облицовочных кирпичных плиток, обрушенная тяга портала и сталактиты из фигурных кирпичей.

На участке, смежном с баней, раскоп углубился в слой IX—X вв., но здесь остатков сооружений пока почти не встречено, и время этого слоя определяется лишь по обломкам характерной поливной керамики. Главная масса слоя состоит из глины от разрушенных сырцовых и глинобитных кладок. Ниже этого горизонта остается еще около 2 м культурного слоя, изучение которого в 1953 г. осуществить было невозможно.

Находки, обнаруженные на раскопе внутри города, чрезвычайно обильны и разнообразны. Основная часть их происходит из слоя XII—начала XIII в. Здесь, в укрепленной части города, найденные вещи несравненно богаче и разнообразнее, чем в одновременных бедных жилищах, исследованных на городской стене. Очевидно, в малом городе обитала наиболее зажиточная часть населения.

Значительно меньше находок, относящихся к более раннему времени. Для XI в., которым датируется сооружение бани, характерны такие же богатые и высококачественные изделия, как и для позднейшего слоя. Что же касается слоя IX—X вв., т. е. времени существования оборонительной стены большого города, то в нем пока не встречено жилых комплексов и большая часть находок происходит из завалов и насыпей.

Среди находок 1953 г. на обоих раскопах преобладает керамика, но наряду с ней встречено много других изделий. В частности, найдены орудия труда — железные ножи, лопаты, секачи и сошник длиной 41 см, свидетельствующий о сложившемся на основе искусственного орошения пашенном земледелии. Есть обломки каменных жерновов.

О меднолитейном производстве свидетельствуют медные шлаки и 4 пары глиняных литейных форм для отливки ручек бронзовых или медных котлов, обнаруженные в мусорной яме, врезанной в кладку городской стены. Встречено довольно много мелких изделий из меди или бронзы — бусы, бубенчики, кольца и др. Найден светильник из листовой меди.

Переходя к керамике, необходимо отметить исключительное богатство, разнообразие и полноту находок. Сочетание массовой неполивной бытовой посуды с обильно представленной художественной поливной глиняной и фаянсовой позволит в дальнейшем получить отчетливое представление об эволюции основных разновидностей и типов сосудов и о смене во времени различных керамических комплексов. Это обстоятельство особо существенно, если вспомнить, что простая бытовая посуда эпохи средневековья до настоящего времени в Закавказье остается почти неизученной и ей не посвящено ни одной специальной работы. Лучше изученная поливная посуда также требует еще большой исследовательской работы для уточнения датировок разновидностей и, главным образом, для характеристики отдельных производственных центров, их продукции и ее распространения. Таким образом, результаты изучения керамики с Орен-кала должны быть очень существенны для археологии всего Закавказья.

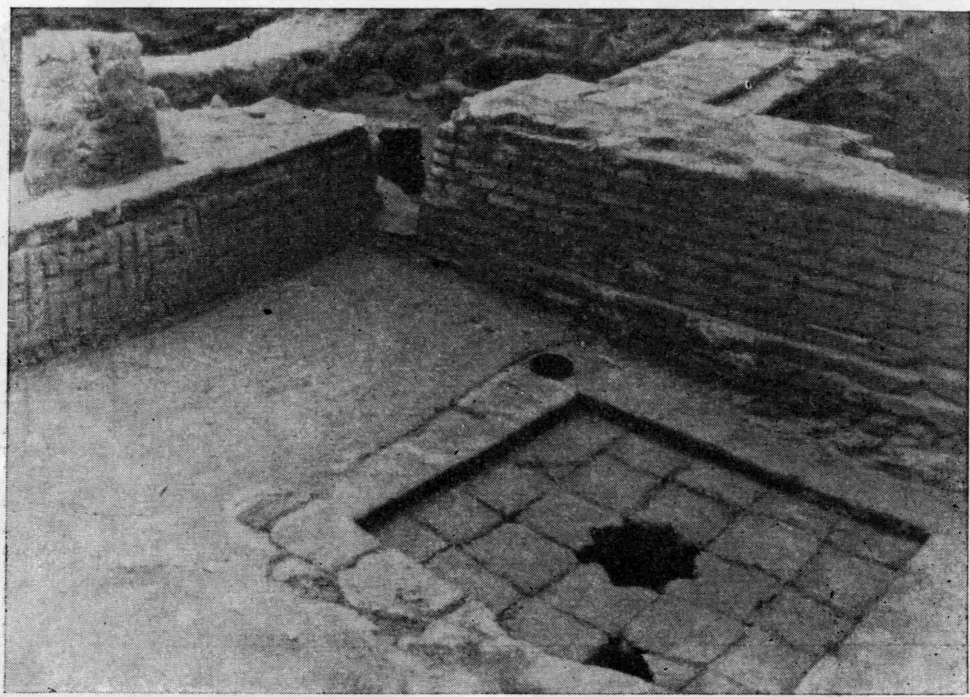

Рис. 47. Орен-кала. Одно из помещений бани XI в.

О неполивной посуде и многих разновидностях поливной совершенно бесспорно можно говорить как о местном изделии. Интересно отметить множество находок так называемых сфероконических сосудов (рис. 48—4) в юго-западной части города, где они обильно представлены бракованными оплавленными, помятыми и спекшимися в процессе обжига экземплярами, что свидетельствует об изготовлении их на месте.

Кроме местной керамики, часто встречается и привозная посуда, в том числе фаянс с надглазурной росписью люстром рейской или рейско-кашанской группы XII—начала XIII в. (рис. 50). Как показатели торговых связей должны быть учтены немногочисленные обломки китайского селадона.

Часты находки керамических архитектурных деталей в виде поливных и неполивных облицовочных плиток различных форм и цветов. К архитектурным украшениям нужно отнести также голову барса или львицы (рис. 48—7).

Из других находок следует отметить два вида изделий из стекла: обломки сосудов и встреченные в большом количестве фрагменты разноцветных браслетов различных форм, круглые и полуовальные в сечении. В небольшом числе обнаружены бусы из стекла, пасты и камня, обломки миниатюрных каменных сосудиков и некоторые поделки из кости.

О монетных находках уже упоминалось; всего в 1953 г. найдено свыше 600 монет, в том числе 2 клада.

Совокупность материалов, полученных за первый год раскопок на Орен-кала, свидетельствует о высоком уровне развития культуры, разнообразии местных производств, широких культурных связях с соседними странами. Особенно яркий расцвет городской жизни должен быть отмечен для периода XI—начала XIII в., когда изучаемый нами степной город жил полнокровной жизнью в относительно спокойной мирной обстановке, о чем, между прочим, можно судить по распространению города далеко за пределы крепостных стен. Эта цветущая пора в жизни Орен-кала резко обрывается в первой половине XIII в., т. е. в период монгольского нашествия.

Рис. 48. Находки на Орен-кала.

1—3 — кувшины; 4 — сфероконический сосуд; 5 — светильник; 6 — накладной рельефный орнамент; 7 — скульптурная голова барса.

С каким же городом можно отождествить Орен-кала?

Из письменных источников, главным образом арабских, мы знаем ряд описаний маршрутов и караванных путей, пролежавших по этой территории. В частности, у некоторых авторов охарактеризован путь из Берда'а в Ардабиль с указанием промежуточных пунктов и расстояний между ними. Берда'а в арабское время была столицей области Арран, охватывавшей всю Мильско-Карабахскую степь и отдельные прилегающие районы. На месте этого города сейчас существует селение и районный центр Барда. Бесспорно локализуется также Ардабиль, существующий поныне. На связывавшем эти города пути, начиная от Берда'а, указываются следующие основные пункты: Юнан, Байлакан, Варсан, Балхаб и Берзенд.

Рис. 49 Находки на Орен-кала.

1—5 — поливная керамика; 6 — фаянсовая чаша с персидской надписью.

Многие авторы XIX и XX вв. не сомневались в локализации Байлакана на месте Орен-кала⁷. В 1933 г. И. И. Мещанинов, основываясь на не опубликованных до сих пор изысканиях Е. А. Пахомова, также принял

⁷ А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 66; В. Безменов. Извлечения из сборника сведений о древностях и достопримечательных местностях Ширвана. Известия Кавказского общества истории и археологии, т. I, вып. 2. Тифлис, 1884, стр. 28; С. Вейссенгоф. Указ. соч., стр. 67; М. Герсеванов и Н. Зейдлиц. Записка о Мильской (Карабахской) степи и годности ее для орошения. Записки Кавк. отд. Русск. технич. общества, Приложение к т. XIV. Тифлис, 1882, стр. 251;

эту точку зрения⁸. Однако в недавнее время, в связи с работами 1951 г., И. М. Джафарзаде высказал иную гипотезу, считая, что Орен-кала может соответствовать древнему Юнану⁹.

Не имея возможности рассмотреть здесь все относящиеся к данному вопросу источники, остановимся лишь на важнейших. Большое значение имеют сообщаемые арабскими географами IX—X вв. сведения о расстояниях между упомянутыми выше городами и сопоставление их с современной картой. При таком сопоставлении следует учитывать, что некоторые из перечисленных промежуточных пунктов между Бардой (Берда'а) и Ардабилем, в частности Берзэнд и Варсан, поддаются локализации без особого труда. Берзэнд, очевидно, соответствует одноименному современному селению на р. Берзэнд-чай. Что касается Варсана, то арабские авторы указывают его местонахождение на правой, южной стороне долины Аракса. Насколько можно судить по имеющимся данным, единственным подходящим для Варсана пунктом является городище Алтан, расположенное в 3 км выше брода Еддибулук, на правой стороне Аракса.

Таким образом, на расстоянии от Барды (Берда'а) до Алтана (Варсана) необходимо поместить города Юнан и Байлакан, а также упоминаемое некоторыми авторами между Байлаканом и Варсаном селение Дарман (или Кумама). Из известных в настоящее время городищ со средневековым слоем к Юнану можно было бы отнести городище у сел. Баят; Е. А. Пахомов устно высказывал предположение о соответствии Юнану городища Кала-тапа, тогда как И. М. Джафарзаде ищет Юнан на Орен-кале.

Основные сообщения о расстояниях на пути Берда'а — Ардабиль можно свести в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Пункты	Авторы				
	Ибн-Хордадбъ*	Кудамы **	Ал-Истахри ***	Ибн-Хаукаль ****	Ал-Мукаддаси *****
Берда'а, Юнан	} 14 ф.	} 3 ф.	} 7 ф.	} 7 ф.	} 1 п.
			} 7 ф.	} 7 ф.	} 1 п.
Байлакан	} 9 ф.	} 7 ф.	} 7 ф.	} 7 ф.	} 1 п.
Дарман	} 3 ф.	} 3 ф.			
Варсан	} 12 ф.	—	} 7 ф.	} 7 ф.	} 1 п.
Балхаб			} 7 ф.	} 7 ф.	} 1 п.
Берзэнд	} 14 ф.	—	} 15 ф.	} 10 ф.	} 2 п.
Ардабиль					

* СМОМПК, XXXII, Тифлис, 1903, отд. 1, стр. 9, 11 и 13.

** Там же, стр. 27.

*** СМОМПК, XXIХ, Тифлис, 1901, отд. 1, стр. 29.

**** СМОМПК, XXVIII, Тифлис, 1900, отд. 1, стр. 101.

***** Там же, стр. 17.

M. N. Khanikoff. Указ. соч., стр. 71, 72; V. Minorsky. «Mukan». Encyclopédie de l'Islam, Suppl. livr 4. Leyder—Paris, 1937, стр. 165.

⁸ И. И. Мещанинов. Указ. соч., стр. 28.

⁹ И. Джафарзаде. Указ. соч., стр. 135.

Рис. 50. Находки на Орен-кала.

1—4 — фаянсовая керамика рейско-кашанской группы, расписанная люстром.

Расстояния, выраженные в фарсах (ф.) или в переходах (п.), дают довольно близкие у всех авторов соотношения. У Кудама указано явно неверное расстояние от Берда'а до Байлакана, не соответствующее показаниям других источников. Что касается пункта (или пунктов) Дарман или Кумама, то он мог быть расположен несколько в стороне от пути из Байлакана в Варсан, чем и вызвано увеличение расстояния между этими городами у авторов, упоминающих Дарман—Кумама.

При попытке перенести маршрут на современную карту нельзя, конечно, считать фарсах вполне точной линейной мерой; однако, принимая его за 5,5—6 км, мы можем думать, что на карте масштаба от 1 : 200 000 до 1 : 500 000 он примерно будет соответствовать расстоянию в 5 км, взятому без учета мелких отклонений пути от основного направления, составляющих обычно от 10 до 20% всей протяженности.

Результат такого измерения расстояний по карте приведен по трем различным вариантам в табл. 2. По первому из них за Юнан принято городище Баят, по второму — городище Кала-тапа. Оба эти варианта исходят из отождествления Байлакана с городищем Орен-кала, а дальнейший путь на Варсан (городище Алтан) намечают через брод Еддибулук. Третий вариант соответствует гипотезе И. М. Джафарзаде, помещавшего Юнан на Орен-кала, Байлакан — на левом берегу Аракса близ Карадонлы, а Варсан — на городище Алтан.

Таблица 2

Участок пути	По древним источникам		По современной карте, км		
	фарсахи	км	варианты		
			I	II	III
Берда'а—Юнан	7	35	35	45	67
Юнан—Байлакан .	7	35	39	23	46
Байлакан—Варсан .	7	35	37	37	41
Варсан—Берзэнд .	14	70	70	70	70
Берзэнд—Ардабиль .	10—15	50—75	108	108	108

Как видно из табл. 2, за исключением явного преуменьшения древними авторами расстояния от Берзенда до Ардабиля, только первый вариант соответствует сообщениям письменных источников, тогда как второй и третий дают соотношения длины участков, уклоняющиеся от этих данных. Следовательно, маршруты арабских географов с наибольшей вероятностью приводят к локализации Байлакана на месте Орен-кала.

Сохранившиеся карты, приложенные к трудам арабских географов, также в большинстве случаев (когда есть возможность по этим картам судить о положении Байлакана) показывают его не у слияния Куры и Аракса, а между реками, примерно на месте Орен-кала.

Время возникновения Байлакана пока не может быть точно установлено. Арабские авторы указывают, что он построен сасанидом Кавадом I, т. е. в конце V в. или в начале VI в. н. э.¹⁰ Однако можно полагать, что город существовал и в более раннее время под именем Пайтакарана, впервые упоминаемого в армянских источниках в связи с событиями начала IV в.¹¹ Можно уверенно говорить о том, что Пайтакаран находился в пределах Мильской степи и играл в этом районе ту же роль центрального пункта, которая в более позднее время принадлежала Байлакану. Вопрос лишь в том, вполне ли совпадало положение древнего Пайтакарана и позднейшего Байлакана; последний у армянских авторов и в последующее время иногда именуется Пайтакараном.

Дальнейшая история города, известная в общих чертах по письменным источникам, хорошо подтверждается археологическими работами. В частности, разгром города монголами, взявшими его приступом в 1221 г.¹², засвидетельствован отчетливым прекращением жизни на городище в период, относимый на основании археологических материалов к первой четверти или трети XIII в. После этого на городище жизнь постепенно угасала, о чем свидетельствуют ничтожные строительные остатки, обнаруженные в верхних слоях.

¹⁰ Беладзори. См. материалы по истории Азербайджана, вып. III. Баку, 1927 стр. 5; Ибн-Хордадбэ—СМОМПК, XXXII, 1903, отд. 1, стр. 15; Ибн-ал-Факих—СМОМПК, XXXI, 1902, отд. 1, стр. 15.

¹¹ Моисей Хоренский. История Армении. Пер. Н. О. Эмина. М., 1893, стр. 144—146, а также многие другие авторы.

¹² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, вып. 2. М.—Л., 1952, стр. 228; Ибн-ал-Асир—см. В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, I. СПб., 1884, стр. 39, 40. Об этом событии сообщают и другие авторы.

К. Х. КУШНАРЕВА

РАСКОПКИ НА ХОЛМЕ УЗЕРЛИК-ТЕПЕ, ОКОЛО АГДАМА

(Из работ Азербайджанской экспедиции 1954 г.)

Разведочные работы в Мильско-Карабахской степи, проводимые в последние годы Азербайджанской экспедицией наряду со стационарными раскопками на средневековом городище Орен-кала, открывают широкие перспективы изучения древнейшей истории Кура-Араксинского междуречья. Начатые осенью 1954 г. раскопки поселения на холме Узерлик-тепе показали исключительное значение этого памятника — одного из первых закавказских поселений с расписной керамикой¹.

Холм Узерлик-тепе, расположенный у восточной окраины г. Агдама (Мильская степь), — неправильной, расплывчатой формы; его диаметр с севера на юг — 202 м, с запада на восток — 196 м, высота — около 10 м; вершина уплощена. Центральная и западная части холма заняты современным кладбищем. В 1954 г. экспедицией заложен небольшой раскоп (32 кв. м) на восточном склоне, на 3,6 м ниже наивысшей точки. Весной 1955 г. площадь раскопа была увеличена до 80 кв. м.

Уровень материка оказался на 3,5 м выше окружающей поверхности; таким образом, было установлено, что Узерлик-тепе не полностью искусственное сооружение и что первоначально поселение было расположено на невысоком естественном возвышении.

Трехметровый культурный слой, доходящий в центре холма, очевидно, до 5—6 м, свидетельствует о длительной непрерывной жизни поселения. Обилие золы, угля, очагов, хозяйственного мусора, ям различного назначения, костей животных, керамики указывает на интенсивную хозяйственную жизнь обитателей. Судя по напластованиям и связанным с ними строительным остаткам, можно говорить о трех слоях, соответствующих, по-видимому, трем строительным периодам.

Самый древний метровый плотный глинистый слой дал наименьшее количество находок. Для него характерно обилие ям различных форм и назначения: здесь есть мусорные и для сброса золы, ямы для хранения зерна и сосудов. В одной из них, врезанной в материк, обнаружены два крупных вытянутых лепных сосуда, хранивших в себе какие-то запасы. Строительных остатков в слое нет.

Средний полуметровый — более рыхлый — слой, изобилующий золой, углем, каменными и глиняными очагами, характеризуется наибольшим количеством находок. С этим слоем связана массивная стена, расчищенная

¹ В работе принимали участие К. Х. Кушнарева (начальник отряда), О. А. Абибуллаев, Т. Биннатов и М. Н. Погребова (научные сотрудники) и Д. С. Рапопорт (лаборант).

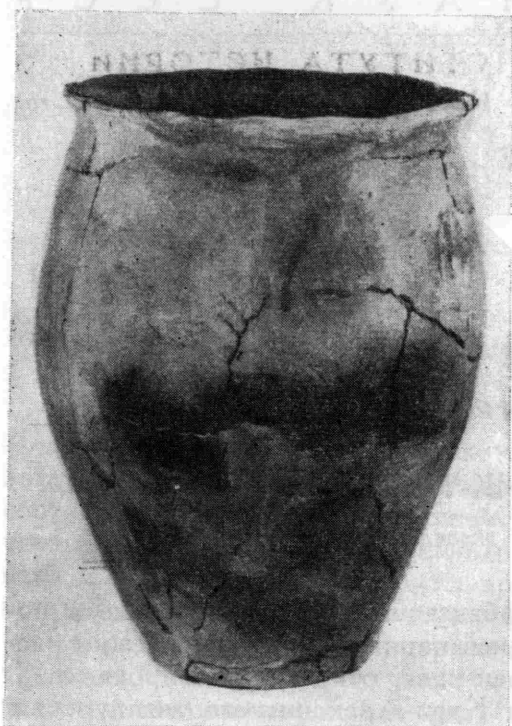

Рис. 51. Узерлик-тепе. Грубый лепной горшок (группа I).

Образовался третий, наиболее поздний слой памятника. Несмотря на значительную перекопку и включение некоторых элементов более поздних культур, свидетельствующих о кратковременном возобновлении жизни через много столетий, удалось выявить интересный комплекс, характеризующий последний этап существования поселения. В этом слое расчищены остатки жилища с сырцовыми стенами и неоднократно подмазывавшимся глиняным полом, на котором находился сложенный из камней очаг. Помимо обгорелых зерен, в очаге обнаружены круглая глиняная лепешка и маленькая женская статуэтка.

Деление на 3 слоя сделано на основе хорошо прослеживающихся строительных периодов. Однако археологический материал не поддается столь определенному членению и представляет в общем единый комплекс, имеющий, правда, ряд особенностей, зависящих от большей или меньшей древности слоя и заметных, главным образом, по керамике. В целом же поселение Узерлик-тепе характеризует одну историческую эпоху.

Культурный слой насыщен находками, особенно керамикой, которая весьма разнообразна и делится по техническим свойствам на следующие группы:

I. Грубые лепные светлоглиняные, слабого обжига горшки без ручек. Сосуды эти неорнаментированные, различных размеров; среди них есть и очень крупные с вытянутым округлым туловом (рис. 51); и маленькие горшочки и чашечки. Встречаются во всех слоях поселения.

II. Крупные сероглиняные, хорошо обожженные сосуды более высокого качества. У них сильно вздутое тулово, широкий отогнутый венчик, ручки отсутствуют. Поверхность черная, лощеная, украшенная зигзагообразными линиями, зубчатым и гребенчатым штампом. Встречаются в двух верхних слоях поселения.

III. Крупные красноглиняные расписные сосуды без ручек — высокие, с сильно вздутым туловом и широким отогнутым венчиком (рис. 52). Поверхность покрыта красным ангобом и расписана черной краской (спускаю-

на протяжении 10 м, основание которой (с подстилающим глинобитным основанием) покоится на нижнем культурном слое. Стена сложена из больших сырцовых кирпичей размером $38 \times 38 \times 8$ см, $40 \times 40 \times 8$ см, $48 \times 48 \times 8$ см. Толщина стены — 2 м, сохранившаяся высота — около 1 м. Направление стены в общем с севера на юг, однако отмечен некоторый изгиб. В настоящий момент было бы преждевременным окончательно решать вопрос о назначении этой стены, но весь ее облик — массивная кладка из крупных кирпичей, двухметровая толщина, значительная протяженность расчищенной части, уходящей дальше под края раскопа, — наводят на мысль об оборонительном значении сооружения. Предположение это может найти подтверждение лишь в последующих раскопках.

Позднее, по мере нарастания культурного слоя, первоначальное значение стены было постепенно утрачено.

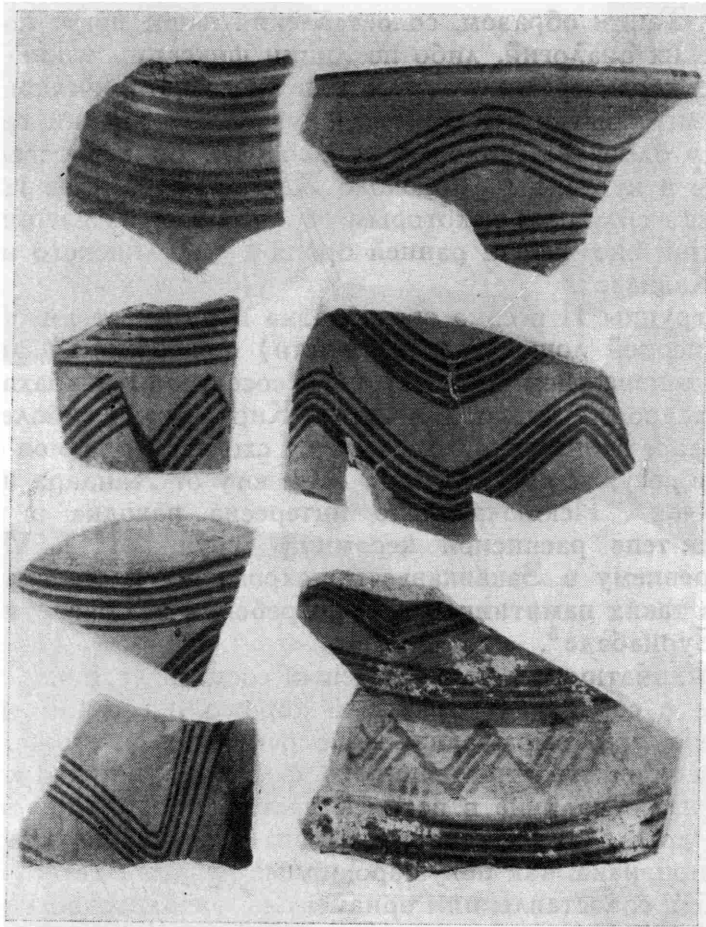

Рис. 52. Узерлик-тепе. Фрагменты красноглиняных сосудов, украшенных черной росписью (группа III).

щиеся шевроны, волнистые пояса, заштрихованные ромбы). Встречаются в двух верхних слоях поселения.

Помимо перечисленных трех основных групп, на поселении обнаружены разновидности сосудов первых двух групп. Это посуда, близкая по техническим свойствам, но отличающаяся по форме и деталям орнаментации.

К группе I очень близки небольшие лепные толстостенные горшочки с округлым туловом и широким, несколько загнутым внутрь венчиком (выделим их в группу Ia). Поверхность неровная, но лощеная; на некоторых — врезной орнамент, бóльшая же часть не орнаментирована. Встречаются исключительно в нижнем слое поселения.

К группе II чрезвычайно близки миниатюрные тонкостенные горшочки (выделим их в группу IIa) с черной лощеной поверхностью (рис. 53). Тулово округлое, венчик широкий, днище маленькое. Под венчиком — вдавленный горизонтальный пояс, ниже которого — орнамент пунктиром или наколом. Встречаются, главным образом, в нижнем слое поселения.

Перечисленные группы керамики весьма разнообразны, хотя для всех характерен один общий признак — отсутствие ручек. Неравномерное распределение отдельных типов посуды по слоям в дальнейшем поможет выделить основные хронологические группы и даст возможность увязать их с различными этапами жизни поселения.

При анализе керамики, собранной на поселении, пришлось столкнуться с большой трудностью — полным отсутствием исследованных памятников II тысячелетия до н. э. на территории Азербайджана. Перечень известных в Закавказье памятников этого времени ограничен лишь несколькими

могильниками. Таким образом, сопоставления наши могут пока идти либо по линии далеких аналогий, либо по линии фиксации каких-то отдельных черт керамики, характерных для того или иного исторического периода.

Так, например, вытянутые грубые «кухонные» горшки группы I находят лишь одну близкую аналогию — в сосудах из грунтовых погребений ранней бронзы в кургане № 36 около Ханлара². Обилие грубой, примитивной керамики сближает некоторым образом сосуды группы I с керамикой из поселений энеолита и ранней бронзы у Долинского и Джемикента на Северном Кавказе³.

Керамика группы II весьма своеобразна и не имеет ничего общего (за исключением черной лощеной поверхности) с керамикой эпохи поздней бронзы, хорошо известной по памятникам соседнего Карабаха (могильники у селений Арчадзор, Ахмахи, Ходжалы, Киркиджан) и более отдаленных районов (Ханлар, Мингечаур). Некоторое сходство приемов орнаментации можно найти в сосудах из могилы № 12 к югу от Ханлара и № 139 в долине Ганджа-чая⁴. Исключительно интересна находка в верхних двух слоях Узерлик-тепе расписной керамики (группа III). Она относится к наиболее древнему в Закавказье монохромному варианту и примыкает к керамике из таких памятников, как погребения в Триалети, Кировакане, Кизил-кале, Зурнабаде⁵.

Изучение миниатюрных чернолощенных сосудов (группа IIa) позволяет сделать вывод о сохранении традиций хорошо известной энеолитической кавказской керамики, выражающихся в основных формообразующих элементах (миниатюрность, тщательность формовки, широкие венчики при маленьких днищах, наличие в верхней части широкого неорнаментированного пояса и др.)⁶. Отсутствие же такого характерного для энеолитических сосудов признака, как полушаровидные ручки, а также своеобразный, не поддающийся сопоставлениям орнамент на узерликской керамике указывают на ее более позднее происхождение и позволяют отнести ее к эпохе ранней, а может быть, частично и средней бронзы.

Керамика группы Ia еще немногочисленна. Однако найденные образцы с врезным орнаментом можно в какой-то мере сопоставить с керамикой Шенгавитского поселения в Армении и Нацар-гора в Грузии⁷.

На поселении встречено большое количество предметов из камня: различные зернотерки, песты, терочники, точильные камни. Интересна неоконченная булава шаровидной формы типа найденных в энеолитических курганах в соседнем Карабахе⁸. Из мелких каменных предметов следует отме-

² Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 107, фиг. 43 — 55, 56.

³ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, табл. VI.

⁴ Я. И. Гуммель. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КСИИМК, вып. XX, 1948, рис. 11 и 12.

⁵ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. LXXX—LXXXIII; Я. И. Гуммель. Крашенная керамика в долине Ганджа-чая. Известия Аз. ФАН СССР, 1939, № 5, рис. 1—3.

⁶ Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 175, рис. 1; Е. А. Байбуртян. По поводу древней керамики из Шреш-блур. СА, III, 1937, стр. 212, рис. 5; Б. А. Куфтин. Указ. соч., табл. CXXIII—CXXV; его же. Археологические работы в Цалкинском районе в 1947 г. Тбилиси, 1948, табл. XXI, XXXIV; его же. К вопросу об энеолите внутренней Картли. Вестник Гос. музея Грузии, XIV, В, Тбилиси, 1947; его же. Урартский «колумбарий» у подшвы Арарата и куро-араксский энеолит. Вестник Гос. музея Грузии, XIII, В, Тбилиси, 1944, рис. 34, 35, 50, 53, 55, 61, 64, 71, 72, табл. XVI. XXII—XXIV, XXVI; К. Х. Кушнарева. Памятники медного века в Нагорном Карабахе. СА, XX, 1954, стр. 167, рис. 1.

⁷ Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий»..., табл. XXVIII, 6, 9, рис. 72; Г. Гобеджишвили. Холм Нацар-гора близ г. Сталинири. Мимомхилвеле, т. II, Тбилиси, 1949, табл. VIII, 2.

⁸ К. Х. Кушнарева. Указ. соч., стр. 167, рис. 1, 2.

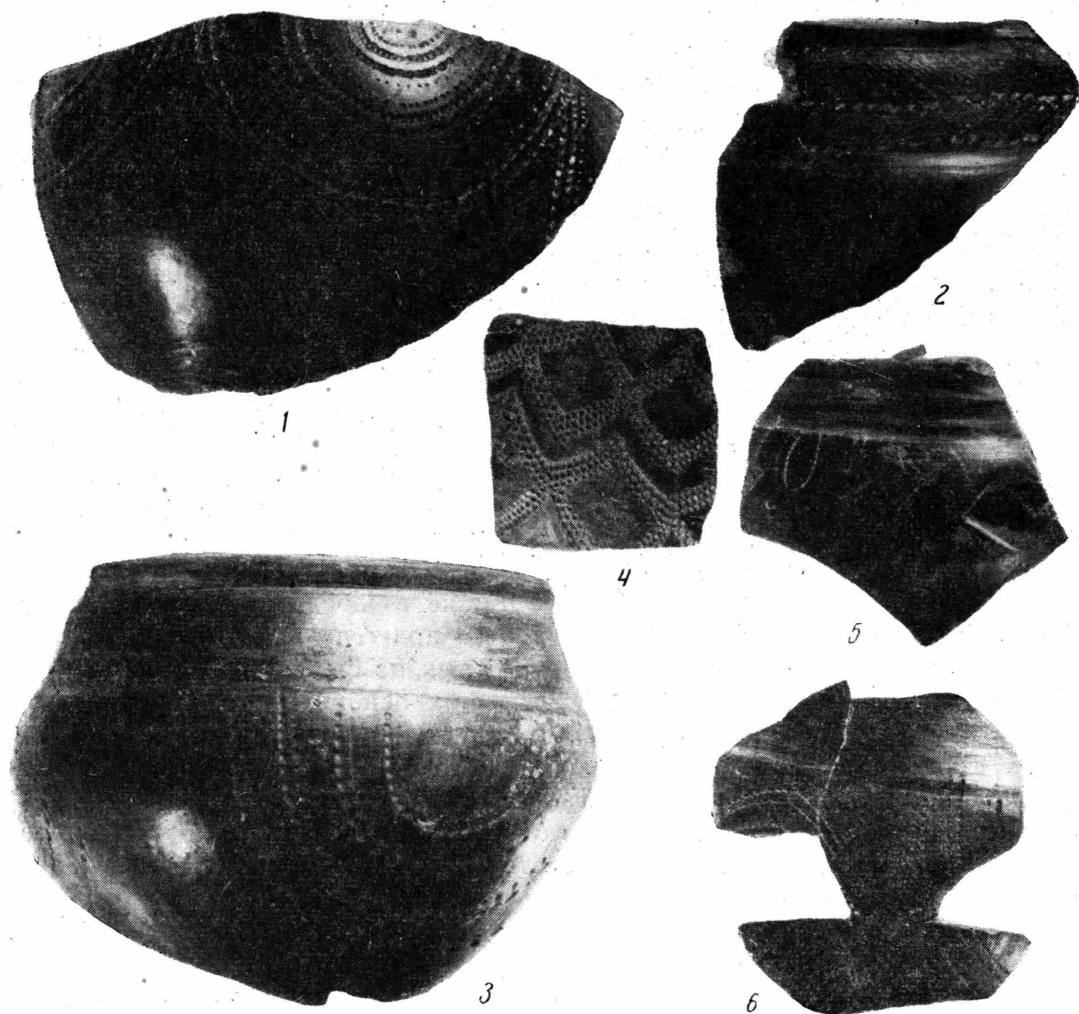

Рис. 53. Узерлик-тепе. Фрагменты (1—6) миниатюрных чернолащенных сосудов (группа IIa).

тить кремневый вкладыш от серпа, просверленную подвесочку и обломок каменного оселка. Обилие осколков обсидиана, миниатюрная обсидиановая стрелочка, аналогичная найденным, например, в Степанакертских и Триалетских курганах⁹, указывают на производство обсидиановых предметов здесь же, на поселении. Кроме перечисленного, на Узерлик-тепе найдены костяные проколки, глиняные пряслица, модель колеса, а также глиняная стилизованная женская статуэтка.

Аналогии указанным выше мелким предметам мы находим в материалах известных памятников энеолита и ранней бронзы Закавказья и более южных областей — в триалетских ранних комплексах, в некоторых памятниках Юго-Осетии (Сачхери, Нацар-гора, Кулбакеби и пр.), в группе эчмиадзинских поселений Армении (Шенгавит, Шреш-блур, Кюль-тапа, Эйлар)¹⁰. В Восточном Закавказье собранный материал может быть сопоставлен отчасти с находками в Степанакертских курганах и, главным

⁹ Я. И. Гуммель. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана, рис. 8—4; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети..., табл. CVI.

¹⁰ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети...; его же. Археологические работы в Цалкинском районе..., стр. 10—48; его же. Археологическая маршрутная экспедиция в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 65; Г. Гобеджишвили. Указ. соч.; О. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии Грузии. Тбилиси, 1955; Б. Б. Пиотровский. Указ. соч.

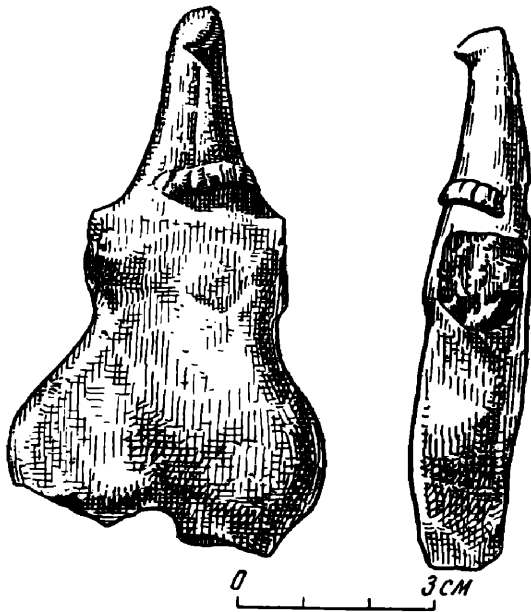

Рис. 54. Глиняная женская статуэтка.

легкие тростниковые хижины, обмазанные глиной, о чем свидетельствуют куски обмазки с отпечатками прутьев.

Мощный культурный слой, остатки фундаментальных сооружений, обилие мусора, керамики — все это свидетельствует об оседлом образе жизни обитателей Узерлик-тепе.

Основой хозяйства поселения были земледелие и скотоводство. Первое документируется находками зерен пшеницы (*Triticum durum* Desf.), ячменя (*Hordeum sativum*), косточек винограда, а также обилием зернотерок и пестов.

О скотоводстве можно судить по большому числу костей домашних животных (кости диких животных почти отсутствуют). Относительно формы скотоводства говорить пока еще трудно, однако большой процент костей крупного рогатого скота указывает, вероятнее, на оседлую форму скотоводства, характерную для предгорных районов Кавказа.

Очень интересна для понимания идеологических представлений жителей поселения находка стилизованной женской статуэтки (рис. 54), обнаруженной в очаге жилища верхнего слоя. Фигурка была сильно закопчена, а вместе с ней найдены обгорелые зерна злаков и круглая глиняная лепешка, имитирующая хлебца.

Не останавливаясь на огромной литературе, посвященной находкам статуэток и интерпретации древних женских изображений, укажем лишь на широкое распространение их в раннеземледельческой среде Передней и Средней Азии, а также Юго-Восточной Европы и на связь подобных фигурок с культом плодородия в широком смысле слова, куда входят такие представления, как плодородие растительности, увеличение поголовья скота, процветание рода. С образом женщины у ряда древних народов связано благополучие дома, о чем свидетельствуют находки статуэток около

образом, в близких поселению по времени курганах на р. Хаченагет¹¹. В круг привлеченных нами памятников попадают, несомненно, и поселения у селений Каякент и Джемикент, а также открытый в последние годы энеолитический слой у с. Лугового (Грозненская область, Первомайский район)¹².

Расположенное на невысоком естественном возвышении поселение Узерлик-тепе относится к так называемым тепе — зольным холмам, широко известным на Кавказе (Кюль-тапа, Нацар-гора, Шреш-блур и др.) и в более южных областях (Геой-тепе, Тепе-Гиссар, Алишар, Тепе-Сиалк и др.), а также в Средней Азии (Намазга-тепе, Кара-тепе, Анау и пр.). Помимо построек из сырцовых кирпичей, служивших основным строительным материалом, здесь, очевидно, были и

¹¹ Я. И. Гуммель. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана; К. Х. Кушнарера. Указ. соч.

¹² А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 130; Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 99; Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. СА, XXII, 1955.

очагов жилища или около жертвенников¹³. В очаге дома находилась и обнаруженная нами статуэтка.

В заключение остается сказать несколько слов о датировке Узерлик-тепе. Несомненно, поселение с 5—6-метровым культурным слоем существовало не одно столетие. Некоторые данные для датировки памятника получены в результате анализа керамики, хотя она не имеет, как было сказано выше, близких аналогий вследствие крайне слабой изученности периодов ранней и средней бронзы на территории Восточного Закавказья. Мы установили, что миниатюрные сосуды, встречающиеся, как правило, в нижних слоях поселения, несут традиции своеобразной энеолитической керамики Закавказья. Однако следует подчеркнуть, что сосуды из Узерлик-тепе резко отличаются от текстильной керамики раннего энеолита (Степанакертские курганы, находки в Килик-даге)¹⁴ — периода, когда еще не выработались ведущие черты закавказской энеолитической керамики; вместе с тем эти сосуды очень близки к керамике памятников позднего энеолита или ранней бронзы, например из расположенных по соседству Хаченагетских курганов, датируемых первыми веками II тысячелетия до н. э.¹⁵ Этим примерно определяется нижняя дата Узерлик-тепе.

Расписная монохромная керамика, отсутствующая в нижнем слое и характерная, главным образом, для среднего, датируется по ряду аналогий (Триалети, Кировакан, Зурнабад) серединой II тысячелетия до н. э. Аналогичная картина перекрытия энеолитической керамики расписной известна на поселении Муханнат-тапа около Еревана и Кюль-тепе (Нахич. АССР)¹⁶.

Поздняя хронологическая граница в настоящий момент не вполне ясна. Однако надо отметить, что керамика верхних слоев не имеет точек соприкосновения с хорошо изученной и широко известной в Азербайджане керамикой эпохи поздней бронзы. Можно предполагать, что между поселением Узерлик-тепе и памятниками первых веков I тысячелетия до н. э. существует довольно большой хронологический разрыв.

Учитывая приведенные сопоставления, а также мощность культурного слоя, указывающую на длительность существования поселения, мы можем предположительно датировать Узерлик-тепе периодом от начала второй до конца третьей четверти II тысячелетия до н. э.

---

¹³ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 95; С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевская. МИА, № 38, 1953, стр. 255.

¹⁴ Я. И. Гуммель. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана, стр. 18, 19; его же. Памятники древности в окрестностях Килик-дага. Известия Аз. ФАН СССР, 1941, № 2, стр. 27—40.

¹⁵ К. Х. Кушнарера. Указ. соч., стр. 179.

¹⁶ Е. А. Байбуртян. Проблема крашеной керамики Армении. Вестник Института истории и литературы Арм. ССР, т. II. Ереван, 1937; О. А. Абибуллаев. К изучению холма Кюль-тепе. Тр. Ин-та ист. и фил. АН Аз. ССР, IX, Баку, 1956, стр. 6.

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

И. Н. ХЛОПИН

ИЗОБРАЖЕНИЕ КОРОВЫ НА СОСУДЕ ИЗ КАРА-ДЕПЕ

(По материалам работ ЮТАКЭ 1955 года)

В 1955 г. ЮТАКЭ начала большие работы на холме Кара-депе у станции Артык, в 90 км на восток — юго-восток от Ашхабада¹. Это памятник, относящийся к южнотуркменскому варианту культур с расписной керамикой, широко распространенных по всему Переднему Востоку. В ходе работ на двух раскопах общей площадью 800 кв. м был вскрыт слой, относимый по новой периодизации Б. А. Куфтина, установленной путем анализа керамических форм и орнамента, к культуре Намазга III (первая половина III тысячелетия до н. э.)².

Наиболее характерной особенностью слоя Намазга III на Кара-депе можно считать появление и широкое распространение в мотивах росписи керамики фризов с изображениями животных наряду с большим количеством видов геометрического орнамента. Орнаментация выполнена в технике, отличающейся от применявшейся при выработке сосудов нижележащих слоев, — почти черная, легко смываемая краска наложена с помощью кисти на светлый зеленовато-желтый или розовый ангоб рельефными линиями.

Среди многих сосудов, украшенных изображениями козлов, пятнистых животных из семейства кошачьих (условно названы нами барсами) и птиц, встречено несколько фрагментов с изображением пятнистого же животного, но не из семейства кошачьих. Сохранность одного из фрагментов позволила реконструировать форму сосуда и рисунок орнамента (рис. 55). Это глубокая чаша (высота — 15,5 см, диаметр венчика — 26 см), изготовленная ручной лепкой; тесто розовато-серое с примесью мелкой соломы. Снаружи и изнутри сосуд покрыт светлым ангобом. Верхнюю часть чаши занимает фриз шириной 9 см с изображениями животных. Он состоял, по видимому, из семи повторяющихся групп; каждая включает изображение животного и трех птиц над ним. У птиц, часто встречающихся и в других сочетаниях, маленькая голова с большим клювом, длинная шея, заостренный хвост и короткие ноги, что позволяет видеть в них гусей или уток.

Породу животного определить труднее; изображение сильно стилизовано. Туловище целиком покрыто черными пятнами; хвост опущен вниз и

¹ В. М. Массон. Работы ЮТАКЭ в 1955 г. по изучению раннеананских культур. Известия Академии наук Туркм. ССР, 1956, № 2.

² Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». Известия Академии наук Туркм. ССР, 1954, № 1; М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V, 1955, стр. 239—242; История Туркменской ССР, т. I (макет). Ашхабад, 1955, стр. 25—30.

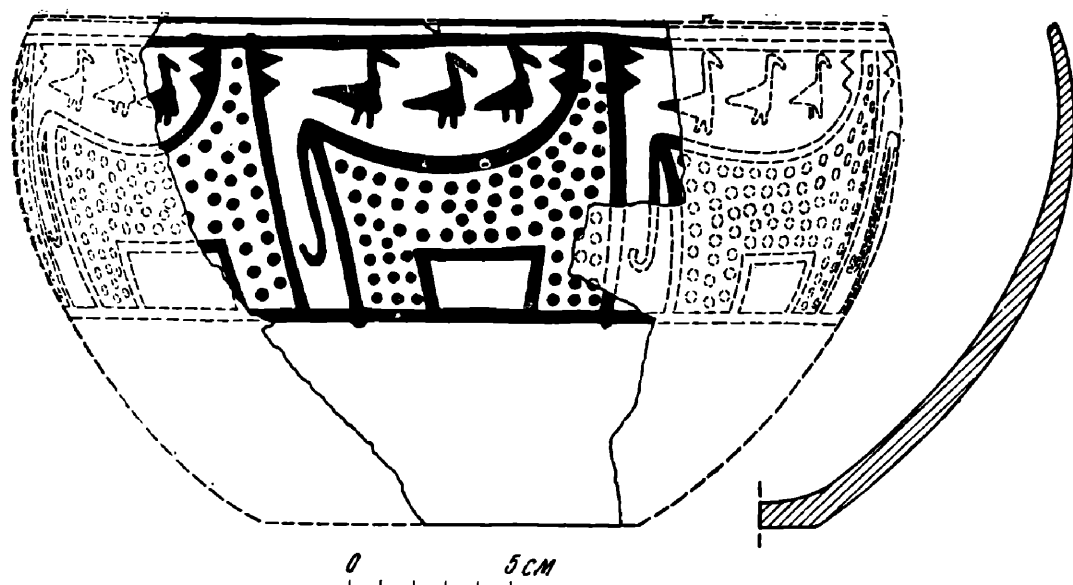

Рис. 55. Чаша с Кара-депе.

загнут на конце крючком; вместо морды — торчащие в стороны четыре конических отростка (по два с каждой стороны), прикрепленные непосредственно на шее.

Композиция, в которой сочетаются изображения животных и птиц, встречается и в других памятниках культур с расписной керамикой в Центральном Иране, Хузистане и Южном Белуджистане. Наиболее близкой аналогией в композиционном отношении являются изображения на сосуде и отдельных фрагментах, найденных в Сузском некрополе³. Здесь фриз включает изображение коровы с группой птиц около нее. В пользу такого определения породы животного свидетельствуют общий вид его и форма головы с рогами. Э. Херцфельд называет изображение двуцветным⁴, но это не совсем точно, так как Р. Мекконем определенно указывает, что корова нарисована на полихромном сосуде темной, черной или коричневой краской⁵. По мнению Э. Херцфельда и С. Пиггота⁶, фрагмент относится к сузской керамике II стиля и датируется временем позднего Джемдет Насра или раннединастическим, т. е. первыми веками III тысячелетия до н. э.

Сопоставление животных дает нам право считать, что на фрагментах сосудов из Кара-депе изображена пятнистая корова. Треугольные отростки на голове животного легко получают объяснение: верхняя пара — рога, нижняя — уши. Корова поставлена к зрителю боком, а голова ее повернута en face или затылком.

Наличие подобной композиции на сосудах из Суз не ограничивает круга аналогий. Изображение коровы и птиц встречено на фрагменте сосуда из Сиалка (Сиалк III, 7)⁷, причем животное обладает длинными, направленными вперед рогами, а туловище покрыто двойной штриховкой.

³ E. Pottier. *Étude historique et chronologique sur les vases peints de l'acropole de Suse. Mémoires de la Délégation en Perse, t. XIII. Paris, 1912, стр. 47, 48, фиг. 168, табл. XXX, 7.*

⁴ E. Herzfeld. *Iran in the Ancient East. London—New York, 1941, стр. 87.*

⁵ R. de Mecquenem. *Catalogue de la céramique peinte susienne, conservée au Musée du Louvre. Mémoires de la Délégation en Perse, t. XIII. Paris, 1912, стр. 145.*

⁶ S. Pigott. *Prehistoric India to 1000 B. C. London, 1952, стр. 115.* Туловище коровы на рис. 12 в действительности не является пятнистым, так как оно в публикации Е. Потье покрыто штриховкой.

⁷ R. Ghirshman. *Fouilles de Tépé-Siyalk près de Kashan. Musée du Louvre, série archéologique, t. IV, Paris, 1938, стр. 51, фиг. 7.*

Большое число сосудов с подобной композицией известно в памятниках, относящихся к культуре Кулли в Южном Белуджистане, которая датируется С. Пигготом серединой III тысячелетия до н. э.⁸ В культуре Кулли сюжет изображения, по сути дела, тот же, но отличается от кара-депинского манерой рисунка; кроме того, на сосудах там изображалась индийская горбатая корова с большими рогами.

Изображения крупного рогатого скота и птицы подтверждают большую роль скотоводства в хозяйстве оседлого земледельческого населения. Различия в фигурах животных в Южной Туркмении, Иране и Южном Белуджистане позволяют говорить о том, что в III тысячелетии до н. э. население этих областей разводило разные породы крупного рогатого скота. Скотоводство не исключало, конечно, сезонной охоты на перелетных птиц, тем более что маршруты перелетов проходят с севера на юг как раз через области распространения культур с расписной керамикой.

Существование на столь обширной территории одинакового сюжета в росписи посуды — свидетельство постоянного взаимодействия общин, населявших в первой половине III тысячелетия до н. э. восточные области распространения культур с расписной керамикой. Поэтому вполне уместно считать, что сюжет (и композиция) орнамента «коровы с птицами» возник первоначально в областях Элама (в Хузистане). Оттуда он распространился на северо-восток и, достигнув северных предгорий Копет-дага, утратил реалистичность, превратившись в орнаментальную схему.

Таким образом, изображение «коровы с птицами» является сравнительно редким и встречается на сосудах только в определенный период развития той или иной культуры; оно свидетельствует о синхронности слоев Намазга III с Сиалком III, 7, Сузами D (по старой терминологии — Сузы II) и культурой Кулли и об одинаковом хозяйственном укладе носителей этих культур на данном отрезке времени.

---

⁸ S. Piggott. Указ. соч., стр. 243.

С. И. МАКАЛАТИЯ

ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
ИЗ СЕЛЕНИЯ ДВАНИ

В 1952 г. в сел. Двани¹ при расширении шоссейной дороги было открыто грунтовое погребение на том месте, где автором настоящей заметки проведены археологические раскопки в 1944 г.

При осмотре и из расспросов на месте выяснилось, что в могиле находились 2 скелета в скорченном положении, обращенные спиной друг к другу. Один из них лежал лицом к востоку; у головы обнаружены глиняная миска, кувшин, бронзовая булавка и щипцы. Второй скелет был положен на левом боку, лицом к западу; поблизости стояли 3 глиняных горшка среднего размера, у поясицы — бронзовая пряжка, бронзовый кинжал и наконечник копья.

Расстояние между скелетами — 0,3 м. Погребение вскрыто на глубине 0,8 м от поверхности почвы. Над ним были сложены булыжники, что вообще характерно для дванских грунтовых погребений. По своей форме и ритуалу обнаруженное захоронение аналогично раскопанному там же в 1944 г.²

Посуда была разбита на месте находки; из погребального инвентаря доставлены лишь бронзовая булавка, щипцы, пряжка, кинжал и наконечник копья.

Сравнительное изучение найденных вещей дает возможность определить характер погребения и установить время, к которому оно относится. Самым важным и характерным предметом является бронзовая пряжка, красиво орнаментированная. Извлечена она была цельной, но после разбита на 3 части, из которых нижняя утеряна. Это узкая (ширина — 5 см) литая пластина, достигающая в длину (с отломанной и недостающей частью) 20 см; на середине оборотной стороны есть острый крючок, который при застегивании пояса вдевался непосредственно в отверстие на конце ремня (рис. 56 — 1). С противоположной стороны в прямом тесном желобке проделаны круглые отверстия, служившие для прикрепления пряжки к поясу. Поверхность пряжки орнаментирована и разделена на 3 части. Средняя часть, к которой приделан крючок, украшена спиральными завитками; на верхней и нижней изображены звери, стоящие на задних лапах. Пасть широко разинута, губа поднята вверх; уши заострены; туловище покрыто несколькими рядами мелких гравированных кружков.

¹ Сел. Двани расположено в ущелье Проне (Карельский район). Здесь было раскопано мной в 1944 г. 14 погребений, которые относятся к раннежелезному периоду — приблизительно VII—VI вв. до н. э. (См. С. Макалатия. Раскопки Дванского могильника. СА, XI, 1949, стр. 225).

² С. Макалатия. Указ. соч., рис. 13, погребение № 13—14.

придающих коже животного пятнистость; хвост длинный, приподнятый вверх; глаза круглые, глубоко врезанные. Рисунок залит голубой массой, чтобы выявить пятнистость меха. Фон украшен спиральными завитками.

Подобные пряжки на кожаном ремне обычно носились мужчинами. В большом количестве такие пряжки найдены в Северной Осетии, в Кобани, почему и называют их кобанскими³.

В Грузии пряжек этого типа обнаружено всего несколько экземпляров, и то в числе случайных находок. Они все литые, разных размеров, начиная от 5 см, причем некоторые достигают 25 см⁴. Известно, что один экземпляр происходит из сел. Вани (Имеретия) и доставлен в Тбилисский музей Е. Такайшвили вместе с другими случайно собранными коллекциями⁵ (рис. 56—2). Вторая пряжка кобанского типа найдена случайно в Карзмани, Джавского района, и хранится в Сталинирском музее⁶.

Пряжки малого размера с гравированным орнаментом случайно обнаружены в окрестностях Ацхури и в сел. Ховле (Центральный Картли), а также в сел. Тли, Джавского района⁸. Известна еще одна пряжка, найденная в Сванетии⁹ (рис. 56—3); на ней изображены три пятнистых зверя с геометрическим орнаментом. По композиции и стилю она аналогична дванской.

На этих пряжках имеются изображения в виде геометрических фигур, пресмыкающихся и животных, которых считали пантерой или тигром¹⁰. А. А. Миллер доказывал, что изображены собаки и что на пряжках представлена охотничья сцена¹¹. Нужно отметить, что подобную сцену мы видим на ванской пряжке, хранящейся в Государственном музее Грузии¹². На дванской пряжке изображены четыре одинаковые собаки. Аналогична и сванская пряжка с фигурами трех собак — таких же, как на дванской. В этом отношении дванская и сванская пряжки сходны с одной из найденных в Кобани¹³.

Однако по композиции сцены и орнаментации эти пряжки отличаются от кобанской. Дванская оформлена более художественно, а техника выполнения ее совершеннее; но если дванскую пряжку сравнить со сванской, ванской и карзманской, точное место находки которых, к сожалению, не установлено, то нельзя не заметить явного сходства в технике исполнения, композиции и орнаментации. Собаки на этих пряжках гравированы одним и тем же техническим приемом и выемки залиты стеклообразной массой. Фон орнаментирован одинаково — мелкими завитками. Разница только в том, что на ванской пряжке в середине изображен олень.

³ В Кобани найдено 150 пряжек, которые хранятся в ГИМ (Москва) и Государственном Эрмитаже (Ленинград), а также Венском и Сен-Жерменском (Франция) музеях; МАК, т. VIII, М., 1900, стр. 35—50; R. Virchow. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883, стр. 63—76; E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. II. Paris—Lyon, 1885.

⁴ МАК, т. VIII, табл. XVIII, 2, XXXVII, 5.

⁵ Коллекции Кавказского музея, т. V, № 2500, Тифлис, 1902; Б. А. Куфтин. Материалы по археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950, стр. 8, табл. I.

⁶ См. Каталог коллекции Сталинирского музея, № 913.

⁷ Г. Ниорадзе. Археологические разведки ущелья Курь. Вестник Гос. музея Грузии, XIII, В, Тбилиси, 1944, стр. 196, табл. V—5; Б. А. Куфтин. Материалы по археологии Колхиды, т. II, стр. 163, рис. 39. В Горийском историко-этнографическом музее (инв. № 7311/5 и 3797/9) хранятся две такие пряжки (найжены в 1953 г.).

⁸ Пряжка хранится в ГИМ (Москва), инв. № 25278 (приобретена от Долбажевского в 1889 г.).

⁹ Эта пряжка из коллекции Д. А. Вырубова приобретена Государственным Эрмитажем в 1897 г. (инв. № 1739/2).

¹⁰ МАК, т. VIII, стр. 41, 49.

¹¹ А. А. Миллер. Изображение собаки в древностях Кавказа. ИРАИМК, т. II, М., 1922, стр. 315—320.

¹² Б. А. Куфтин. Материалы по археологии Колхиды, т. II, табл. I, 4.

¹³ МАК, т. VIII, табл. XXIII, 1.

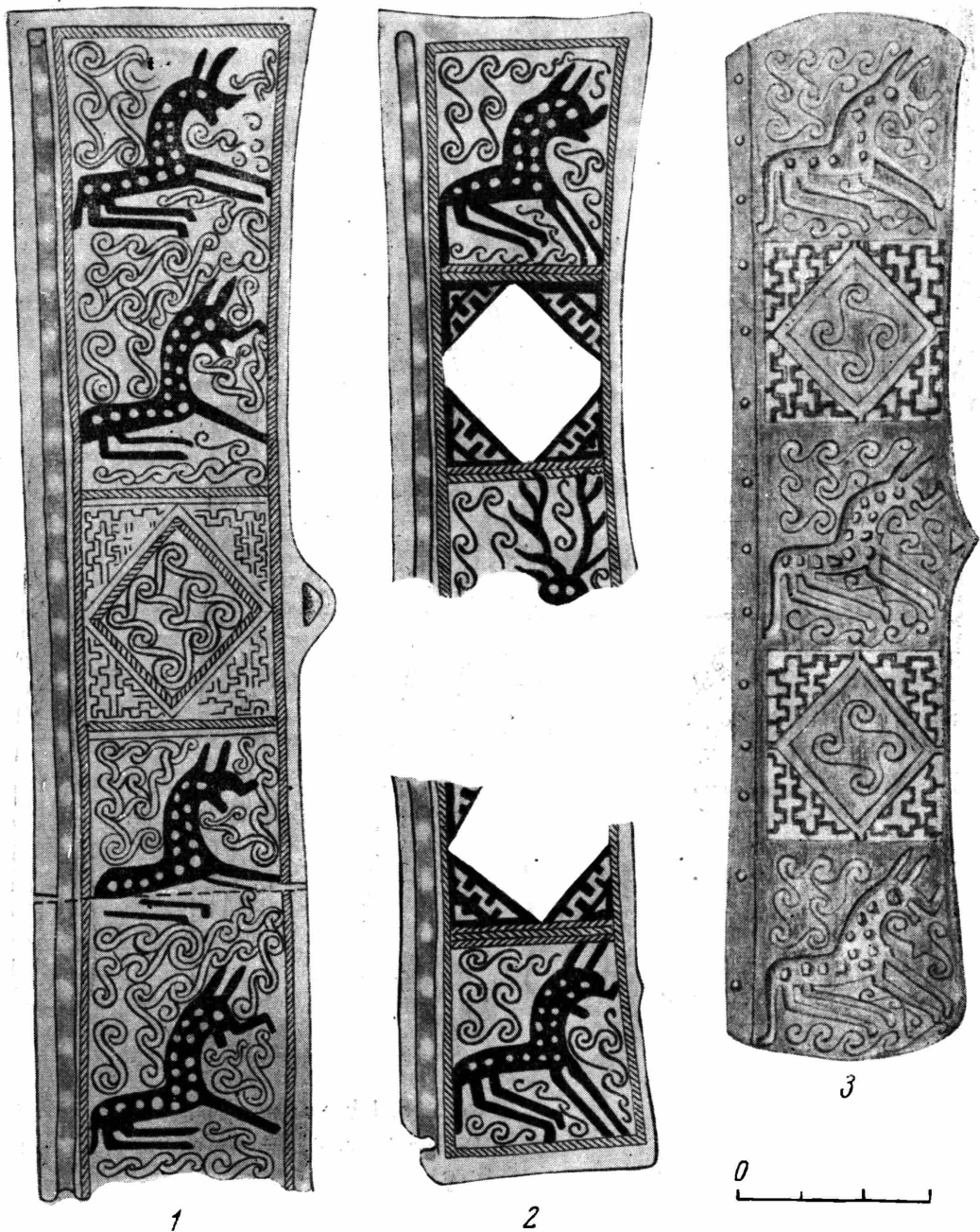

Рис. 56. Орнаментированные поясные пряжки.

1 — из Дзави; 2 — из Вани; 3 — из Сванетии.

Есть все основания предполагать, что эти пряжки — иберо-колхского (грузинского) изделия и выполнены местными мастерами по образцу кобанских, но более высокой техникой и с большим художественным мастерством.

Подобные пряжки кобанского типа относятся к позднебронзовому периоду и датируются концом II тысячелетия — началом I тысячелетия до н. э.¹⁴

¹⁴ R. Virchow. Указ. соч.; А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. М., 1935, стр. 111—113; Б. В. Фармаковский. Арханчский период в России. МАР, № 34, стр. 50; А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 309; Г. Д. Филимонов. О доисторической культуре Осетии. ИОЛЕАЭ, т. XXXI, М., 1878, стр. 33; Е. И. Крупнов. К вопросу о хронологии кобанской культуры. Уч. зап. Кабардинск. научно-исслед. института, Нальчик, 1946, стр. 146.

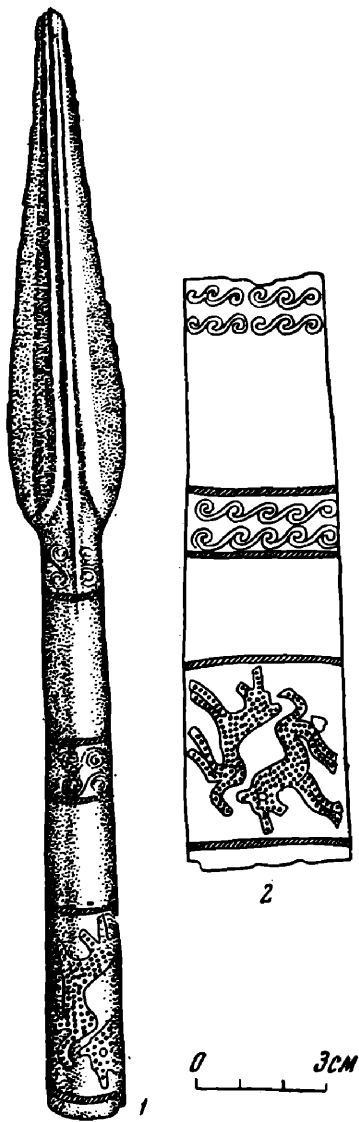

Рис. 57. Наконечник копья из Двани.

1 — общий вид; 2 — деталь рисунка.

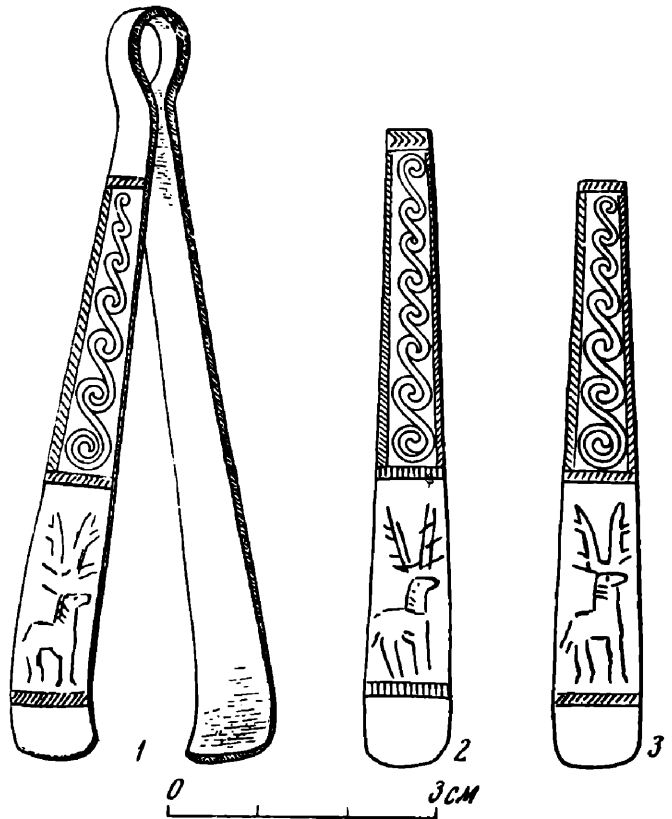

Рис. 58. Щипцы из Двани.

1 — общий вид; 2, 3 — детали рисунка.

Вместе с пряжкой, как мы упоминали выше, в Дванском погребении найдены и другие вещи. Особенно выделяется бронзовый наконечник копья (рис. 57). На нем, как и на пряжках, изображены собаки. Копье (длина его — 27 см) — с остросеребряным стержнем и разомкнутой втулкой; в нижней части — два отверстия для прикрепления к древку. Втулка украшена спиральными завитками; на конце ее изображены два животных (пантеры), по стилю и типу схожих с пантерами на пряжке, но изображение более примитивное. Оба животных — с разинутой пастью, туловище покрыто мелкими точками; хвосты загнуты вверх. Изображены пантеры в движении и обращены спиной друг к другу.

Рисунок в художественном отношении слаб, но по композиции он сходен с изображением лошадей на втулках копий из Эшери¹⁵ и Джомага¹⁶.

¹⁵ Б. А. Куфтин. Материалы по археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949, стр. 213, рис. 39.

¹⁶ Там же, т. II, стр. 174, рис. 42.

Найден бронзовый литой кинжал с рукоятью; лезвие в верхней части широкое, потом суживается и заканчивается довольно узким округлым концом; в середине лезвия — грани для стока крови. Длина кинжала — 45 см. Рукоять ажурная; в верхней части ее — прорези в виде треугольников, расположенных по окружности, в которые вставлялись гвоздики с шарообразными головками (сохранился только один экземпляр). Полости головки кинжала, видимо, заполнялись какой-то массой (может быть, деревом). Лезвие сломано. Кинжал по форме и технике обработки — местного, иберского происхождения и сходен с найденными в Самтавро¹⁷ (Мцхета) и Гостибе¹⁸.

Обнаружены также бронзовые щипцы среднего размера (длина — 9 см; рис. 58). Подобные щипцы часто попадаются в погребениях в Самтавро¹⁹, Анага²⁰, Эшери²¹ и др. Но щипцы из Двани отличаются красивым спиральным орнаментом; на концах их изображены стоящие олени. В погребениях нагорной части Закавказья, в Кобани²² и Степанцминда (Казбек)²³ найдено много предметов с изображениями оленей; в равнинной же Грузии — в центральной Картли — они встречаются редко, поэтому фигуры оленей на дванских щипцах имеют немалое значение для изучения вопроса о распространении культа этого животного в Картли.

Отметим также бронзовую булавку обычного типа с круглой головкой, украшенной выпуклыми точками (длина — 8 см).

Все эти бронзовые предметы хронологически вполне соответствуют найденной с ними бляхе и относятся вместе с ней к началу I тысячелетия до н. э. — приблизительно к VIII—VII вв. до н. э.

---

¹⁷ История Грузии. Под ред. С. Джанашиа, ч. I, изд. 2, Тбилиси, 1950, стр. 27.

¹⁸ S. Makalathia. Découvertes archéologiques en Géorgie en 1930. Mitteilungen der Anthrop. Gesellschaft in Wien, Bd. LXII, 1932, стр. 102, рис. 1.

¹⁹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 70, рис. 74, а; E. Chantre. Указ. соч., т. III, табл. III, а, б; XIX, 9.

²⁰ S. Makalathia. Указ. соч., стр. 118, рис. 15.

²¹ Б. А. Куфтин. Материалы по археологии Колхиды, т. I, табл. XIII, 10.

²² МАК, т. VIII, табл. XV, 4; XVI, 3; XVII, 4; XXIX, 3; XXXVIII, 2, 3.

²³ Там же, табл. LXIX, 1, 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
БФК — Большой Ферганский канал
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКА — Материальная культура Азербайджана
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
СМОМПК — Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа
Средазкомстарис — Среднеазиатский комитет по охране памятников старины и искусства
СЭ — Советская этнография
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
Тр. ИИА АН Узб. ССР — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
Тр. Кирг. ГПИ — Труды Киргизского государственного педагогического института
ФАН — Филиал Академии наук
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>А. П. Черныш.</i> Проблема хронологии позднего палеолита Европейской части СССР.	3
<i>С. С. Черников.</i> К изучению древней истории Восточного Казахстана	12
<i>Э. А. Сымонович.</i> Стеклопосуда середины I тысячелетия нашей эры с нижнего Днепра	22

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Т. Д. Белановская.</i> Трипольское поселение Красноставка	31
<i>В. И. Спришевский.</i> Чустское поселение эпохи бронзы. (Из раскопок 1954 г.)	40
<i>Ю. А. Заднепровский.</i> Дальверзинское селище	50
<i>В. М. Массон.</i> Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба	58
<i>В. М. Массон.</i> Археологические работы на Мисрианской равнине	66
<i>В. И. Сарияниди.</i> Керамические печи древней Маргианы	72
<i>Б. Э. Гамбург и Н. Г. Горбунова.</i> Ак-Тамский могильник	78
<i>В. В. Гинзбург.</i> Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильников	91
<i>Л. П. Зяблин.</i> Археологические работы на Иссык-Куле	94
<i>Л. И. Ремпель.</i> Некрополь древнего Тараза	102
<i>Г. И. Пацевич.</i> Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике	111
<i>А. А. Иессен.</i> Работы Азербайджанской экспедиции в 1953 году	115
<i>К. Х. Кушнарера.</i> Раскопки на холме Узерлик-тепе около Агдама. (Из работ Азербайджанской экспедиции 1954 г.)	129

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

<i>И. Н. Хлопин.</i> Изображение коровы на сосуде из Кара-депе. (По материалам работ ЮТАКЭ 1955 года)	136
<i>С. И. Макалатия.</i> Погребение эпохи поздней бронзы из селения Двани	139
Список сокращений	144

*Краткие сообщения Института истории
материальной культуры, вып. 69.*

Утверждено к печати Институтом истории
материальной культуры Академии наук СССР.

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*
Технический редактор *Н. Д. Новицкова*

*

РИСО АН СССР № 126—8413. Сдано в набор
16/V 1957 г. Подп. в печать 22/VIII 1957 г.
Формат бум. $70 \times 108\frac{1}{16}$. Печ. л. $9\frac{1}{4} + 1$ вкл. =
= 12.67. Уч.-изд. лист. 12,1. Т-07845. Тираж 1800.

Изд. № 2111. Тип. зак. 161.

Цена 7 р. 40 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Подсосенский пер., д. 21.

1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12.